

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

8350
~~MGT~~
~~V5:11~~

UC-NRLF

#B 598 634

1

Годъ III-й.

№ 11-й.

M I R   B O Z H I I
МІРЪ БОЖІИ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Н О Я Б Р Ъ

1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1894.

и 572

LOAN STACK

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го октября 1894 года.

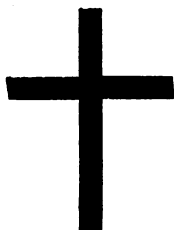
СОДЕРЖАНІЕ.

AP50
M47
1894:11
MAIN

СТР.

ПРИЧИНА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.	V
УСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ.	VII
1. ПРЕДАТЕЛЬ. (Изъ дѣтской жизни). Очеркъ Евгенія Чирикова	1
2. СКИТАЛЕЦЪ. (Стихотвореніе въ прозѣ). Евгенія Чирикова	11
3. «ХАРАКТЕРИСТИКИ» ТЕОФРАСТА И ЛА-БРЮЙЕРА. А Слѣпцова.	16
4. ПѢСНЯ РАБОТНИКА. Томаса Гуда. Ивана Бунина	36
5. «LUX IN TENEBRIS LUCET». (Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ). (Разсказъ). Генриха Сенкевича. Пер. съ польскаго В. Ш—скаго.	38
6. ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ СКОВОРОДА. Украинскій народный учитель и фи- лософъ. (1722—1794). С. Р.	48
7. РОДИНА. Романъ Гернфельда. Переводъ съ финскаго проф. П. О. Моро- зова. (Продолженіе).	73
8. НЕРАЗУМНОЕ ЖЕЛАНІЕ. К. Мандесъ. Пер. С. Брагинской.	99
9. ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ КЪ ЗНАНІЮ ВООБЩЕ. Г. Гельмгольца. Пер. А. М.	103
10. НА БАБЬЕМЪ ХУТОРѢ. (Разсказъ изъ жизни сѣвернаго Кавказа). Степа- на Бондарчуна.	122
11. ПОЛУВѢКОВАЯ ГОДОВЩИНА СМЕРТИ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА. Виктора Острогорскаго	145
12. НОВЫЯ КНИГИ: Э. Сувестрь. Философъ на чердакѣ. W.—Бесѣды врача Н. П. Черепнина о заразныхъ болѣзняхъ.—Сто великихъ людей. Книга II.	152
13. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	158
14. ИЗЪ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. — Вопросы русской общественной жизни.—Годовщина смерти П. И. Чайковскаго.—Лѣт- няя женщины въ Самарской губ.—Интеллигентные пахари.—Переселенцы въ пути. — Изъ русскихъ журналовъ («Вѣстникъ Европы», «Русская Школа», «Этнографическое Обзорѣніе»). Пребываніе Гоголя за границей.— Изъ дневника учительницы воскресной школы. Толки народа о скорой кончинѣ міра. — Изъ иностранной жизни. Лѣтнія занятія въ универ- ситетѣ въ Чикаго. — Вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ въ Англіи и Америкѣ. — Докторъ Бернардо и его филантропическая дѣятельность въ Англіи.—Бельгійскій свободный университетъ.—Япон- скіе журналисты и печать.—Американскій способъ раздѣленія океан- скихъ судовъ на двѣ части для пропуска ихъ черезъ шлюзы.— Изъ иностранныхъ журналовъ. «Century Magazine».—«Revue de Paris».— «Review of Reviews». — «Revue des Revues».	164
15. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) РОМАНЪ М-РА ГИЛЬФИЛЯ. Повѣсть Джоржъ Эллиотъ. Переводъ съ англійскаго. С. Майновой	49
2) НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ. Съ нѣмецкаго по Бомелли, Ней- майру и друг. подъ редакц. В. Агафонова.	325
16. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

20-го октября вечеромъ весь Петербургъ былъ потрясень страшною вѣстью: „Государь Императоръ Александръ III — гласила телеграмма, полученная изъ Ливадіи Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ отъ Министра Императорскаго Двора, — въ 2 ч. 15 мин. по полудни, сего 20 октября, тихо въ Бозѣ почилъ“.

„Кончина Государя Императора Александра Александровича — говоритъ другая телеграмма — была праведная, какъ праведна была жизнь Его, исполненная вѣры, любви и смиренія. Нѣсколько дней Онъ уже чувствовалъ приближеніе смерти и готовился къ ней, какъ вѣрующій христіанинъ, не оставляя заботъ о дѣлахъ правленія. Два раза, 9-го и 17-го октября, Государь приобщался Св. Тайнъ. Не спавъ всю ночь, рано утромъ, 20-го числа, въ Бозѣ почившій Императоръ сказалъ уже Императрицѣ: „Чувствую конецъ, будь покойна, Я совершенно покоенъ“, и, собравъ всю Семью около Себя,

пригласилъ духовника и пріобицился съ великимъ умиленіемъ, произнеся въ слухъ яснымъ для всѣхъ голосомъ молитву предъ причащеніемъ, сидя въ креслахъ. Государь все время не терялъ ни на минуту сознанія. Послѣ обѣдни Онъ послалъ за о. Іоанномъ Сергіевымъ и вмѣстѣ съ нимъ молился; потомъ, чрезъ полчаса, призвалъ его снова, и о. Іоаннъ, вновь напутствовавъ Его молитвою и помазаніемъ св. елея, пріобицилъ Св. Тайнъ и оставался при Немъ до самой кончины. Въ два часа пополудни усилился у Государя пульсъ, и взоръ Его какъ-бы оживился, но уже чрезъ четверть часа, закрывъ глаза и откинувъ голову, Онъ предалъ духъ Всевышнему Богу, завѣщавъ народу Своему благословеніе мира и завѣтъ доброй жизни“.

Тихо почилъ на рукахъ Августѣйшей Своей супруги и возлюбленнаго Сына Наслѣдника, окруженный всей Своей семьей, русскій Монархъ-Миролюбецъ, въ кратковременное царствованіе Свое свято охранявшій благодѣтельный миръ, при которомъ только и возможно спокойное развитіе внутренняго благосостоянія страны.

Почилъ Монархъ, любимый народомъ и самъ этотъ народъ сердечно любившій!

Тяжела потеря; велика скорбь и Его семьи, и всей громадной Россійской монархіи!

Вѣчная память Августѣйшему усопшему!

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Богу Всемогущему угодно было въ неисповѣдимыхъ нутяхъ Своихъ прервать драгоцѣнную жизнь горячо любимаго Родителя Нашего Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болѣзнь не уступила ни лѣченію, ни благодатному климату Крыма, и 20-го октября Онъ скончался въ Ливадіи, окруженный Августѣйшей Семейю Своей, на рукахъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Нашихъ.

Горя Нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ Государствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по Государю, безвременно отошедшему въ вѣчность и оставившему родную землю, которую Онъ любилъ всею силою Своей русской души и на благоденствіе которой Онъ полагалъ всѣ помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами никогда не перестанутъ чтить память Царя, олицетворившаго непоколеби-

мую правду и миръ, ни разу не нарушенный во все Его Царствованіе.

Но да будетъ святая воля Всевышняго и да укрѣпитъ Насъ незыблемая вѣра въ премудрость Небеснаго Промысла, да утѣшитъ Насъ сознаніе, что скорбь Наша — скорбь всего возлюбленнаго народа Нашего, и да не забудеть онъ, что сила и крѣпость святой Руси — въ ея единеніи съ Нами и въ безпредѣльной Намъ преданности. Мы же, въ этотъ скорбный, но торжественный часъ вступленія Нашего на Прародительскій Престоль Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, воспоминаемъ завѣты усопшаго Родителя Нашего и, проникшись ими, приедемъ священный обѣтъ передъ Лицомъ Всевышняго всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастья всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ.

Всемогущій Богъ, Ему же угодно было призвать Насъ къ сему великому служенію, да поможетъ Намъ. Вознося горячія молитвы къ Престолу Вседержителя объ упокоеніи чистой души незабвеннаго Родителя Нашего, повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ подданнымъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгію Александровичу, Которому быть и титуловаться Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, доколѣ Богу угодно будетъ благословить рожденіемъ Сына предстоящій бракъ Нашъ съ Принцессою Алисою Гессенъ-Дармштадтскою.

Данъ въ Ливадіи, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ девяносто четвертое, Царствованія же Нашего въ первое. Октября 20-го дня.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

ПРЕДАТЕЛЬ.

(Изъ дѣтской жизни).

О ЧЕРКЪ.

I.

Задрезжалъ звонокъ, возвѣщавшій объ окончаніи уроковъ. Первоклассники получили нѣсколько единицъ за латинскіе „вокабулы“, помолились за „родителей и учителей, ведущихъ ихъ къ познанію блага“, и шумной толпою ринулись вонъ изъ класса.

Всѣмъ было весело, не исключая даже и тѣхъ, которые проштрафились по „вокабуламъ“: въ кругу друзей и товарищей легко переносились „латинскія напасти“,—отовсюду сочувствіе, полное единомысліе и солидарность!..

Всѣмъ весело. Грустно одному только Заплатину Ивану...

Заплатинъ Иванъ идетъ позади, отдѣлившись отъ своихъ одноклассниковъ, смотреть въ паркетный полъ и шагаетъ очень медленно. Никто на него не обращаетъ вниманія, никто не предлагаетъ ему идти домой вмѣстѣ, никто не окрикаетъ по фамиліи.

Заплатинъ Иванъ совершенно забыть... Заплатинъ Иванъ не существуетъ для нихъ болѣе... Что диванъ, что Заплатинъ Иванъ,—имъ все равно... Во время перехода отъ класса до швейцарской Заплатинъ Иванъ услышалъ только одну фразу, да и то эта фраза не была обращена непосредственно къ нему, а была сказана резонерски-спокойнымъ тономъ въ пространство: когда Заплатинъ Иванъ спускался съ послѣдней ступени широкой лѣстницы съ перилами въ швейцарскую,—его торопливо обогналъ Сметанинъ Николай и довольно отчетливо произнесъ:

— Дуть слѣдуетъ предателей!..

Заплатинъ Иванъ притворился, что не слышитъ,—даже не обернулся, и ничего не отвѣтилъ. Но краска стыда, внезапно покрывшая его щеки, выдала притворство Заплатина Ивана...

Да, онъ слышалъ, отлично слышалъ... Но что же могъ онъ отвѣтить?.. Ничего, рѣшительно ничего... Это дѣйствительно правда,—онъ выдалъ...

Дѣло было такъ.

Вчера, во время „большой перемѣны“, въ первомъ основномъ классѣ поднялась страшная возня около классной доски. Петровъ и Григорьевъ стали бороться. Петровъ хватилъ „подъ ножку“, и повалилъ Григорьева. Кто-то закричалъ въ этотъ моментъ „куча мала!“ — и скоро оба борца исчезли подъ грудю павалившихся первоклассниковъ. Кто-то, воодушевившись, закричалъ во все горло „ура!“, другіе поддержали.. А Соколовъ вошелъ въ такой экстазъ, что не вытерпѣлъ, и пустилъ въ окно мокрой тряпкой, которой стирается съ доски мѣлъ. Стекла со звономъ и дребезгомъ посыпались на подоконникъ и на полъ, а первоклассники разомъ отрезвѣли и въ одно мгновеніе разсыпались въ стороны, заняли свои мѣста на партахъ и уткнули носы въ раскрытые учебники...

Но было поздно!..

Торопливо вбѣжавшій въ классъ надзиратель, по прозванію класса—„возья борода“, успѣлъ уже замѣтить главныхъ „зачинщиковъ“...

Петровъ и Григорьевъ, какъ лежавшіе на самомъ низу „кучи“, не успѣли во время занять свои позиціи на заднихъ партахъ и не оправились еще отъ волненія... Они и попали, такъ сказать, въ первую голову. Попалъ еще Сметанинъ Николай и ни въ чемъ неповинный Заплатинъ Иванъ. Послѣдній былъ только зрителемъ происшедшей свалки, и даже потерпѣвшимъ, ибо мокрая тряпка, прежде чѣмъ разбить стекло, мазнула Заплатина Ивана по фізіономіи. Непосредственного участія онъ не принималъ... Однако „возья борода“ записала и Заплатина, который, неожиданно увидавъ надзирателя, такъ и остался на мѣстѣ, съ испуганно-раскрытыми глазами и полукрѣпкимъ ртомъ, пораженный какимъ-то столбнякомъ...

Пришелъ въ классъ инспекторъ. Онъ вывалъ съ мѣстъ всѣхъ виновниковъ катастрофы и спокійно, но угрожающе, потребовалъ сознаться, кто разбилъ стекло. Всѣ стойчески

выдерживали пронизывающей взгляд инспектора, настаивая на своей полной невинности.

— Ей-Богу же, Александръ Андреичъ, не я!

— Не ты?.. Я спрашиваю въ послѣдній разъ...

— Не я...

— И не знаешь, кто?

— Не знаю.

— А зачѣмъ смотришь вбокъ? Гляди прямо!

— Я прямо... Не знаю... Не видалъ. Я стоялъ задомъ.

— Гм... И ты, Петровъ, стоялъ задомъ?

— И я задомъ... Ей-Богу, задомъ...

Оказалось, что всѣ опрашиваемые были въ моментъ катастрофы „задомъ“ и потому не могла назвать сидѣвшаго теперь, какъ ни въ чемъ не бывало, на „камчаткѣ“, истиннаго преступника.

Только Заплатинъ Иванъ не выдержалъ и сталъ хныкать.

— И ты—задомъ?—сердито спросилъ его инспекторъ.

— Я не задомъ... нѣтъ—заикаясь пробормоталъ Заплатинъ Иванъ...

— Значить,—передомъ?..

— Нѣтъ... Я... я... стоялъ. Это—не я.

— Не задомъ, не передомъ... Вотъ что, братецъ: останься-ка нынче послѣ уроковъ до четырехъ часовъ...

— За что же?.. Это не я...—гнусаво затанулъ Заплатинъ Ивановъ.

Но инспекторъ „по внутреннему убѣжденію“ рѣшилъ, что никто иной, какъ Заплатинъ Иванъ, есть истинный виновникъ, а потому еще разъ безапелляціонно произнесъ:

— До четырехъ часовъ, голубчикъ!.. А вы—обратился инспекторъ къ остальнымъ—можете идти домой...

Однако, получившіе амнистію не пожелали ею воспользоваться:

— Отпускать—такъ всѣхъ, Александръ Андреевичъ!—робко произнесъ одинъ изъ борцовъ, а другой добавилъ:

— Или всѣхъ „безъ обѣда“, или всѣхъ простите!..

А Заплатинъ Иванъ окончательно „сдrefиль“: онъ заплакалъ и затанулъ гнусаво:

— Это... не я.. а..а-а... меня... безъ... безъ обѣд...ааа...

Инспекторъ прибѣгнувъ къ послѣднему средству:—обратившись ко всему классу, онъ заявилъ, что, если не выдадутъ преступника, то всѣмъ будетъ убавлена отмѣтка за поведение въ табеляхъ...

Заплатинъ Иванъ не понялъ этой угрозы: онъ принялъ ее исключительно на свой счетъ.

И тутъ онъ сознался и выдалъ товарища Соколова.

— Это... не я... Со...коловъ бросилъ, а...аа... ме...ня...

Преступникъ поступилъ съ достоинствомъ: какъ только онъ услышалъ свою фамилію, такъ сейчасъ же всталъ, и благородно и мужественно подтвердилъ:

— Я пустилъ „мазилку“, Александръ Андрейчъ!..

Инспекторъ оставилъ хабреца до пяти часовъ и велѣлъ ему принести завтра рубль за разбитое стекло.

А Заплата Иванъ онъ погладилъ по головѣ и ушелъ вонъ изъ класса...

— Ябеда!..

— Фискалъ!..

— Предатель!..

Вотъ какіе эпитеты посыпались на голову бѣднаго Заплата Ивана по уходѣ инспектора, — и классъ тутъ же постановилъ: 1) не связываться съ Заплатинымъ; 2) не давать ему „списывать“; 3) не подсказывать; 4) не говорить съ нимъ, а при случаѣ и 5) отлупить...

II.

Заплатинъ Иванъ сидѣлъ въ будуарѣ у мамы иковырялъ пальцемъ обивку турецкой софы...

Мама собиралась въ клубъ. Она стояла передъ большимъ трюмо и, поворачивая голову то направо, то влѣво, то откидывая ее назадъ, обзрѣвала себя съ различныхъ точекъ зрѣнія...

Около мамы стояла горничная Груша и обдергивала свою барыню...

Между дѣломъ мама разговаривала и съ Ваней.

— Онъ вызвалъ и велѣлъ сознаться... А мнѣ чего сознаваться?... Я не разбивалъ...—бормоталъ Ваня, старательно расковыривая маленькую дырочку въ софѣ.

— Такъ бы и сказалъ!.. Груша!.. вотъ тутъ!.. Ахъ, Боже мой! Да не тутъ, пониже!.. Ахъ, дура...—говорила мама съ Ваней и съ горничной одновременно.

— Я и сказалъ... Разбилъ Соколовъ, а я виноватъ...

— Ну, такъ бы и сказалъ!.. Груша! Спрысни меня сзади!.. Надо всегда говорить правду... Лгать не хорошо... Ну, куда же ты брызжешь?.. Ахъ, Господи, какое наказанье! Летитъ за лифъ!..

— На девольте-съ не приважете?..

— Ничего сдѣлать не умѣютъ!.. Это ужасно...

— Я сказалъ, а меня ругаютъ... дразнятъ предателемъ... ябедой...

— Ахъ, Ваня, будетъ!.. Ты ужасно надоѣдаешь... И всегда въ то время, когда мнѣ некогда... Ты видишь вѣдь, что я занята?.. Нельзя развѣ объ этомъ послѣ... Груша, вотъ здѣсь еще!..

Ваня замолчалъ. Онъ еще нѣкоторое время ковырялъ пальцемъ обивку софы, потомъ всталъ, и тихо, задумчиво побрелъ изъ будуара...

Ваня пошелъ посмотрѣть, что дѣлаетъ папа...

Онъ тихонько пріотворилъ дверь отцовскаго кабинета и заглянулъ туда.

Папа тоже „собирается“. Лицо у него—доброе и веселое. Папа былъ, видимо, доволенъ собою. Онъ стоялъ передъ зеркаломъ и закручивалъ „въ струнку“ свои усики...

Ваня вошелъ въ кабинетъ.

— Что, Иванъ Петровичъ, скажете хорошенькаго? — шуточно-добродушно спросилъ папа Ваню, отходя отъ зеркала, и любовно погладилъ Ваню по головѣ и потрепалъ по щекамъ.

— Ты собрался?—печально спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Готовъ, готовъ, дружокъ мой...

— Мама тоже скоро готова будетъ... — тихо произнесъ Ваня...

Они помолчали...

Ваня сѣлъ въ большое кресло предъ письменнымъ столомъ, и изъ-за спинки кресла чуть-чуть выставилась его гладко остриженная, какъ точеная, голова...

— У насъ сегодня стекло разбили, — немного помолчавъ, вымолвилъ со вздохомъ Ваня.

— Уже не вы ли это, Иванъ Петровичъ, набѣдокурили?..

— Нѣтъ, папа... Это—Соколовъ разбилъ... А меня понапрасну инспекторъ хотѣлъ безъ обѣда оставить...

На глазахъ Ивана Петровича блеснули слезинки: такъ тяжело было воспоминаніе объ этой несправедливости...

— Эге-ге-ге, Иванъ Петровичъ!.. Чего же это вы нюни то распускаете? Вѣдь дѣло объяснилось?.. Ты сказалъ, что не ты?..

— Сказалъ, папа... А они меня дразнятъ, папа... ябедой... предателемъ...

— Кто же это они? а? Кто, милый мальчикъ?

— Ученики... Я сказалъ правду, а они... со мной... го... говорить не хот...я-я-ять...

— Ну, и ты не говори съ ними!.. Ну, о чемъ же, мальчикъ, плакать? Вѣдь ты сказалъ правду? Правда, другъ, прежде всего!.. Никогда не лги,—это первое... Ты вѣдь у меня—молодецъ... Ну, о чемъ же ты? Полно, полно!! перестань!..

И отецъ сталъ трепать правдиваго Ивана Петровича за подбородокъ...

А Иванъ Петровичъ окончательно расплакался...

Въ это время въ передней задребезжалъ звонокъ, и оборвалъ трогательную сцену. Отецъ точно испугался чего-то и бросилъ Ваню, Ваня торопливо утиралъ слезы рукавомъ блузы. Папа подбѣжалъ къ двери и громкимъ шепотомъ закричалъ:

— Груша! Груша!!

— Здѣсь, баринъ...—отвѣтила горничная.

— Дома нѣтъ!.. Мы уѣхали въ клубъ! Слышишь?

— Слушаюсь!—сказала Груша, и пошла въ переднюю.

Она быстро вернулась и принесла папѣ визитную карточку. Папа прочиталъ, что было на ней написано, и, разсердившись, бросилъ ее на столъ (папу просили „ради Бога прѣхать къ больному сейчасъ-же“. Ванинъ папа былъ докторъ).

— Ни минуты покоя! Они не понимаютъ, что и я—человѣкъ, что и мнѣ нуженъ отдыхъ,—заворчалъ папа.

Ваня взялъ въ руки визитную карточку и сталъ читать ее...

— А если, папа, онъ умретъ?..

— Не суйся пожалуйста туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ,—съ сердцемъ оборвалъ Ваню папа, и прибавилъ:

— Ступай, скажи, что уѣхалъ въ клубъ, а если спросить, въ какой клубъ,—скажи,—не знаю... Ступай вмѣстѣ съ Грушей!..

Въ кабинетъ вошла мама, величественная, гордая, съ сіяющимъ лицомъ, плечами и руками, блиставшая дорогими камнями и золотомъ, распространявшая вокругъ тонкое, нѣжное благоуханіе ландыша,—и папа пересталъ сердиться.

Груша ушла, а Ваня остался... Ему вдругъ почему-то не захотѣлось идти въ переднюю, а захотѣлось побыть съ папой и мамой...

— Ты готовъ, Пьеръ?—спросила мама.

— Готовь!.. Отъ Ждановыхъ сейчасъ были... Утромъ былъ и опять извольте ѣхать... Кажется, сказалъ достаточно ясно, что нечего тутъ напрасно валандаться...

— Ну, сказалъ, что дома нѣтъ, вотъ и все!.. Есть изъ-чего горячиться!..—весело замѣтила мама...

— Сказалъ, такъ не вѣрять: карточку суютъ еще!.. Они думаютъ, что за 25 рублей въ мѣсяцъ я буду два раза въ день путешествовать!..

— Ну, кажется, путь свободенъ... Ёдемъ!..

Папа поцѣловалъ маму, а Иванъ Петровичъ сталъ размышлять: „зачѣмъ папа сказалъ неправду, что его нѣтъ дома?—лгать скверно“.

Его размышленія, впрочемъ, были прерваны мамой...

— Ну, Ванёкъ, прощай!.. Веди себя безъ насъ лучше... Уроки-то всѣ выучилъ?..

— Осталось Ros'-у склонять... Первое склоненіе...

— Ну, вотъ *розу* выучи свою и ложись спать...

Мама подробно рассказала Ванѣ, чтѣ и какъ онъ долженъ дѣлать въ ихъ отсутствіе, и чего не долженъ дѣлать...

Потомъ папа съ мамой поцѣловали Ваню и уѣхали...

III.

Въ столовой, за круглымъ, покрытымъ клеенкою, столомъ, сидѣли старая нянька съ чулкомъ и Ваня съ латинской грамматикой. Няня, согнувшись, проворно двигала костлявыми пальцами, нанизывая петельку за петелькой на чулочные иглы, Ваня училъ склонять свою Ros'-у...

Впрочемъ, ученіе шло туго, и Ваня машинально повторялъ „Rosa, Rosae, Rosae“, а въ сущности онъ не покидалъ проклятаго вопроса: скверно поступилъ онъ, выдавши Соколова, или хорошо—сказавъ правду?..

— Михѣевна, ты врешь?..

— Чего, батюшка, вру?..

— Нѣтъ, ты когда-нибудь врала?..

— Зачѣмъ, Ваничка, врать!..

— Никогда?.. Ни разу?..

— Не помню, чтобы врала...

— А папа врѣтъ?..

— Ай-ай!.. Рази про отца родного можно такъ говорить!..

— Ты скажешь,—никогда папа не вралъ?..

— Ахъ, Ваничка, что вы это говорите!... Рази хорошо?!..

— Я не виноватъ, что папа вретъ... А онъ вретъ... Давеча совралъ...

— Полноте, Ваничка!.. Учите-ка уроки лучше...

— Давеча его пригласили лѣчить, а онъ сказалъ, что дома нѣтъ... Что?

— Потому, что вашъ папа устамши, и ему надо отдохнуть...

— Мало ли что!.. Я не про то говорю... А все-таки, вѣдь, онъ былъ дома?..

— Ну, такъ что же... нельзя...

— Значить, онъ совралъ?..

— Зачѣмъ же, совралъ...

— А ну, тебя!.. Ничего не понимаешь... Съ тобой не сговоришь...

Nominativus—Rosa

Genitivus—Rosae

Dativus—Rosae...

— Ты, Груша, зачѣмъ врешь?— прервалъ склоненіе Ваня, увидя подошедшую къ столу горничную!..

— Когда?..

— А давеча?.. Сказала, что папа уѣхалъ, а онъ былъ дома...

— Мнѣ-то чтѣ!.. Чтѣ мнѣ приказываютъ, тѣ и скажу... Правдой не проживешь, баринъ...

— Какъ это не проживешь?.. А я вотъ проживу!.. — сказалъ Ваня.— По твоему какъ?— хорошо, чтѣ я выдалъ Соколова... Онъ стекло разбилъ, а я сказалъ про него?..

— Вотъ и нехорошо...

— Товарищей выдавать нехорошо — вставила доселѣ молчавшая нянька,— надо другъ за дружку стоять... Мало ли что промежду товарищами бываетъ... Надо ужъ другъ за дружку...

— Значить, я—предатель по твоему?

— Выходить, что такъ...

Ваня смолкъ. Онъ уставился въ грамматику и читалъ падежи склоненія. Но читалъ безъ всякаго вниманія, и потому память совершенно бездѣйствовала...

Послѣ грамматики Ваня схватилъ „Законъ“, и хотѣлъ повторить.

Папа говоритъ, что лгать скверно, а самъ вретъ... А нянька съ Грушей говорятъ, что онъ—предатель... И самому

ему теперь чувствуется, что онъ сдѣлалъ нехорошо, выдавши Соколова, хотя и сказалъ правду...

Эти мысли и чувства всецѣло овладѣли Иваномъ Петровичемъ, и „проклятый вопросъ“ о правдѣ всталъ передъ нимъ мучительной загадкой... Иванъ Петровичъ повернулся на спину и закрылъ глаза. Ему было такъ совѣстно, что лучше было лежать съ закрытыми глазами... И онъ лежалъ, долго-долго...

Съ крихтѣньемъ и оханьемъ поднялась по лѣстницѣ въ дѣтскую няня...

— Ты что, Ваничка, дѣлаешь?..

Ваничка молчалъ...

— Экій грѣхъ, никакъ заснулъ... Иванъ Петровичъ!.. А, Иванъ Петровичъ!..

Нянька потрогала Ваню за руку.

— Надо раздѣтъ, а то барыня опять сердиться будутъ...— подумала вслухъ старуха.

Притворяться болѣе было нельзя, и нянька ужасно удивилась, когда Иванъ Петровичъ сердито огрызнулся:

— Самъ я раздѣнусь!.. Убирайся отъ меня!..

— Я думала,—вы уснули...

— Ничего не уснулъ...

Нянька ушла внизъ, а на смѣну ей скоро появилась въ дѣтской горничная Груша.

— Иванъ Петровичъ!.. А вы раздѣньтесь!..

— Убирайся ты отъ меня!..

— Нехорошо... Господа не спятъ въ брюкахъ... Барыня прѣдутъ,—разсердятся...—убѣждала Ивана Петровича горничная.

— А я вотъ сплю въ брюкахъ...—упрямо отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Вы хоть сапоги-то снимите!..

— Не желаю...

Груша еще разъ попыталась нарисовать Ивану Петровичу весь ужасъ мамы, если она застанетъ его спящимъ нераздѣтаго, пыталась даже собственноручно снять съ „безстыдника-барина“ сапоги и брюки...

Но Иванъ Петровичъ упрямо лягался и кричалъ:

— Отвяжись же, Груша!.. Я тебя не трогаю, ну и ты не лѣзь ко мнѣ!..

— А вы не лягайтесь, баринъ... Безстыдникъ какой!..

— Я хочу махать ногами, а ты сама подставляешь лицо... Смотри, я буду не виноватъ, если...

— Безстыдникъ!..

Груша разсердилась и ушла.

Иванъ Петровичъ остался одинъ и снова углубился въ разрѣшеніе „проклятаго вопроса“... Долго онъ думалъ, по временамъ вздыхалъ и чесался... Наконецъ, съ ужасу няньки и горничной, уснулъ-таки въ сапогахъ и брюкахъ...

Евгеній Чириковъ.

АКВАРЕЛЬ.

(СТИХОТВОРЕНИЕ ВЪ ПРОЗѢ).

Скиталець.

Стояли мрачныя, невыносимо скучныя дни. Солнце давно уже не ласкало землю своими привѣтливыми лучами, а небеса давно уже не очищались отъ сѣрыхъ облаковъ... Изрѣдка, правда, когда вѣтеръ разрывалъ облачное покрывало, тамъ и сямъ проглядывали небольшіе клочки небесной синевы, но едва только глазъ успѣвалъ поймать такой синій островокъ, какъ уже заволакивался и пропадалъ безслѣдно...

Моросилъ мелкій, какъ пыль, дождикъ, моросилъ безостановочно и днемъ, и ночью... Все смотрѣло угрюмо и вяло, все казалось грязнымъ, будничнымъ, апатичнымъ.

И широкое пустынное поле, и придорожныя покачивающіяся былинки, и печально опустившія вѣтви березки, и хмурый лѣсъ, что чернѣлъ впереди и терялся, убѣгая далеко-далеко,—все смотрѣло вяло, апатично и, казалось, говорило: „пусть безконечно долго мороситъ надоѣдливый дождикъ; пусть небо навсегда останется такимъ грязнымъ, пусть даже солнце не показывается надъ землею,—намъ все равно!“

Давно уже окрестности не слыхали соловья, что когда-то свободно и смѣло распѣвалъ дивныя пѣсни, къ которымъ, съ замираніемъ сердца, прислушивались и хмурый лѣсъ, и придорожныя кусточки, и каждая травка, и, слыша которыя, даже глупый быкъ переставалъ пережевывать свою жвачку и тупо смотрѣлъ на міръ Божій...

Куда дѣвался чудный пѣвецъ?.. Покинулъ ли онъ навсегда свою любимую лощину, или только спрятался и пережидалъ, когда снова выглянетъ солнце, и все опять улыбнется и заживетъ прежнею полною жизнью?!

Замолели и всѣ другія мелкія птички.

Одинъ вѣронъ надменно кружился надъ полями и, подлетая къ лѣсу, садился на высокой засохшій дубъ и зловѣще каркалъ и чистилъ свой острый клювъ.

По дорогѣ шель путникъ...

Изнемогая отъ усталости, онъ съ трудомъ передвигалъ ноги. Дождь промочилъ его до костей; вѣтеръ, хотя и не сильный, казался такимъ холоднымъ; руки повисли, какъ плети, и казались чужими и ненужными...

Давно уже шагаетъ онъ, усталый, по безконечной дорогѣ...

Онъ двинулся въ путь, когда были еще веселые солнечные дни, и когда вся природа ликовала и радовалась. У него были товарищи—спутники. Всѣ они шли къ одной общей цѣли—отыскать для братьевъ-людей счастье. Никто изъ нихъ не зналъ его мѣстопробыванія, но всѣ были твердо увѣрены, что знаютъ. Дорога казалась тогда совсѣмъ нетрудной, время шло незамѣтно, и всѣмъ было такъ хорошо, легко и весело... Долго они шли вмѣстѣ, рука объ руку, но потомъ разстались: одинъ изъ путниковъ усталъ, захотѣлъ отдохнуть и отпустилъ впередъ товарищей... А когда онъ очнулся отъ сладкаго забытья и пошелъ, чтобы нагнать друзей,—было уже поздно... Друзья исчезли...

Гдѣ они, и что случилось съ ними? Нашли ли они то, что искали?—путникъ не знаетъ. А онъ, онъ исколесилъ не одну тысячу верстъ, но напрасно. И вотъ теперь онъ одинъ, усталый, продрогшій, измученный. Какъ дологъ и тяжелъ путь! Хоть бы крупный, проливной дождь, хоть бы страшная буря съ громовыми раскатами и огненными зміями молній!...

Но нѣтъ, не видно черныхъ тучъ, не слышно отдаленнаго громового раската; небосклонъ не вспыхиваетъ заревомъ грозового пожара...

Все вяло, монотонно, сѣро... Видно, что не скоро меленькій дождикъ прекратитъ свое назойливое шуршаніе, не скоро небеса покажутъ свою синеву, и не скоро солнышко весело улыбнется землѣ и людямъ...

Дневной свѣтъ померкъ, и мгла упала на землю. Всѣ предметы стали терять свои контуры, расплываться и прятаться въ темнотѣ надвигавшихся сумерекъ. Обширная равнина полей превратилась въ безлюдную, безграничную пустыню, и только одинъ лѣсъ вставалъ впереди плотною черною стѣною. Кругомъ было мертво, безжизненно; ни одного живого звука не было теперь слышно, и лишь журчаніе дождевыхъ

капель да отдаленный глухой ропот хмураго лѣса нарушали этотъ страшный, мертвящій, покой...

Жутко становилось путнику, и сердце его то било тревогу, то вдругъ замирало, точно боялось, чтобы кто-нибудь не услышалъ его бѣнія...

Упала и ночь, темная-темная ночь.

Глухо шумящій лѣсъ завишѣлъ страшными призраками и безобразными чудовищамъ: они протягивали впередъ свои мохнатыя, карявыя лапы, то присѣдали, превращаясь въ карликовъ, то выпрямлялись во весь ростъ, дѣлаясь гигантами, то прятались, то внезапно выходили впередъ и заграждали дорогу. Дикія совы, ястреба и другіе хищники съ шумомъ и гиканьемъ шарахались въ стороны...

Гдѣ-то захохоталъ лѣшій, и хмурый лѣсъ привѣтствовалъ его цѣлымъ взрывомъ раскатистаго хохота... Гдѣ-то жалобно заплакало и заскрипѣло сломавшееся дерево... Чудища перешептывались между собою и, прыгая, обливали бѣднаго человѣка, цѣлымъ каскадомъ холодныхъ водяныхъ капель, а лапами царапали ему до крови и лицо, и шею, и руки... То и дѣло онъ наступалъ на ползающихъ подъ ногами гадовъ,—тѣ пищали, шипѣли и старались его язвить, кусать и жалить...

Лѣшій „обошелъ“ человѣка, и онъ потерялъ дорогу,— заблудился...

Густая чаща лѣсныхъ зарослей стояла непроходимыми дебрями всюду, куда онъ ни пытался направиться. Страшныя чудовища тянули его къ себѣ, разрывая въ клочки легкую ткань одежды... А кровожадный волкъ уже давно почувялъ присутствіе человѣка и давно уже шелъ по слѣдамъ его...

Скоро путникъ замѣтилъ опасность: онъ увидѣлъ, какъ въ темной чащѣ свернули два волчьихъ глаза... Вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, онъ собралъ послѣднія силы и стремительно винулся впередъ. Раздвигая сплетшіяся вѣтви и ломая сухіе колючіе сучья, онъ не шелъ, а почти бѣжалъ... Ничто не могло остановить его энергіи, ничто не могло противостоятъ этому послѣднему приливу силъ... Трещалъ и ломался подъ ногами валежникъ, сторонились безобразныя чудовища... Подбирая лапы, онѣ прятались подъ покровомъ ночи и уступали дорогу страшному своимъ отчаяніемъ человѣку...

Вотъ порѣдѣла лѣсная чаща. На мгновение блеснулъ серебряный серпъ мѣсяца, освѣтилъ широкую поляну, и опять спрятался въ ползущихъ по небу тучахъ... Словно что-то

тяжелое, давившее со всѣхъ сторонъ выпустило вдругъ путника на волю,—грудь вздохнула свободнѣе, и сердце забилося ровнѣе... А впереди... О, какая радость!—впереди привѣтливо мигнулъ огонекъ...

— Тамъ мое спасеніе... Скорѣй въ нимъ въ братьямъ-людямъ!..

И въ головѣ измученнаго человѣка нарисовалась заманчивая картинка: теплая, уютная, хатка, чистенькія выбѣленные стѣны; въ печи весело потрескиваютъ горящія дрова; въ чугунномъ котелѣ что-то бурлитъ и пѣнится!..

Въ хаткѣ живутъ простые, добрые люди... Они радостно встрѣчаютъ несчастнаго скитальца, ободряютъ его словомъ привѣта и радушія... И такъ хорошо путнику съ этими простыми, безхитростными, добрыми людьми!..

— Останься съ нами!—просятъ добрые люди,—будь нашимъ братомъ и другомъ, станемъ жить и трудиться вмѣстѣ!..

— А вы счастливы?—тихо спрашиваетъ путникъ.

— Да, живемъ слава Богу, всѣмъ довольны...

— А волки?..

— Насъ они не трогаютъ... Развѣ рѣдко когда овечку зарѣжутъ...

„Останусь, останусь!—шепчутъ губы изуставшаго путника,—вѣрно, здѣсь-то и живетъ то *счастье*, котораго я ищу и не нахожу нигдѣ...“

И путникъ бѣжитъ на мигающій впереди огонекъ...

На пути попадается мелкій березнякъ и кочварникъ. Подъ ногами вдругъ булькнула вода, зашуршала осока... Болото, топкое болото...

Но ничто теперь не можетъ уже остановить человѣка: онъ смѣло идетъ по болоту, спотыкается о кочки, падаетъ, но опять вскакиваетъ на ноги, и опять стремится впередъ, жадно слѣдя за свѣтящимся впереди огонькомъ.

А огонекъ то ярко вспыхнетъ, то вдругъ мигнетъ и потухнетъ... Далеко этотъ огонекъ... Но человѣкъ не падаетъ духомъ и не останавливается...

Впереди опять черный лѣсъ...

Вѣрно, хатка спряталась въ кустахъ и оттуда такъ привѣтливо выглядываетъ своимъ свѣтлымъ окопечкомъ... Впередъ же, впередъ!..

И путникъ напрягаетъ послѣднія силы.

Вотъ уже близко... всего въ нѣсколькихъ шагахъ... Но что это?!—огонекъ вдругъ пропалъ, и не появляется... Пут-

никъ широко раскрываетъ глаза, вперяя ихъ въ темноту ночи, но напрасно...

Гдѣ же ты, тихое пристанище, гдѣ желанное счастье?..

О, какая злая, безчеловѣчно-злая насмѣшка!—подъ ногами бѣднаго скитальца лежала гнилушка...

Человѣкъ наклонился, поднялъ гнилушку и нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на нее неподвижно... Потомъ глубоко вздохнулъ и безжизненно опустилъ руки...

Пальцы руки разжались,—и гнилушка выпала...

Постоявъ еще нѣсколько минутъ въ тупомъ раздумьи, несчастный скиталецъ опустился на влажную, усыпанную гниющей листвою, почву...

— Усталъ я!—слабо прошептали его губы.

Голова откинулась назадъ, руки безпомощно упали на земь, усталыя вѣки, страхнувши двѣ крупныя слезинки, смежились...

Надъ лѣсомъ взвился и закаркалъ воронъ... Его крикъ пробудилъ спавшій лѣсъ: гдѣ-то опять взвизгнула сова, и опять захохоталъ лѣшій... Змѣя, извиваясь стально-синимъ кольцомъ, подползла въ изголовью скитальца, а изъ-за ближайшаго куста жадно смотрѣли уже на свою жертву два волчьихъ глаза...

Погибъ человѣкъ въ поискахъ за другомъ людей—счастьемъ, и некому поставить крестъ надъ могилою павшаго страдальца...

Евгеній Чириковъ.

„ХАРАКТЕРИСТИКИ“ ТЕОФРАСТА И ЛА-БРЮЙЕРА.

Въ 1688 году въ лавку парижскаго книгопродавца Мишалé (Michalet) чуть ли не ежедневно заходилъ посѣтитель—порыться въ книгахъ, просмотрѣть «новости» и поиграть съ милымъ ребенкомъ—дочерью хозяина, которая ему очень полюбилась. И вотъ однажды посѣтитель вынулъ изъ кармана рукопись и передалъ ее Мишалé со словами: «Не хотите ли напечатать это? Быть можетъ, выгоды отъ изданія и не окажется; но, если выгода будетъ, дарю ее цѣликомъ моему маленькому другу». Мишалé подумалъ, взялъ рукопись, и не успѣлъ напечатать ее, какъ все изданіе расхватали; вскорѣ пришлось печатать и второе, и третье... а когда дочка его стала невѣстой, отецъ далъ за нею болѣе двухсотъ тысячъ франковъ наличными деньгами.

Авторъ книги, заслужившей такой успѣхъ, былъ Ла-Брюйеръ; самая книга носила заглавіе: «Les caractères de Théophraste, traduits du grec, avec les caractères ou les mœurs de ce siècle» («Характеристики» Теофраста. Переводъ съ греческаго. Съ приложеніемъ очерковъ современныхъ характеровъ и нравовъ). Успѣхъ ея вызвалъ множество подражаній...

«Съ тѣхъ поръ, какъ вышли «Характеристики» Ла-Брюйера,—читаемы въ одномъ журналѣ 1701 года,—онѣ не только переведены на нѣсколько языковъ, не только выдержали десять изданій въ двѣнадцать лѣтъ, но еще вызвали около тридцати подражаній подъ заглавіями: «Ouvrage dans le goût des Caractères»; «Théophraste moderne ou nouveaux Caractères des mœurs»; «Suite des Caractères de Théophraste & des mœurs de ce siècle»; «Les différents Caractères des femmes du siècle»; «Caractères tirés de l'écriture sainte & appliqués aus mœurs du siècle»; «Caractères naturels des hommes»; «Portraits sérieux & critiques»; «Caractères des vertus & des vices»... и т. д. Короче — характеристики наводнили рынокъ».

«По выходѣ книги Ла-Брюйера словомъ «caractère» до того прожужжали мнѣ уши,—разсказываетъ Палапра*),—что однажды, въ разговорѣ съ какимъ-то болтуномъ, повторившимъ его миллионъ разъ, я, наконецъ, позволилъ себѣ съ самымъ серьезнымъ видомъ замѣтить, что стоявшія на столѣ сосиски имѣютъ... несомнѣнно—трансцендентный характеръ!»

*) *Palaprat* (Жанъ де-Било-Палапра) р. 1650 г. ум. 1721 г. Авторъ нѣсколькихъ комедій, большинство которыхъ написано имъ въ сообществѣ съ Брюэ (Brueys). Онъ отличался неистощимою веселостію. Изъ произведеній Брюэ и Палапра болѣе известны: «L'Avocat patelin», «Le secret révélé», «Le Sot», «Le Grondeur», «Le Muet»...

Какъ видно изъ приведеннаго заглавія книги Ла-Брюйера, въ началѣ ея помѣщенъ былъ переводъ «Характеристикъ» Теофраста.

Теофрастъ — греческій философъ, сынъ ремесленника-суковала, родившійся въ г. Эресѣ на островѣ Лесбосѣ (Митилене) около 370 г. до Р. X. Получивъ хорошее по тому времени образованіе на родинѣ, онъ прибылъ въ Афины, гдѣ сначала слушалъ Платона, а затѣмъ, по смерти Платона, уже въ зрѣломъ возрастѣ, перешелъ (по однимъ показаніямъ въ 335 г., по другимъ—въ 345 г.) въ число учениковъ Аристотеля, которому, какъ рассказываютъ, обязанъ и своимъ именемъ. Его собственно звали «Тиртамъ», Аристотель же, плѣвленный краснорѣчіемъ ученика, назвалъ его сначала «Евфрастомъ» (т. е. «благовѣщающимъ») а потомъ даже «Теофрастомъ» («божественно глаголющимъ»). Если въ правдивости этого разсказа можно усомниться, все-таки несомнѣнно, что Теофрастъ принадлежалъ къ любимымъ ученикамъ Аристотеля, раздѣлялъ его труды по изученію природы; что Теофрасту великій учитель завѣщалъ свою бібліотеку, его назначилъ однимъ изъ опекуновъ своего воспитанника, сына, и дочери; ему же поручилъ и свою философскую школу, когда, обвиняемый въ неуваженіи къ богамъ, опасаясь «новаго преступленія противъ «философіи», т. е. участи Сократа, рѣшился покинуть Афины.

Ученики приступили къ Аристотелю съ просьбою указать—кого онъ считаетъ достойнымъ себѣ преемникомъ?—разсказываетъ Авлій Галлій *).

— Учитель долго колебался между Евдемомъ изъ Родоса и лесбійцемъ Теофрастомъ.

— Принесите мнѣ вина родосскаго и вина лесбійскаго,—сказалъ онъ, наконецъ.—Вино, которое я обыкновенно употребляю, стало оказывать на меня вредное дѣйствіе; хочу попробовать другого.

Отвѣдавъ принесенныя вина, Аристотель заявилъ, что и то, и другое прекрасно, каждое равно дѣлаетъ честь своей родинѣ, но первое слишкомъ крѣпко, второе же мягче, а потому и нравится ему болѣе.

Ученики поняли намекъ, и вокругъ Теофраста собралось до двухъ тысячъ слушателей.

Въ Теофрастѣ великій учитель всегда цѣнилъ не только умѣнье говорить, познанія и мудрость, но еще и чрезвычайно обходительный, пріятливый характеръ.

Не смотря на такой мягкій нравъ, и Теофрасту, однако, какъ большинству передовыхъ мыслителей и великихъ искателей истины, пришлось выдержать не мало гоненій. Однажды враждебныя ему лица, достигнувъ власти, даже закрыли его школу. Признавъ многочисленныя сборища вокругъ частнаго человѣка нарушеніемъ общественнаго порядка; они вообще запретили было философамъ преподаваніе подъ угрозою смертной казни; но это чудовищное запрещеніе продолжалось не болѣе года; затѣмъ его отменили. Позже, жрецъ Агнонидъ пытался преслѣдовать Теофраста, второяя противъ него обвиненія, взведенныя когда-то на Сократа и Аристотеля, но чуть было самъ не подвергся наказанію за то, что осмѣлился

*) *Aulus Gallius*, латинскій грамматикъ II-го вѣка до Р. X., оставившій 20 книгъ выписокъ изъ знаменитыхъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, замѣтокъ о бесѣдахъ съ современниками и т. п., весьма цѣнныхъ, такъ какъ А. Геллій, повидимому, пользовался источниками честно и толково. Книги его озаглавлены «Аттическія ночи», потому что онъ началъ писать ихъ въ Аттікѣ, и писалъ по ночамъ. Изъ двадцати книгъ одна (восьмая) утрачена.

усмотрѣть богохульство въ словахъ учителя, стяжавшаго общую любовь и уваженіе.

Уваженіе это заслужено было, повидимому, не только добросовѣстными, талантливыми занятіями въ школахъ и мягкостью въ сношеніяхъ съ людьми, готовностью помогать каждому по мѣрѣ силъ, но и рвеніемъ къ общественному благу. Когда въ Эресѣ нѣскольکو тирановъ незаконно захватили было власть, изгнавъ лучшихъ гражданъ,—разсказываетъ Плутархъ *),—Теофрастъ на собственный счетъ, вмѣстѣ съ соотечественникомъ своимъ Фидіемъ, поддержалъ и вооружилъ изгнанниковъ для освобожденія родного города.

Диогенъ Лаерцій **) перечисляетъ болѣе двухсотъ сочиненій Теофраста по предметамъ самымъ разнообразнымъ, но до насъ дошли только очень немногія изъ нихъ, между прочимъ нѣскольکو книгъ по ботаникѣ и извѣстныя «Характеристики».

Книги Теофраста о растительномъ мѣрѣ даютъ основаніе называть его «отцомъ ботаники» съ такимъ же правомъ, какъ Аристотеля называютъ «отцомъ зоологій».

Во вступительныхъ строкахъ предисловія къ «Характеристикамъ» читаемъ: «Достигнувъ 99-ти лѣтъ, дорогой Поликлеть, могу сказать, что пожилъ достаточно, чтобы знать людей, тѣмъ болѣе, что видѣлъ личностей всякаго рода и всѣхъ темпераментовъ, и притомъ старался изучать какъ людей добродѣтельныхъ, такъ и тѣхъ, которые приобрѣли извѣстность исключительно своими пороками»... Но подлинность самаго этого предисловія крайне сомнительна. Достоверно, однако, что «Характеристики» составлены едва за нѣскольکو лѣтъ до смерти Теофраста, а также, что онъ дожилъ до глубокой старости. Диогенъ Лаерцій утверждаетъ, будто онъ умеръ 95-ти лѣтъ, а св. Иеронимъ ***) упоминаетъ даже, будто онъ достигъ 107-ми-лѣтняго возраста.

Не смотря на такія преклонныя лѣта, Теофрастъ находилъ въ жизни нескончаемую прелесть и отраду, такъ какъ познанія его не переставали расширяться, вопросы жизни становились ему все яснѣе и яснѣе, людей онъ познавалъ все ближе и ближе, радуясь ихъ добрымъ наклонностямъ, но, не теряя вѣры въ нихъ и при встрѣчѣ съ порокомъ, низостью или ничтожествомъ. Св. Иеронимъ (въ указанныхъ письмахъ къ Непотіану) упоминаетъ, будто, проживъ болѣе вѣка, Теофрастъ считалъ себя едва ступившимъ на порогъ мудрости, Цицеронъ же (въ третьей книгѣ «Тус-

*) *Плутархъ*—историкъ греческій, оставившій намъ знаменитыя «Жизнеописанія» великихъ мужей Греціи и Рима. Умеръ при императорѣ Адрианѣ (117—138 г. по Р. Х.).

**) *Диогенъ Лаерцій*—греческій писатель, умершій въ 222 г. до Р. Х., оставилъ намъ жизнеописанія древнихъ философовъ и краткое изложеніе ихъ системъ въ 10-ти книгахъ.

***) *Св. Иеронимъ*—одинъ изъ отцовъ церкви IV—V вѣка (умеръ около 420 г. по Р. Х.). Его главный трудъ—исправленіе лучшаго изъ старинныхъ переводовъ Библии на латинскій языкъ, при чемъ нѣкоторыя части (напр., почти весь Новый Заветъ) переведенъ былъ имъ заново. Переводъ этотъ, извѣстный подъ именемъ «вulgаты» (editio communis, vulgata), признанъ былъ Тридентскимъ соборомъ (1545—1563) достовернѣйшимъ. Хотя въ трудѣ св. Иеронима и встрѣчается много неточностей, тѣмъ не менѣе, для своего времени—трудъ въ высшей степени замѣчательный и почтенный. Показаніе о возрастѣ Теофраста находимъ въ письмахъ къ Непотіану (Epp. LI ad Nepotianum de vita clericorum & monachorum).

куланскихъ разсужденій» *) разсказываетъ, будто Теофрастъ, умирая, порицалъ природу—зачѣмъ, давъ оленямъ и воронамъ бесполезное для нихъ долголѣтіе, она осудила человѣка на столь краткую жизнь. Онъ полагалъ, что долголѣтіе дало бы людямъ возможность достигнуть въ знаніи и творчествѣ такой высоты, при которой они бы сошлись на общепризнанныхъ основахъ жизни.

Обсуждая эти слова Теофраста, намъ не слѣдуетъ забывать, съ одной стороны, что, съ успѣхами знанія и общественнаго строя, долголѣтность все болѣе и болѣе становится въ зависимости отъ личной дисциплины каждаго отдѣльнаго человѣка; съ другой—что природа щедро вознаградила насъ за недолговѣчность, одаривъ насъ высшимъ даромъ, которымъ не обладаетъ ни одно изъ прочихъ земныхъ существъ, именно—способностью наследственной передачи сокровищъ знанія, мысли, чувства—всѣхъ умственныхъ, всѣхъ духовныхъ богатствъ. Преемственность эта, благодаря которой мы разумомъ, сердцемъ, волею—всею духовной природой живемъ изъ рода въ родъ, умножается съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе успѣховъ знанія, успѣховъ общенія, и, приближая насъ къ безсмертію, какъ бы оправдываетъ прометеевское стремленіе наиболѣе бодрыхъ, лучшихъ душъ—вырвать человѣка изъ цѣпи земныхъ существъ, изъ числа звеньевъ ея, дабы поставить его внѣ этой цѣпи, побѣдителемъ природы, почти всемогущимъ владыкою земли и самостоятельнымъ вершителемъ собственныхъ судебъ.

Послѣднія слова, обращенныя Теофрастомъ къ ученикамъ, были, приблизительно, таковы:

«Жизнь соблазняетъ насъ, обѣщая чрезвычайное наслажденіе отъ славы между людьми, но, едва начавъ жить, приходится умирать, сознавая, что нѣтъ и не можетъ быть ничего болѣе безплоднаго, какъ жажда славы. Пренебрегите заботою о людской молвѣ, и вы избавите себя отъ множества излишняго труда; затѣмъ же, если безвѣстный трудъ не убьетъ вашей бодрости, очень можетъ быть, что трудъ этотъ вознаградится славой. Вообще помните, что въ жизни много, много пустяковъ, и только очень немногое общаетъ прочные плоды».

Онъ часто говаривалъ: «Наиболѣе расточителенъ расточающій время». Пустая забота о людской молвѣ, очевидно, представлялась ему однимъ изъ наиболѣе вредныхъ видовъ этой расточительности.

Теофрастъ умеръ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ; на похоронахъ его присутствовалъ весь городъ.

Дошедшія до насъ «Характеристики» его представляютъ собою тридцать очень небольшихъ, очень сжатыхъ очерковъ и вступленіе въ нѣсколько строкъ (или—върѣе — только 27 очерковъ, такъ какъ три изъ нихъ, также какъ и вступленіе признаются подложными **). (По гречески слово *χαρακτήρες* собственно и значить «Очерки» отъ *χαρασσω*—

*) «Tusculanae disputationes».—пять книгъ разсужденій по отдѣльнымъ вопросамъ практической философіи, написанныхъ Цицерономъ на виллѣ его близъ городка Tusculum (нынѣ Фраскати), вблизи котораго многіе римляне имѣли великолѣпныя дачи.

**) Вотъ перечень ихъ: Двуличный, Лстець, Волтунъ, Деревенщина, Угодникъ, Срамникъ, Враль, Вѣстовщикъ, Нахаль, Скупой, Наглець, Бездѣльный, Навязчивый, Расвѣянный, Гордый, Недовольный, Недовѣрчивый, Неряха, Надблудный, Чванный, Человѣкъ, лишенный чувства порядочности, Хвастунъ, Надменный, Трусъ, Поздній ученикъ, Злоязычникъ, Алчный.

черчу, царапаю. Въ нихъ рисуются проявленія болтливости, лести, корыстолюбія, грубости, неряшества, суевѣрія, гордости, злословія, двуличности, чванства и проч. въ чертахъ, обусловленныхъ временемъ и мѣстомъ, т.-е. жизнью Аѳинъ IV вѣка до Р. Х., Аѳинъ македонскаго періода греческой исторіи, а также средою, изъ которой Теофрастъ черпалъ свои данныя: онъ изображалъ исключительно аѳинянъ зажиточныхъ и свободнорожденныхъ, и притомъ только мужскіе характеры.

Характеристики эти безцѣнны для насъ, какъ зеркало будничной жизни Аѳинъ того времени. «Онѣ,—замѣчаетъ проф. Ордынскій въ статьѣ своей о Теофрастѣ («Совр.» 1850; сентябрь),—относительно Греціи почти то же, что Помпея и Геркуланумъ для древне-римской жизни». Въ этомъ-то *отраженіи историческаго момента* и заключаются, полагаю, главный интересъ ихъ, сами же по себѣ онѣ врядъ-ли покажутся современному читателю достойными своей славы.

Самый совершенный, по своему времени, анализъ души человѣческой, сдѣланный древнимъ грекомъ, врядъ-ли можетъ удовлетворить требованіямъ нашихъ дней.

Теофрастъ даетъ *исключительно внѣшніе и при томъ болѣе рѣзкіе признаки* той или другой наклонности, привычки, того или другого склада въ человѣкѣ. Мы же такими грубыми красками довольствоваться не можемъ, даже когда онѣ подобраны съ величайшею наблюдательностью, какъ у Теофраста. По нашимъ понятіямъ, такія изображенія врядъ-ли даже могутъ быть названы «характеристиками». Теофрастъ скорѣе даетъ описаніе людскихъ «породъ», чѣмъ людскихъ характеровъ, говоритъ Ордынскій: «Какъ если бы кто-нибудь въ наше время вздумалъ описывать породы собакъ: гончую, борзую, лагавую, такъ Теофрастъ описываетъ лъстеца, угодника, вралю, и т. д.». Приглядываясь ежедневно—какое множество самыхъ разнородныхъ вліяній отражается на человѣкѣ, изъ какихъ сложныхъ чертъ слагается характеръ отдѣльнаго лица, особенно при извѣстной степени умственнаго и нравственнаго развитія; какъ вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальныя черты легко скрываются подъ нивелирующимъ лоскомъ общепринятыхъ формъ жизни; какъ нерѣдко самыя разнородныя побужденія вызываютъ внѣшнія проявленія, почти тождественныя для плохого наблюдателя,—мы отъ характеристики требуемъ психологическаго анализа, проникновенія въ тайники души, въ причины принятаго ею склада, требуемъ разслѣдованія ея побужденій.

Въ сравнительно-уединенной жизни древней Греціи, при сравнительно простой ея жизни, человѣкъ не подвергался тому изобилію разнородныхъ вліяній, которому подвергаемся мы. И глубокому психологу не пришлось бы въ тѣ времена разгадывать и распутывать психологическія явленія столь сложныя, какъ нѣкоторыя явленія нашего времени.

Еще важнѣе то, что древній грекъ едва догадывался о значеніи для душевнаго склада человѣка нѣкоторыхъ причинъ, важность которыхъ и намъ стала выясняться точнѣе только съ очень недавняго времени (наслѣдственность, климатъ, общественная, домашняя среда, встрѣчи, внушенія и т. д.).

Характеристика людей внѣшними проявленіями, и притомъ проявленіями самыми грубыми, тѣмъ менѣе удовлетворяетъ насъ, что въ наше время рѣзкія проявленія индивидуальности встрѣчаются развѣ въ натурахъ первобытныхъ, не тронутыхъ господствующей цивилизаціей; въ

людяхъ же, принявшихъ ее, слѣды индивидуальности проявляются въ чертахъ едва замѣтныхъ; индивидуальныя особенности потерлись даже во внѣшности, люди стали всѣ *на первый взглядъ* болѣе или менѣе похожи другъ на друга...

Ils ressemblent à mon avis
Aux écus frappés par nos pères,
Que l'usage a si fort polis,
Qu'on en cherche les caractères *).

Даже слабый умъ, слабая воля въ человѣкѣ, идущемъ торными путями, сказываются не сразу. Недостатокъ ума, мышления скрывается усвоеннымъ, и притомъ подчасъ довольно разностороннимъ, мировоззрѣніемъ большинства или кружка; недостатокъ воли—отсутствіемъ въ стадномъ обиходѣ современной обыденной жизни привычки проявлять собственные стремленія, а тѣмъ болѣе—отсутствіемъ необходимости подвергать волю испытаніямъ. Еще труднѣе опредѣляется индивидуальность человѣка умнаго и сильного волею...

Независимо отъ грубости красокъ, отъ очертаній, слишкомъ для насъ рѣзкихъ, *нѣкоторыя* «характеристики» Теофраста производятъ, кромѣ того, невыгодное впечатлѣніе вялостью изложенія, въ которой, вѣроятно, сказываются преклонные годы автора, а также однообразіе какъ внѣшняго построенія всѣхъ очерковъ, такъ и сферы, въ которой дѣйствующія лица себя проявляютъ: улица, рынокъ, жертвоприношенія...

Однообразіе приемовъ творчества можно, пожалуй, также въ значительной степени объяснить возрастомъ, въ которомъ Теофрастъ писалъ свою книгу; малому же разнообразію въ изображаемыхъ сценахъ найдется и другая причина: афинянинъ домашней жизни не зналъ, всю жизнь проводилъ внѣ дома. Было у него дѣло внѣ дома или нѣтъ, онъ все равно съ утра отправлялся бродить по городу. Въ древней Греціи на площадяхъ и рынкахъ строились крытые ходы, со столбами по обѣ стороны, такъ называемыя *стои*. Стои украшались статуями, картинами; въ нихъ всегда толпилось множество народа: одни приходили отдохнуть, другіе побесѣдовать, обдѣлать дѣла... **). Изъ стои афинянинъ шелъ на гимнастическая арены (палестры), въ бани, въ цирюльню, въ какую-нибудь лавку. Входилъ онъ туда очень часто безъ всякой надобности, исключительно съ цѣлью поболтать—«на людей посмотрѣть, себя показать». И обычай этотъ былъ такъ общепринятъ, что на всякаго, кто ему не слѣдовалъ, смотрѣли подозрительно. Демосенъ, упрекая одного гражданина въ необщительности, говорилъ: «Онъ *даже* ни въ одну цирюльню, ни въ одну лавку, ни въ одну мастерскую не ходитъ!» Одно время, чтобы оградить школы и палестры отъ непрошенныхъ посѣтителей, мѣшавшихъ обученію и упражненіямъ юношества, законъ угрожалъ имъ смертною казнью...

Какъ бы то ни было—чисто-внѣшнія, притомъ грубыя, рѣзкія черты, которыми Теофрастъ рисуетъ свои изображенія, однообразіе въ приемахъ его разсказа, однообразіе сцены, на которой выступаютъ, и притомъ подчасъ довольно вяло выступаютъ, его дѣйствующія лица—все вмѣстѣ мало

*) Непереводимая острота; «caractères» одинаково означаетъ и «характеръ», и «буквы».

**) Особенно знаменита была въ Афинахъ «Пестрая стоя», названная такъ по множеству картинъ, ее украшавшихъ. Въ ней философъ Зенонъ излагалъ свое ученіе, почему послѣдователи его и назывались «стонками». Въ Италіи постройки, подобныя греческимъ стоямъ, назывались «портками».

удовлетворяетъ требованіямъ, которыя мы въ настоящее время ставимъ изображенію нравовъ и характеровъ. Но не будемъ подходить къ произведенію другого времени съ требованіями нашихъ дней, а, главное, не забудемъ указаннаго историческаго значенія книги Теофраста.

Чтобы получить болѣе осязательное понятіе о ней, ознакомимся хотя бы съ одной изъ «характеристикъ», именно съ изображеніемъ «Вѣстовщика» или «Разносчика новостей», которое принадлежитъ, несомнѣнно, къ наиболѣе живымъ и удачнымъ:

«Вѣстовщикъ, разсказчикъ небыллицъ—человѣкъ, произвольно измышляющій рѣчи и факты, который, встрѣтивъ пріятеля, придаетъ лицу своему соотвѣтствующее выраженіе и съ улыбкою спрашиваетъ:

— Откуда?.. Что добраго?.. Какія новости?..

— Неужели такъ-таки и нечего разсказать?.. Значить, все идетъ хорошо?—присагаетъ онъ, не дожидаясь отвѣта. — Ничего не слыхалъ!.. Вижу, приходится мнѣ угостить тебя новостями...

«Добылъ онъ эти новости, изволите видѣть, отъ солдата, отъ сына флейтиста*), Астія, или отъ подрядчика Ликона, только что прибывшаго съ поля сраженія—отъ лицъ темныхъ, которыхъ нельзя разсыкать, чтобы уличить его во лжи. Они-то и разсказали ему, какъ царь и Полисперхонтъ разбили и живымъ ввели въ плѣнъ Кассандра**).

— Возможно ли!—воскликаетъ слушатель.

— Да! Объ этомъ всё толкуютъ по городу; вѣсть разошлась повсюду, и всё передаютъ дѣло одинаково... Рѣзня была страшная!.. Да оно видно и по лицамъ правительственныхъ чиновниковъ!.. Вотъ уже пять дней, какъ у одного изъ нихъ тайно проживаетъ человѣкъ, пріѣхавшій изъ Македоніи, очевидецъ, все знающій; его-то повѣствованіе я и слышалъ!..

И, разсказавъ обо всемъ этомъ, онъ—какъ бы вы думали!—принимается голосить, да такъ-то трогательно: «Бѣдный Кассандръ!.. Горемыка!.. Вотъ что значить—судьба!.. Былъ могучъ, опирался на большія силы!..»

— Впрочемъ,—прибавляетъ вѣстовщикъ,—пусть это останется между нами!

А самъ бѣгаетъ по городу и разсказываетъ то же всѣмъ и каждому.

«Недоумѣваю, чего добиваются такіе люди? Они не только ничего не выигрываютъ своими вѣстями, но подчасъ еще платятся за ложь: у одного въ общественныхъ баняхъ украли платье, пока онъ собиралъ вокругъ себя толпу и увлекался собственнымъ разсказомъ; другой, одержавъ въ стоѣ побѣду на сушѣ и на морѣ, проигралъ въ судѣ дѣло, къ разбору котораго опоздалъ; третій, взявъ городъ на словахъ, пропустилъ обѣдъ...

«Не знаю болѣе жалкаго ремесла. Нѣтъ лавочки, нѣтъ стои, нѣтъ угла на рынкѣ, гдѣ бы не торчали эти люди, до тошноты надѣдая слушателямъ своимъ враньемъ!»

Въ этомъ очеркѣ передъ нами настоящій аэнианинъ, страстно жадный до новостей, которыя, конечно, любить не только разносить, но и слушать, хотя бы для того, чтобы, запасшись матеріаломъ для своихъ розсказней. Аэнианина прочіе греки часто изображали въ насмѣшку суетливо, слабоженно-спрашивающимъ: «Что новенькаго?» Это была общепринятая слабость аэнианскихъ гражданъ, за которую не разъ укорялъ ихъ Демосенъ. Однажды онъ, видя, что народъ шумитъ, кричитъ на площади, не слушая его толковъ о государственныхъ дѣлахъ, вдругъ прервалъ свою рѣчь и началъ слѣдующій разсказъ:

«— Шли два путника; у одного изъ нихъ былъ осель...»

Шумъ утихаетъ; толпа прислушивается...

*) Флейтисты сопровождали греческихъ воиновъ въ походахъ, какъ духовые оркестры и пѣсенники сопровождаютъ наши полки.

**) Царь—Аридей, братъ Александра Великаго; Полисперхонтъ—одинъ изъ полководцевъ Александра В. Кассандръ, сынъ другого полководца Александра В., Антипатра, оспаривалъ власть у Аридея и Полисперхонта, и дѣйствовалъ успѣшно; слѣдовательно, извѣстіе, сообщенное вѣстовщикомъ, ложно.

« — День былъ жаркій,—продолжаетъ ораторъ. — Захотѣлось путника отдохнуть, но вокругъ не было тѣнистаго мѣста. Рѣшились они прилечь въ тѣни осла... Но кому же лечь первому? Для обоихъ тѣни одного осла недостаточно... »

Всѣ слушаютъ съ жадностью!.. Демосеенъ остановился.

— Дальше, дальше!.. Продолжай! — кричатъ ему со всѣхъ сторонъ

Ла-Брюйеръ.

— Таковы вы, афиняне,—отвѣчаетъ Демосеенъ на эти возгласы:— говорить о важныхъ дѣлахъ—вы не слушаете; пустыни же слушать готовы...

Разсказа своего онъ, конечно, оканчивать не сталъ.

Прекрасно обрисовано возрастающее увлеченіе вѣстовщика собственнымъ враньемъ. Извѣстіе его ложно... Да онъ сначала и говорить довольно робко: я слышалъ отъ какого-то неизвѣстнаго солдата, но затѣмъ уже «всѣ толкуютъ»; далѣе — «видѣлъ» смущенныхъ правителей; затѣмъ — «под-

слушалъ разсказъ очевидца»... И, кажется, онъ уже вѣрить самъ себѣ... судьба Кассандра его трогаетъ!..

Это ли не аэнискій Хлестаковъ, завирающійся до самозабвенія, до вѣры собственнымъ словамъ!

И обычное заключеніе розсказней подобныхъ людей:

«Однако, чуръ, секретъ!» («Горе отъ ума», д. III, явл. XVI).

Въ заключеніе своей статьи о Теофрастѣ, проф. Ордынскій довольно удачно подчеркиваетъ три основныя черты, присущія большинству аэнианяъ, отмѣченныя равно и Теофрастомъ, и другими греческими писателями: болтливость, легкость, корыстолюбіе.

«Но прежде всего кидается въ глаза поразительная склонность къ болтливости», — прибавляетъ онъ. — У Теофраста, «не говоря уже о болтунахъ, вралцахъ, вѣстовщикахъ, болтливыхъ и льстецахъ, и сквернословьяхъ, и злоязычничьяхъ; еще болѣе болтливы хвастуны; болтливы хлопотуны, надѣдливы, мужиковаты, чванливы, трусы... словомъ, всѣ теофрастовы личности болѣе или менѣе болтливы».

Въ Россіи первый переводъ «Характеристикъ» вышелъ еще въ 1772 году (переводъ А. Поспѣлова). Вообще доступно онѣ изданы въ послѣднее время на русскомъ языкѣ въ составѣ «Библиотеки греческихъ и римскихъ классиковъ» въ недурномъ переводѣ и съ предисловіемъ В. Алексѣева (Цѣна 30 копѣекъ).

Таково произведеніе, переведенное Ла-Брюйеромъ и обыкновенно предпосылаемое его собственнымъ очеркамъ *). Оно, сравнительно съ этими очерками, занимаетъ, впрочемъ, мѣсто самое незначительное (въ лежащемъ передо мной изданіи, на примѣръ, 33 страницы изъ 433-хъ) и не имѣетъ съ ними никакой—ни внѣшней, ни внутренней—связи. Даже образцомъ для Ла-Брюйера оно служило только отчасти, такъ какъ въ первомъ же изданіи своей книги Ла-Брюйеръ приложилъ къ переводу, кромѣ нѣсколькихъ собственныхъ характеристикъ, рисующихъ нравы, ему современныя, еще рядъ отрывочныхъ мыслей, замѣтокъ, афоризмовъ, въ которыхъ то остроумно, то задушевно, всегда изящно, высказываетъ свои взгляды по поводу самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Характеристики и замѣтки эти не образуютъ собою ни послѣдовательнаго разсказа, ни послѣдовательнаго ряда картинъ, ни систематическаго разсужденія — ничего цѣльнаго, сплоченнаго. Въ пятнадцати главахъ, вѣрнѣе, по пятнадцати рубрикамъ, совершенно независимымъ одна отъ другой («о произведеніяхъ ума», «о личномъ достоинствѣ», «о женщинахъ», «о сердцахъ», «объ обществахъ и собесѣдованіи», «о дарахъ фортуны», «о городѣ», «о дворѣ», «о знати», «о человѣкѣ», «о сужденіяхъ», «о модѣ», «о нѣкоторыхъ обычаяхъ», «о проповѣди», «о свободныхъ мыслителяхъ»), довольно произвольно, безъ опредѣленнаго порядка, разсыпаны и правоописательныя и этическія замѣтки, замѣтки и совсѣмъ коротенькія, и болѣе длинныя (нѣкоторыя — въ одну строку, другія — въ 10, 20 строкъ, третьи — въ страницу, много въ 2, 3 страницы).

*) Переводъ Ла-Брюйера, впрочемъ, далеко не единственный переводъ «Характеристикъ» Теофраста на французскій языкъ. Ихъ еще есть два или три. Лучшимъ признается переводъ Stiévenart, изданный въ 1842 году.

Такая форма летучих замѣтокъ заимствована уже не у Теофраста *), а у такъ-называемыхъ французскихъ «моралистовъ» — Паскаля и Ла-Рошфуко, которыхъ, вмѣстѣ съ Монтэнемъ, Ла-Брюйеромъ и Сентъ-Эвремонемъ, извѣстный критикъ-публицистъ Шерръ справедливо называетъ «проницательными наблюдателями жизни, положившими ближайшее основаніе свободному мышленію XVIII-го вѣка» **).

Вотъ какъ Ла-Брюйеръ самъ опредѣляетъ свое отношеніе къ писателямъ, послужившимъ ему образцами:

«На заблужденія ума, на изгибы сердца — на внутренняго человѣка обращено у меня болѣе вниманія, чѣмъ у Теофраста. Тысячи внѣшнихъ признаковъ, уловленныхъ имъ въ человѣкѣ, — въ его дѣйствіяхъ, рѣчи, пріемахъ — заставляютъ искать источниковъ людской испорченности; новыя же характеристики, раскрывая прежде всего мысли, чувства, побужденія человѣка, прямо указываютъ на основы его злобы, его слабостей, даютъ возможность угадать — что онъ способенъ говорить и дѣлать; затѣмъ пошлости, порочности его поступковъ удивляться уже не приходится».

«Паскаль отдаетъ метафизику на служеніе религіи. Ознакомляя насъ съ душою, — съ ея страстями, съ ея пороками, указывая на великія, сильныя побужденія къ добродѣтели, — онъ стремится обратить человѣка въ христианина. Ла-Рошфуко — умъ развитой привычкою общенія съ людьми, столько же проницательный, сколько и тонкій, замѣтивъ, что источникомъ всѣхъ слабостей человѣческихъ служитъ самолюбіе, неутомимо борется съ этимъ зломъ всюду, гдѣ бы ни повстрѣчался съ нимъ, и эта основная мысль его, принимая тысячи оттѣнковъ, всегда имѣетъ прелесть новизны, благодаря удачному подбору словъ и разнообразію выраженій автора».

«Сочиненіе, приложенное къ «Характеристикамъ» Теофраста (т. е. сочиненіе самого Ла-Брюйера), не слѣдуетъ ни тому, ни другому изъ означенныхъ путей: оно менѣе возвышено, чѣмъ сочиненіе Паскаля; менѣе тонко, чѣмъ сочиненіе Ла-Рошфуко. Оно стремится только сдѣлать человѣка разумнымъ, и притомъ путемъ самымъ простымъ, обыкновеннымъ: авторъ спокойно приглядывается къ различнымъ возрастамъ, положеніямъ, къ мужчинамъ и женщинамъ, къ ихъ порокамъ, слабостямъ, къ ихъ смѣшнымъ сторонамъ, и записываетъ затѣмъ свои наблюденія и мысли безъ строгой послѣдовательности, безъ связанной системы, подчиняясь единственно задачамъ отдѣльныхъ главъ».

Различіе свое отъ Паскаля и Ла-Рошфуко Ла-Брюйеръ уловилъ довольно точно, но понятная скромность помѣшала ему указать на многія стороны собственнаго творчества, съ которыми мы ознакомимся ниже.

Въ первомъ изданіи (Michallet; in-12; 1688) къ переводу Теофраста Ла-Брюйеръ прибавилъ своихъ замѣтокъ и характеристикъ только 386; въ 4-мъ (1688 г.) ихъ уже было 726, въ 5-мъ — 867, въ 6-мъ — 970, въ 7-мъ — 1.080; въ 8-мъ — 1.120. Это было послѣднее изданіе, вышедшее при жизни автора. Каждое новое изданіе, впрочемъ, не только пополнялось, но еще подвергалось тщательному пересмотру и поправкамъ. Характеристиками собственно Ла-Брюйеръ пополнялъ преимущественно послѣднія изданія. Къ этому вынуждала его осторожность, — какъ увидимъ, далеко не обосновательная. Можетъ быть, и самый переводъ Теофраста предосланъ былъ очеркамъ изъ быта, современнаго Людовику XIV, въ силу той же предусмотрительности.

Приглядимся же поближе какъ къ автору, такъ и къ его произведенію.

*) Теофрастъ, по словомъ Диогена Лаерція (ср. примѣч. 4-ое) тоже оставилъ такія «Изрѣченія», но они не дошли до насъ.

**) *Montaigne* (1532—1592): «Essais»; *Pascal* (1623—1662): «Lettres à un provincial», «Pensées sur la religion»; *La Rochefoucauld* (1613—1680): «Réflexions et maximes»; *St. Evremont* (1613—1703): «Réflexions sur l'usage de la vie», «Lettres».

Жизнь Ла-Брюйера протекла безъ большихъ переворотовъ и потрясеній. Родился онъ въ 1645 году, въ Парижѣ, въ семьѣ мѣстнаго обывателя, занимавшаго скромную должность контролера городскихъ доходовъ. Семья эта, впрочемъ, не лишена была историческихъ преданій: одинъ изъ предковъ Ла-Брюйера упоминается въ мемуарахъ временъ лиги, какъ дѣятельный членъ парижскаго анти-бурбонскаго муниципалитета.

Молодой Ла-Брюйеръ, окончивъ курсъ наукъ въ одной изъ монастырскихъ коллегій (*des Oratoriens*), до 1673 г. состоялъ адвокатомъ при парижскомъ парламентѣ, затѣмъ купилъ себѣ должность въ Нормандіи, по вѣдомству финансовъ, въ которой и числился до 1687 года, хотя (съ 1864 г., по крайней мѣрѣ) проживалъ въ Парижѣ. Должность эта позволила ему приписаться къ дворянству и присоединить къ своей фамиліи частичку «de» *), что, какъ извѣстно, въ XVII-мъ вѣкѣ не составляло проявленія простого тщеславія, но имѣло большое значеніе и въ житейскомъ обиходѣ. Знаменитый Боссюэтъ **) въ 1684 г. рекомендовалъ его въ преподаватели исторіи сыну принца Бурбона-Конде, внуку «великаго Конде» ***). Эти педагогическія занятія закончились уже черезъ годъ (1685 г.), но Ла-Брюйеръ остался при домѣ принца съ пожизненной пенсіей по 1.000 эку въ годъ, и—не добиваясь иного положенія—спокойно жилъ въ своей комнатѣ, «близкой къ небесамъ», въ тѣсномъ сообществѣ съ разумно-избранными друзьями и книгами, слѣдуя правилу поэта:

...Cache ta vie & répands ton esprit.

Первое изданіе его книги, какъ мы уже упоминали, вышло въ 1688 году, а въ 1693 онъ избранъ былъ въ члены французской академіи, не смотря на то, что избраніе это встрѣтило не мало противниковъ въ людяхъ, считавшихъ себя лично задѣтыми характеристиками.

7-го мая 1696 г., Ла-Брюйеръ, находясь въ Парижѣ, въ многочисленномъ обществѣ, пораженъ былъ внезапною глухотою. Его отвезли домой, въ Версаль, гдѣ онъ черезъ три дня 10 мая умеръ отъ апоплексическаго удара.

Герцогъ Сень-Симонъ, авторъ знаменитыхъ мемуаровъ ****), котораго въ снисходительности къ людямъ обвинять нельзя, говоритъ по случаю его смерти: «Общество утратило въ немъ человѣка, замѣчательнаго по уму, по слогу его произведеній, по знанію людей. Онъ писалъ по образцамъ Теофраста, но превзошелъ его, неподражаемо очертивъ людей нашего времени въ своихъ характеристикахъ. Это былъ вполне честный человѣкъ, прекрасно воспитанный, простой, чуждый всякаго педантизма, и крайне

*) Оттого его и называютъ то «Jean La-Bruyère», то, «Jean de La-Bruyère».

**) *Bossuet* (1627—1704)—знаменитый проповѣдникъ двора Людовика XIV, епископъ въ Мо (Meaux). Особенно извѣстны его проповѣди; надгробныя рѣчи; «Discours sur l'histoire universelle»; «Méditations sur l'Evangile».

***) Родъ Конде—младшая линія дома Бурбоновъ. Въ этомъ родѣ особенно прославился, какъ военачальникъ, принцъ Людовикъ II, извѣстный подъ именемъ «великаго Конде» (р. 1621 г.; ум. 1687 г.).

****) Герцогъ *Saint-Simon* (р. 1675, ум. 1755) оставилъ послѣ себя въ высшей степени интересныя «Записки» (*mémoires*) о дворѣ Людовика XIV, о регентствѣ и дворѣ Людовика XV-го. Независимо отъ интереса передаваемыхъ въ нихъ фактовъ, мемуары эти замѣчательны еще и живостью, мастерствомъ изложенія.

безкорыстный. Я достаточно знал его, чтобы пожалѣть и о немъ, и о произведеніяхъ, которыхъ мы въ правѣ были еще ожидать отъ него ввиду его лѣтъ и его здоровья».

Жизнь въ домѣ Конде была не изъ легкихъ; сохранить въ немъ свое личное достоинство и заслужить уваженіе окружающихъ могъ только человекъ, не знавшій корысти, далекій отъ всякаго тщеславія, всякаго искаательства. Вотъ что тотъ же Сень-Симонъ рассказываетъ о сынѣ принца, герцога Конде—ученикѣ Ла-Брюйера:

«Лицо его имѣло какой-то мертвенно-желтый оттѣнокъ; онъ почти всегда казался взбѣшеннымъ, грубымъ и наглымъ, такъ что къ нему трудно было привыкнуть. Онъ былъ не глупъ, начитанъ, въ немъ сквозили слѣды прекраснаго воспитанія—слѣды вѣжливости, даже любезности, когда онъ желалъ проявлять ихъ... но желалъ онъ этого очень рѣдко»... «Его жестокость была чрезвычайна и проявлялась во всемъ: это была какой-то вѣчно мелочій жерновъ, отъ котораго все бѣжало, подъ который ежеминутно боялись попасть даже друзья его: имъ приходилось терпѣть то отъ чрезвычайныхъ ругательствъ, то отъ безжалостныхъ шутокъ прямо въ лицо»...

Въ 1679 году этотъ негодяй далъ достойный образчикъ дружескаго обращенія тогдашней знати и полезный урокъ ищущимъ подобной дружбы. Однажды вечеромъ, «накачавъ Сантейля *) шампанскимъ» (*aillant pousseé Santeuil de vin de Champagne*), онъ вздумалъ «позабавиться» по своему, и высналъ пьяному въ стаканъ полную табакерку нюхательнаго табаку. Несчастный вскорѣ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Такія милыя шутки, были, впрочемъ, въ духѣ «великой эпохи» Людовика XIV-го. Стихотворецъ Саразень умеръ подъ палкою герцога Конти, у котораго служилъ секретаремъ **).

Эти картинки нравовъ, на ряду съ легкостью, съ которою въ то время расточались аресты, ссылки безъ всякаго суда и слѣдствія, достаточно поясняютъ осмотрительность Ла-Брюйера, очерки котораго, восхваляя «величайшаго изъ монарховъ», тѣмъ не менѣе рисовали его дворъ, его приближенныхъ—знать, чиновниковъ, финансистовъ—далеко въ не привлекательномъ видѣ, указывали ему на факты, за напоминаніе о которыхъ пострадали даже такіе люди, какъ Вобанъ, Буа-Гильберъ, Расинъ ***).

*) *Santeuil* или *Santeul* (р. 1630, ум. 1697) писалъ преимущественно по латыни, подписывая свои сочиненія «*Santolius*»; извѣстенъ былъ, однако, и въ свое время не столько своими сочиненіями, сколько веселымъ нравомъ и чудачествомъ. Остроты его были даже изданы въ отдѣльномъ сборникѣ, озаглавленномъ «*Santoliana*».

***) *Sarrasin* (*Sarazin*) род. 1604, ум. 1645, извѣстенъ былъ въ свое время преимущественно шутивными произведеніями («*Dulot vaincu*», «*Pompe funèbre de Voiture*» и проч.). Въ настоящее время совсѣмъ забытъ. Принцы *Конти* составляли младшую линію дома Бурбонъ-Конде.

****) *Vauban* (1633—1707) — знаменитый военный инженеръ, человекъ въ высшей степени честный, прямой, безкорыстный. Потрясенный положеніемъ французскаго народа въ послѣдніе годы правленія Людовика XIV-го, издалъ въ 1707 году книгу «*Dixme royale*» въ которой предлагалъ замѣнить налоги, обременявшие исключительно высшіе классы населенія, «королевскою десятиною», т. е. взаиміемъ опредѣленной доли съ доходовъ, безъ различія сословій. Книга эта подверглась судебному преслѣдованію и осужденію, на автора же—не взирая на его великія военныя заслуги—навлекла гнѣвъ короля.

Положеніе Ла-Брюйера вблизи двора, знати, города и вмѣстѣ съ тѣмъ въ сторонѣ и отъ двора, и отъ знати, и отъ городской жизни, при полномъ отсутствіи въ немъ корысти, тщеславія, при несомнѣнномъ умѣніи держаться осторожно, но достойно, было изъ самыхъ выгодныхъ для внимательнаго, мыслящаго зрителя. Онъ стоялъ внѣ суеты, интригъ вліятельныхъ сферъ своего времени, но онъ, не таея, раскрывали передъ нимъ всю призрачность своего величія, свою алчность, внутреннюю жестокость, пошлость и грязь; онъ имѣлъ полную возможность неподкупно наблюдать, какъ дворянство, оставивъ свои помѣстья, раболѣпствовало въ Версали, глупо разоряясь на показную роскошь и развратъ, какъ оно кичилось своимъ происхожденіемъ и вмѣстѣ замскивало передъ разбогачившимъ разночинцемъ; какъ всѣ вліятельные люди—знать и горожане—нагло требовали чрезвычайныхъ привилегій, должностей, содержанія изъ государственной казны, пополняемой исключительно средствами одичалаго отъ безпросвѣтныхъ заботъ и нуждъ, изможеннаго народа,—короче наблюдать всю траги-комедію современныхъ ему нравовъ, а рядомъ—и болѣе невинныя слабости человѣческія, чтобы затѣмъ задуматься, внутренне пережить видѣнное, подѣлится съ читателемъ какъ своими наблюденіями, такъ и своими впечатлѣніями, думами, желаніями, мечтами..

Не смотря на осмотрительность, которой держался Ла-Брюйеръ, не смотря на то, что онъ сатирикъ не желчный, даже довольно мягкій, книга его вызвала въ свое время большое волненіе, причинила автору много непріятностей. Особенно задѣли людей за живое именно характеристики, хотя въ нихъ, какъ увидимъ, обличенія менѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ афоризмахъ, замѣткахъ нравоописательнаго характера. Объясняется это тѣмъ, что въ характеристикахъ—собственно люди видѣли безымянные портреты, при чемъ многіе не только старались про себя пли въ кругу близкихъ разгадать—кто именно изображенъ авторомъ, но еще плоды своей неумѣстной догадливости пускали по рукамъ въ видѣ такъ-называемыхъ «ключей» къ смутившей ихъ книгѣ. Ла-Брюйеръ, упорно—и, между прочимъ, во вступительной рѣчи своей въ академію—отрицалъ всякое желаніе изображать опредѣленные лица, обращая вниманіе на то, что въ разныхъ «ключахъ»—«ces insolentes clefs!» какъ онъ выражался—тѣмъ же буквамъ, тѣмъ же именамъ, именамъ вымышленнымъ (Аристархъ, Клитонъ, Федонъ, Ирена, Берениса и т. п.) даются совершенно различныя толкованія... Какъ бы то ни было, въ вѣрномъ зеркалѣ своего времени и придворные, и горожане узнавали себя, и спѣшили своею обидчивостью подтвердить правду данныхъ изображеній.

По выходѣ 7-го изданія, въ 1693 году, одинъ изъ журналовъ того времени «Mercure galant» выступилъ даже съ прямымъ доносомъ, и ука-

Bois-Guilbert (ум. 1724)—близкій родственникъ Вобана, написалъ также двѣ книги о тяжеломъ положеніи современнаго ему сельскаго населенія и о необходимости облегчить податную тяжесть, этого населенія: «Le détail de la France sous Louis XIV» (вышло 1695 г.) и «Le factum de la France» (1707 г.). За сочиненія эти онъ подвергся ссылкѣ.

Racine (1639—1699)—знаменитый авторъ псевдо-классическихъ трагедій («Phèdre», «Athalie» и др.), всегда пользовался милостью короля, пока не написалъ «Записку» (Mémoire) о крайней нуждѣ народной (1697 г.). За эту «Записку» онъ подвергся опалѣ, которая, говорятъ, сильно подѣйствовала на него, усилила его хроническую болѣзнь, и тѣмъ ускорила его смерть.

зывают на готовность очень высоко поставленных лиц вступить за мнимо-обиженных:

«Г. де-Ла-Брюйеръ, — писалъ «Mecque», — перевелъ характеристики Теофраста, прибавивъ къ нимъ сборникъ сатирическихъ портретовъ собственного сочиненія, въ большинствѣ случаевъ не правдивыхъ или полныхъ преувеличенія... Лица, пишущія въ этомъ родѣ, должны бы сознавать, что сатира оскорбляетъ благочестіе короля, и вспомнить, что никто никогда неслыхалъ чего-либо нелюбезнаго отъ монарха. Сатира также не во вкусѣ дофины, и при жизни этой принцессы, я приступила было къ опроверженію характеристикъ, которое она очень одобряла, и обѣщала взять подъ свое покровительство, такъ какъ злорѣчія не любила»...

Его знаетъ, чѣмъ грозило это «покровительство»!

Таковы внѣшнія событія жизни Ла-Брюйера; внутренняя же жизнь его вся вылилась въ его книгѣ. Изучая произведеніе, изучаешь и автора.

Приведемъ хотя бы страничку — другую сначала изъ его нравоописательныхъ очерковъ (между прочимъ, и изъ характеристикъ-собственно), а затѣмъ, нѣсколько замѣтокъ Ла-Брюйера — мыслителя и моралиста:

Глава «о дворѣ» начинается слѣдующимъ положеніемъ:

«Сказавъ человѣку, что онъ не знаетъ двора, мы дѣлаемъ ему самый почетный упрекъ: этими словами приписываются ему всевозможныя добродѣтели».

У Ла-Брюйера есть нѣсколько строкъ, какъ бы выражающихъ сочувствіе стремленію короля обратить «еретиковъ» — протестантовъ въ католичество, а, слѣдовательно, какъ бы и Нантскому эдикту... Эти строки (которыя, конечно, желательно было бы не встрѣчать въ книгѣ писателя вообще симпатичнаго, даже если онѣ написаны были «страха ради іудейска») стоятъ въ странномъ противорѣчьи съ его рѣзкими нападками на ханжество. Его ханжа — Онуфрій (Onuphre) стбитъ Тартюфа, хотя имя его и не обратилось въ нарицательное, какъ имя мольеровскаго героя*). Лудовику XIV-му, впашему въ ханжество подъ гнетомъ неудачъ, лѣтъ, людей вроде Боссюэта и г-жи Ментенонъ, Ла-Брюйеръ даетъ косвенный совѣтъ не увлекаться возможностью насадить благочестіе наградами и принудительными мѣрами; памятовать, что поощреніе и принужденіе способны насадить развѣ лицемѣріе:

«Не легко благочестивому монарху преобразовать дворъ и обратить его къ благочестію. Вавѣнствъ, на сколько царедворцы угодливы и чѣмъ они только способны поступиться ради карьеры, ему приходится вести себя съ ними осмотрительно: выносить многое, скрывая свои чувства изъ опасенія вызвать лицемѣріе и святотатство. Приходится болѣе полагаться на Бога, да на время, чѣмъ на свое усердіе и свои мѣропріятія».

Ла-Брюйеръ ясно понимаетъ, что за люди представители благочестія, окружающіе больного, дряхлѣющаго, павшаго духомъ короля.

«Ханжа — человѣкъ, который при королѣ-атеистѣ былъ бы атеистомъ», опредѣляетъ онъ, предрекая метаморфозу, наступившую въ Версалѣ немедленно по смерти Лудовика XIV-го при регентствѣ герцога Орлеанскаго.

Вотъ еще нѣсколько замѣтокъ изъ той же главы и изъ главы о знати:

— «Дворъ подобенъ мраморному зданію. Хочу сказать, что онъ составленъ изъ людей очень жесткихъ, но гладко шлифованныхъ **).

*) Интересны поправки, которыя Ла-Брюйеръ въ этомъ очеркѣ вноситъ въ комедію Мольера.

***) Въ подлинникѣ непереводаемая игра словъ: «fort durs, mais fort polis».

— Н. вторгается въ прихожую съ шумомъ, заставляетъ всѣхъ сторониться, стучится, почти ломится въ двери. Онъ называетъ свою фамилію... Всѣ вздохнули свободнѣе. Въ приемную онъ входитъ только съ толпою.

— Видѣли ли вы при дворѣ людей, которые входятъ, едва кланяясь, ходятъ выдвигая плечи, подымая грудь, какъ женщины; они обращаются къ вамъ съ вопросомъ, не глядя на васъ; говорятъ, возвышая голосъ, показывая, что чувствуютъ себя выше присутствующихъ. Они останавливаются, ихъ окружаютъ; рѣчь принадлежитъ имъ, они первенствуютъ въ образованномъ ими кругѣ и остаются на этой смѣшной, неестественной высотѣ, пока не войдетъ человекъ знатный, чѣмъ сразу роняетъ ихъ и возвращаетъ къ нормальному состоянію, въ которомъ они менѣе гадки.

— Нѣтъ при дворѣ ничего болѣе презираемаго, менѣе достойнаго, чѣмъ люди, неспособные ничѣмъ содѣйствовать нашей карьерѣ. Удивляюсь, какъ они смѣютъ тамъ показываться!

— Вы много извлекли изъ дружбы человека, если, удостоившись великой милости, онъ еще остается съ вами знакомымъ.

— Придворные изоцараютъ свой умъ, свою ловкость, хитрость не для того, чтобы найти средство какъ бы помочь друзьямъ, къ нимъ прибѣгающимъ, а единственно съ цѣлью изыскать годныя основанія, удобные предлоги «невозможности» оказать нужную помощь. Найдя то, что они называютъ «невозможностью», они признаютъ себя удовлетворившими долгу дружбы или благодарности.

— При дворѣ никто не берется сказать за васъ первое слово, но всѣ стараются поддержать его, разъ оно будетъ сказано другимъ. Дѣлается это потому, что, судя по себѣ, каждый надѣется, что на первое слово не рѣшится никто, а слѣдовательно и поддерживать не придется. Это извѣстный—мягкій и вѣжливый—способъ отказать нуждающемуся въ своемъ вліяніи, содѣйствіи и посредничествѣ.

— Вы—по дѣлу правому и важному—находитесь въ зависимости отъ соглашенія двухъ лицъ. Первое изъ нихъ вполне готово помочь вамъ, лишь бы такой-то изъявилъ свое согласіе; «такой-то» согласіе изъявляетъ, и только желалъ бы удостовѣриться во взглядахъ перваго.. Между тѣмъ проходятъ мѣсяцы, годы,—дѣло впередъ ни шагу!

— Ума не приложу!—восклицаете вы.—Вѣдь, кажется, имъ стоитъ только повидаться и переговорить.

А имъ дѣло ясно; я понялъ все: они переговорили.

— Лицамъ высокопоставленнымъ такъ легко отдѣлываться словами; положеніе ихъ настолько освобождаетъ ихъ отъ вѣрности даннымъ обѣщаніямъ, что если они не расточаютъ своихъ обѣщаній съ еще болѣею щедростію, это представляется имъ скромностию съ ихъ стороны.

— Есть высокопоставленныя лица, которымъ совѣстно было бы оставаться начальствующими, познай они только своихъ подчиненныхъ и самихъ себя.

— Принять участіе въ подозрительномъ дѣлѣ опасно, но опасность эта особенно велика при сообщникѣ изъ знати: онъ увернется и предоставитъ вамъ расплачиваться вдвое—и за него, и за себя.

— О лицахъ высокопоставленныхъ слѣдуетъ молчать: хорошіе отзывы о нихъ рѣдко чужды лесть; говорить о нихъ дурно, пока они живы—опасно, а по смерти ихъ—подло.

А вотъ и нѣсколько замѣтокъ «о городскихъ нравахъ»:

— «Парижане безъ предварительныхъ переговоровъ, какъ бы назначаютъ себѣ свиданіе на Софъ или въ Tuilleries, и являюся на него съ чрезвычайною точностью поглядѣть другъ на друга и дать одинъ о другомъ неодобрительный отзывъ.

Безъ этого общества, котораго не любишь, надъ которымъ смѣешься, обойтись нельзя.

На гульбищѣ все подвергается осмотру: кареты, лошади, ливреи, гербы;—ничто не ускользаетъ отъ глазъ, во все вглядываются съ любопытствомъ, съ лукавствомъ, и затѣмъ людей уважаютъ или презираютъ, смотря по большому или меньшему богатству экипажей.

— Въ городѣ есть крупныя и мелкіе чиновники. Первые вымѣщаютъ на вторыхъ презрѣніе, которое сами испытываютъ при дворѣ, и униженія, которымъ тамъ подвергаются. Опредѣлить—гдѣ раздѣляющая ихъ грань; гдѣ кон-

чаютъ крупныя, гдѣ начинаются мелкіе—не легко. Есть даже значительный кругъ лицъ, не признающихъ себя принадлежащими ко второму разряду, но которыхъ въ первый не пускаютъ. Они, однако, не сдаются; напротивъ, стараются сравняться съ сановниками, напуская на себя важность, увеличивая свои расходы. Ихъ притязанія уступаютъ не легко, какъ они ни доказываютъ, что благородство занятій, независимость положенія, личное достоинство ставятъ человѣка по крайней мѣрѣ наравнѣ съ сыномъ банкира, купившаго себя высшее положеніе.

— Есть не мало молодыхъ чиновниковъ, благодаря хорошему состоянію и общимъ удовольствіямъ связавшихся съ придворными щеголями («petit-maitres»), и заимствующихъ у двора что только у него есть худшаго: тщеславіе, извѣженность, невоздержаніе, развратъ... И они становятся наконецъ, согласно собственному желанію, вѣрными копіями крайне-жалкихъ образцовъ.

— Если финансисту не везетъ, знать кричить о немъ: «разночинецъ, дрянъ, увалень!» Если дѣла его успѣшны—тѣ же представители знати сватаются къ его дочери.

— Городъ раздѣленъ на нѣсколько «обществъ», подобныхъ отдѣльнымъ республикамъ съ собственными законами, привычками, со своимъ языкомъ и своими остротами. Пока кружокъ существуетъ, по мнѣнію членовъ его только то и говорится, и творится ладно, что сказано и сдѣлано своими; все приходящее извнѣ кружку не по вкусу; дѣло доходить до презрѣнія къ людямъ, непосвященнымъ въ его тайны. Человѣкъ вышшаго ума, случайно занесенный въ такой кружокъ, чуждъ ему на столько, что чувствуетъ себя будто на дальней сторонѣ, гдѣ ему незнакомы ни дороги, ни языкъ, ни нравы, ни обычаи. Передъ нимъ болтаютъ, жужжатъ, шепчутся, раздражаются хохотомъ, и затѣмъ умолакаютъ... Онъ теряется, не умѣетъ слова вымолвить, ему даже слушать нечего. Въ кружкѣ непременно преобладающее значеніе получаетъ, становится героемъ, плохой шутникъ, принявшій на себя роль общаго потѣшника, возбуждающій смѣхъ прежде чѣмъ откроетъ ротъ. Если въ кружокъ войдетъ женщина, не посвященная въ его удовольствія, веселой компаніи странно, почему она не смѣется остротамъ, ей непонятнымъ, нечувствительна къ вадору, который и членамъ кружка ясенъ только потому, что они сами его сочинили. За это непониманіе ей не прощаютъ ни ея голоса, ни ея молчанія, ни ея роста, ни ея лица, ни ея туалета, ни того, какъ она вошла или вышла... Впрочемъ, одинъ кружокъ рѣдко существуетъ два года сряду... и когда онъ расходится, о падшей республикѣ говорятъ не болѣе, чѣмъ о прошлогоднихъ мухахъ.

Общественный интересъ представляютъ, достойныя Буа-Гильбера и Вобана, страницы, посвященныя въ разныхъ главахъ положенію *крестьянства* и отношенію къ сельскому населенію знати и горожанъ въ концѣ ХУІІ, въ началѣ ХУІІІ вѣка:

— Встрѣчаются по деревнямъ дикіе звѣри—самцы и самки—грязные, мертвенно блѣдныя, загорѣлые, притнутые къ землѣ, которую они роютъ и ворочаютъ съ непреоборимой настойчивостью. У нихъ будто членораздѣльная рѣчь и, поднявъ голову отъ работы, они являютъ какъ бы образъ человѣческой... И это дѣйствительно люди! На ночь они уходятъ въ землянки, гдѣ питаются чернымъ хлѣбомъ, водою, корнями. Они избавляютъ другихъ людей отъ труда пахать, сѣять, жать для пропитанія, и заслуживали бы, конечно, не терпѣть недостатка въ хлѣбѣ, ими посѣянномъ.

— Сравнивая два разряда людей, занимающихъ совершенно противоположныя положенія: знать и народъ, вижу, что послѣдній довольствуется необходимымъ, первые же недовольны и чувствуютъ себя бѣдными даже при избыткѣ. Человѣкъ изъ народа безсильнъ совершить зло; знатный не стремится къ добру, но способенъ причинить большія страданія. Одинъ развивается и работаетъ на полезномъ, другой на явленіяхъ вредоносныхъ; тамъ въ грубости и прямотѣ сказывается здравый смыслъ, здѣсь, подъ личиною вѣжливости, кроется ядъ развѣщающаго разврата; у народа умъ не развитъ, у знати души нѣтъ; народъ по существу добръ, хотя вѣшностью и не выдѣлъ, у знатнаго только и есть, что вѣшность безъ внутренняго содержанія. Если выбирать одно изъ этихъ положеній, — скажу безъ колебаній: хочу принадлежать къ народу!

— Горожане воспитываются въ грубомъ равнодушіи къ сельскому быту... они сыты, одѣты, и больше имъ ни до чего дѣла нѣтъ... Нѣтъ ничтожнаго подъячаго, который бы, сидя въ своей темной, закопѣлой конторѣ, погружаясь въ самую грязную кляузу, не считалъ себя выше пахаря, наслаждающагося видомъ свода небеснаго, обрабатывающаго землю, сѣящаго и собирающаго богатія жатвы; и если какъ-либо услышитъ рассказы о первыхъ людяхъ, о патріархахъ, о земледѣльческомъ бытѣ, онъ удивляется, какъ возможно было жить въ такіа времена, когда не существовало присутственныхъ мѣстъ, комиссій, президентовъ, прокуроровъ; не понимаетъ, какъ обходились безъ полиціи, безъ суда, безъ кабака...

Приведенныя выписки, надѣюсь, дадутъ читателю нѣкоторое понятіе о правоописательныхъ замѣткахъ Ла-Брюйера. Привести образчики его характеристикъ въ собственномъ смыслѣ труднѣе, ввиду объема ихъ. Приходится ограничиться небольшими примѣрами, выбранными изъ характеристикъ болѣе краткихъ:

«*Менитъ*—птица, убранная чужими перьями. Онъ не говоритъ, не чувствуетъ, онъ только повторяетъ чужія рѣчи, выражаетъ чужія чувства, и такъ привыкъ обходиться чужимъ умомъ, что самъ первый поддается обману; что—передавая, какъ эхо, сказанное человѣкомъ, съ которымъ сейчасъ разстался—полагаетъ, будто заявляетъ о собственномъ вкусѣ, поясняетъ собственную мысль. Онъ свѣтитъ съ четверть часа, а затѣмъ тускнѣетъ, гаснетъ, теряетъ блескъ, прибрѣтенный скудною памятью, и обнаруживаетъ свою игру. Ему одному не ясно, на сколько онъ далекъ отъ всего возвышеннаго, доблестнаго. Лишенный способности знать, на сколько можетъ быть силенъ умъ человѣческой, онъ навивно полагаетъ, что доля ума, доставшаяся на его долю, есть высшая мѣра ума, доступная смертнымъ, а потому и держится какъ существо, которому въ этомъ отношеніи ничего желать не остается и никому завидовать не приходится. Онъ часто бесѣдуетъ самъ съ собою, и не скрываетъ этого. На виду у проходящихъ онъ всегда какъ бы принимаетъ какое-то рѣшеніе или признаетъ что-то не подлежащимъ возраженію; между тѣмъ, стоитъ только поклониться ему, чтобы поставить его въ затрудненіе: отвѣтить ли на вашъ поклонъ? Вы успѣете уйти далеко, прежде чѣмъ онъ обсудитъ это дѣло. Страхъ передъ людскою молвою дѣлаетъ его честнымъ человѣкомъ, но вывѣсть ставить выше собственной особы, позволяетъ ему видѣть въ себѣ что-то, чѣмъ онъ никогда не былъ. Глядя на него, соображаешь, что онъ занятъ исключительно собою и притомъ увѣренъ, что все идетъ къ нему, что нарядъ его умъ къ лицу, что всѣ глядятъ на него и наглядѣться не могутъ».

Вотъ какъ очерченъ разжирѣвшій, обрызглый, самодовольный богачъ-буржуа:

«У *Гитона* лицо полное, свѣжаго цвѣта, щеки отдулись, взгляды прямой, увѣренный, плечи широкія, брюшко приподнято, походка твердая, рѣшительная. Онъ говоритъ съ самодовольствомъ, заставляетъ собесѣдника повторять сказанное, и слушаетъ его неохотно; развертываетъ огромный платокъ и сморкается во всеуслышаніе, плюетъ далеко и громко чихаетъ, спитъ днемъ, спитъ ночью, всегда крѣпко и храпитъ при людяхъ, не стѣсняясь. За столомъ, на прогулкѣ онъ занимаетъ болѣе мѣста, чѣмъ другіе; гуляя съ равными себѣ, идетъ по срединѣ; останавливается, за нимъ останавливаются и другіе, онъ идетъ дальше, идутъ и другіе—всѣ приравливаются къ нему; онъ перебиваетъ говорящихъ, его же не прерываютъ, какъ бы онъ долго ни говорилъ, съ нимъ соглашаются, его россказнямъ вѣрятъ. Когда онъ садится, онъ тонетъ въ креслѣ, закидываетъ ногу на ногу, сдвигаетъ брови, спускаетъ шляпу на глаза, чтобы никого ни видать, а потомъ снова открываетъ лобъ, съ видомъ гордымъ и наглымъ. Онъ шутивъ, громко хохочетъ, нетерпѣливъ, заносчивъ, вспыльчивъ, неводержанъ, а къ вопросамъ дня относится политично и таинственно; считаетъ себя даровитымъ и умнымъ... Онъ—богачъ!»

Противуположными штрихами рядомъ очерченъ бѣднякъ *Федонъ*.

А вотъ, въ заключеніе, и нѣсколько замѣтокъ Ла-Брюйера по житейской мудрости и морали:

— Насъ обыкновенно живо интересуютъ явленія рѣдкія; отчего же мы такъ мало интересуемъ добродѣтелью?

— Конфискація земель, наложеніе ареста на движимость, тюрьмы, казни— все это, быть можетъ, и нужно; но, оставляя въ сторонѣ юстицію, законы, необходимость—я не могу связннуться съ звѣрствомъ, которое люди проявляютъ въ обращеніи съ людьми!

— На площадяхъ и улицахъ большихъ городовъ только и слышишь слова вродѣ: «дѣло», «арестъ», «допросъ», «вексель», «процессъ»... Или въ мірѣ нѣтъ чувства справедливости? Или онъ полонъ людьми, хладнокровно требующими того, что имъ не принадлежитъ, да людьми, отказывающимися отъ своихъ долговъ?.. Для того, чтобы напомнить человѣку о данномъ словѣ, чтобы убѣдить его въ томъ, что оно было дано — нужны документы?.. Какъ это постыдно для человѣчества!

— Устраните страсти, корысть, неправду—и какое благополучіе водворится въ большихъ городахъ! Дѣйствительныя нужды жизни не требуютъ и трети расточаемыхъ нами заботъ.

— Въ виду нѣкоторыхъ бѣдствій человѣческихъ, становится почти стыдно пользоваться счастьемъ.

— Охота, легкость, съ которою мы осмѣиваемъ, осуждаемъ, презираемъ, а рядомъ гнѣвъ, овлаждающей нами, когда смѣхъ, осужденіе, презрѣніе кажутся насъ—прямо чудовищны.

— Здоровье, богатство, лишая человѣка опыта скорби, дѣлаютъ его жесткимъ по отношенію къ ближнему; наиболее сострадательны люди, уже отягченные собственнымъ страданіемъ.

— Для человѣка существуетъ только одно дѣйствительное несчастіе—сознать себя виновнымъ, быть недовольнымъ собою.

— Есть люди, которые проводятъ жизнь, ващищаясь отъ однихъ, вредя другимъ, и умирающие въ старости, причинивъ людямъ столько же зла, сколько они натерпѣлись его сами.

— Опытъ подтверждаетъ, что слабость, снисхожденіе къ себѣ и жестокость по отношенію къ другимъ—проявленія того же порока.

— Страсти обманчивы и всячески скрываются передъ людьми, мы ихъ скрываемъ даже отъ самихъ себя. Нѣтъ порока, который бы не имѣлъ обманчиваго сходства съ какой-либо добродѣтелью и не пользовался этимъ сходствомъ.

— Насмѣшка нерѣдко есть только проявленіе умственной нищеты.

— Умѣніе вести бесѣду обнаруживается гораздо менѣе проявленіемъ собственного ума, чѣмъ успѣшнымъ стараніемъ вызвать сознаніе ума въ собесѣдникахъ: каждый, кто выходитъ отъ васъ довольный собою и своимъ умомъ, вполне доволенъ и вами.

— Жизнь коротка и скучна, вся проходитъ въ желаніяхъ, стремленіяхъ; покой и радости откладываются на будущее, до возраста, въ которомъ не остается лучшихъ благъ жизни — молодости и здоровья. Приходить и этотъ возрастъ, и встаетъ насъ все еще надѣющимися и алчущими; затѣмъ насъ одождываютъ болѣзни, а за ними смерть... А если бы, вмѣсто смерти, наступило выздоровленіе, мы бы опять принялись желать и надѣяться.

— Человѣкъ, полагающій, что онъ не рожденъ для счастья, могъ бы еще быть счастливымъ счастьемъ родныхъ и ближнихъ, но зависть лишаетъ его и этого блага.

Приведенныя выписки, очевидно, далеко не исчерпываютъ содержанія книги Ла-Брюйера, но, полагаю достаточны, чтобы дать понятіе объ ея складѣ и характерѣ.

Значеніе Ла-Брюйера, какъ живописца *нравовъ данной эпохи*, ясно уже изъ тревоги, вызванной его книгою при самомъ ея появленіи. Благодаря ему, и дворъ, и городъ, и церковь, и сельская жизнь послѣднихъ лѣтъ правленія Людовика XIV оживаютъ передъ нами во всей своей то страшной, то забавной пестротѣ... «Будто стоишь въ большой версальской галлерей и видишь передъ собой движеніе толпы, озабоченной пустяками: всѣхъ этихъ герцоговъ, маркизовъ, финансистовъ, буржуа во дворянствѣ, педантовъ, придворныхъ прелатовъ»... А вотъ и городъ съ

его разжирѣвшей буржуазіей, бѣгающей за нехотя поддающейся силѣ ея денегъ, но презирающей ее знатно, съ его чиновничествомъ, съ его мелкими страстишками, низменными стремлениями... вотъ и подавленная деревня... Все живо, все во-очію копошится передъ нами.

Ла-Брюйера, какъ *изобразителя людскихъ слабостей*, не даромъ сопоставляютъ съ Мольеромъ... «Слогъ Ла-Брюйера не могъ бы пріобрѣсти отличающей его меткости, прямоты, смѣлости,—говоритъ одинъ изъ его критиковъ (Шальмель-Лакуръ),—если бы авторъ не писалъ съ натуры. Никто не обладаетъ перомъ болѣе живымъ; единственные же писатели, которые могутъ равняться съ нимъ по умѣнью облекать свои образы въ плоть и кровь, Сень-Симонъ и г-жа де-Севилье, также какъ и онъ—писали не по книжнымъ, не по усвоеннымъ образцамъ, а прямо съ живого человѣка».

Что же касается *воззрній, морали* Ла-Брюйера, онъ не реформаторъ, тѣмъ менѣе революціонеръ или утопистъ, но, пристально вглядываясь въ окружающія явленія, всегда умѣетъ отдѣлать плевелы отъ пшеницы, различить золото отъ мишуры, искренность отъ лицемѣрія, личное достоинство отъ положенія лица,—и умѣние свое передаетъ читателю. Скромный въ жизни и потребностяхъ, обладая извѣстнымъ достоинствомъ, онъ заставляетъ самое «потомство боговъ» (*filis des dieux*)* относиться къ себѣ съ уваженіемъ, но тѣмъ не менѣе чувствуетъ себя неловко отъ господства, этого «потомства», въ глубинѣ души возмущается его заносчивой гордостью въ одну сторону и раболѣпіемъ въ другую, возмущается и вообще всѣмъ станомъ «праздно-ликующихъ». Въ немъ слышится тревога слѣдующаго, наступающаго вѣка, хотя, стараясь разъяснить себѣ всякое движеніе души человѣческой, онъ тѣмъ самымъ смягчаетъ свое настроеніе.

«Въ своихъ летучихъ замѣткахъ»—пишетъ Тэнъ—«Ла-Брюйеръ указываетъ на смѣшныя стороны моды, на низость порока, ошибочность того или другого воззрѣнія, на суету господствующихъ стремленій. Но эти разрозненные мысли не сведены къ объединяющей идеѣ. Ла-Брюйеръ прилагаетъ тысячи тропиковъ, не выходя на широкую дорогу. У него найдутся совѣты для каждаго возраста, для всякаго положенія, для всякой страсти, но не найдется руководящей нити для человѣчества... Его талантъ заключается преимущественно въ *умѣннн привлечь вниманіе*. Онъ не даетъ ничего новаго, но неизгладимо отмѣчаетъ все, до чего ни коснется. Истины, имъ высказываемыя, довольно обыденны, но сказаны такъ, что не забываются. Онъ какъ бы останавливаетъ прохожихъ на улицѣ, схватываетъ ихъ, и заставляетъ, прервавъ на время и дѣла, и развлеченія, взглянуть подъ ноги, присмотрѣться къ тому, чего они не видали или не хотѣли видѣть, и не пускаетъ, пока не запечатлѣтъ указанное въ ихъ памяти».

Соотвѣтствуетъ такой задачѣ и *манера письма*:

Чтобы достигнуть цѣли, Ла-Брюйеръ пользуется стилистическими приѣмами самыми разнообразными. Никто не даетъ своимъ замѣткамъ обработки такой умѣлой, настолько соотвѣтствующей цѣли: то вводятся воображаемые лица и бесѣдуютъ, превращая поученіе въ сцену; то за автора говоритъ древній мудрецъ—Гераклитъ, Демокритъ, поражая своеобразностью рѣчи; то авторъ обращается къ читателю, ведетъ съ нимъ какъ бы интимную бесѣду; то онъ возбуждаетъ любопытство загадкой; приковываетъ

*) Такъ Ла-Брюйеръ въ насмѣшку называетъ знать своего времени.

вниманіе умышленной наивностью; то говорить съ неподдѣльной проницей; то подчеркиваетъ, сгущаетъ краски, «и изъ подъ пера его вырисовывается фигура, настолько выразительная, что отъ нея не оторвешься».

Сентъ-Бёвъ отмѣчаетъ еще у Ла-Брюйера совѣтъ незнакомое писателямъ XVII вѣка *сближеніе съ природой*, улавливаетъ у него мотивы, развитіе которыхъ составило позже одну изъ самыхъ симпатичныхъ сторонъ сочиненій Руссо и Бернардена де Сень-Пьера; напримѣръ:

— «Инымъ мѣстностямъ мы дивимся, другія насъ трогаютъ; и жить хотѣлось бы въ послѣднихъ».

— Умъ, расположеніе духа, страсти, вкусы, чувства—все въ насъ, мнѣ кажется, подпадаетъ зависимости отъ окружающей природы.

Нельзя, наконецъ, не обратить вниманія на прелесть *языка, слога* Ла-Брюйера, которой единодушно отдавали справедливость критики какъ XVIII, такъ и XIX вѣка самыхъ разнообразныхъ школъ и отгѣнковъ (Вольтеръ, Шатобрианъ, Ла-Гарпъ, Сентъ-Бёвъ, Тэнъ и проч.); но объ этой сторонѣ его книги, къ сожалѣнію, не можетъ составить себѣ и приблизительнаго понятія читатель, незнакомый съ французскимъ языкомъ. Изданный журналомъ «Пантеонъ литературы» русскій переводъ ея не только неуклюжъ до-пелъзя, но еще мѣстами совершенно искажаетъ смыслъ подлинника.

Скажемъ въ заключеніе: Если Ла-Брюйера и нельзя отнести къ великимъ писателямъ, книга его тѣмъ не менѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ, знакомство съ которыми приятно и полезно, какъ бесѣда съ человѣкомъ честнымъ, остроумнымъ, сердечнымъ. Она не потрясаетъ глубоко, тѣмъ не менѣ заставляетъ остановиться на правдивомъ образѣ, на явленіи, вопросѣ жизни, задуматься, улыбнуться, вздохнуть, восторгнуться, присмотрѣться къ людямъ, заглянуть въ себя... Читать ее сплошь нельзя, какъ нельзя сплошь читать объемистый сборникъ стихотвореній, принадлежащихъ хотя бы лучшимъ поэтамъ: она требуетъ бодрого вниманія, непритупленной впечатлительности, отзывчивости. Если намъ и легко умомъ слѣдить за цѣпью событій, за логическою послѣдовательностью мыслей въ разсужденіи, то слѣдить душою за капризно-смѣняющимися мотивами отдѣльныхъ пѣсней, думъ, впечатлѣній, желаній; мѣнять настроеніе за настроеніемъ—крайне утомительно. Умѣренное же, не подавляющее восприимчивости, чтеніе стихотвореній, блестящихъ образами, искренностью, отдаленной, или замѣтокъ, полныхъ жизни, наблюдательности, мысли, чуткаго сердца—доставляетъ минуты глубоко-содержательныя и отрадныя. Книги такого рода долго въ рукахъ не продержишь, зато къ бесѣдѣ съ нею, полной задушевности, охотно возвращаешься, и при второмъ, третьемъ чтеніи ее цѣнишь болѣе, чѣмъ при первомъ знакомствѣ; ее любишь, какъ испытаннаго друга.

А. Слѣпцовъ.

ПѢСНЯ РАБОТНИКА.

Томаса Гуда.

Давайте заступъ, грабли, ломъ,
Заставьте ниву жать серпомъ,
Вотъ руки вамъ: и въ садъ, и въ поле—
Я всюду съ радостью пойду,
Они приучены къ труду
Въ его суровой долгой школѣ.

Плетень заплестъ, канавы рыть,
Свалить въ стога сухое сѣно,
Принести тяжелое полѣно
И наколотъ и нарубить—
Я все готовъ, и на работѣ
Мой труть *) въ карманѣ не найдете:

Я не сожгу васъ; я не врагъ...
Я радъ бы только свой очагъ
Зажечь, чтобъ въ сумракъ дней холодныхъ
Согрѣть дѣтей своихъ голодныхъ,
Согрѣть ихъ, слабенькихъ и хилыхъ,
Чтобъ въ зимній вечеръ камелекъ
На блѣдныхъ щечкахъ, въ глазахъ милыхъ
Разлилъ веселый огонекъ...

Не я, а Тотъ, Кто наши нивы
И иссушаетъ и живить,
Кто тиной въ вешніе разливы
Долины наши затопить,—
Пусть Онъ стрѣлу грозы направитъ
На кровлю сряги, въ барскій дѣсъ—
И въ красномъ заревѣ небесъ
Свой гнѣвъ карающій проявитъ!

Давайте заступъ, грабли, ломъ,
Заставьте ниву жать серпомъ,

---

*) Труть—зажигательная тряпочка къ огниву для высѣканія огня.

Не бойтесь тружениковъ бѣдныхъ:
 Давайте только намъ труда,—
 Я вашей дичи никогда
 Не трону въ рощахъ заповѣдныхъ;
 Я не вломлюсь, какъ воръ ночной,
 Къ его сіятельству въ покой
 Изъ-за корысти и изъ лѣни;
 Не буду вашихъ егерей
 Душить во рву изъ-за грошей,
 Не трону графскаго оленя...
 Я не хочу мірскаго хлѣба,
 Билета нищихъ и калѣкъ;
 Я сынъ земли, я человѣкъ,
 Рожденъ и я подъ этимъ небомъ!
 Я буду требовать вездѣ
 Себѣ дневнаго пропитанья,
 Труда, участія въ трудѣ,
 А не людскаго подаянья!..

Мнѣ, люди, также какъ и вамъ,
 Былъ прародителемъ Адамъ,
 Хоть только случаемъ рожденья
 Я обреченъ на всѣ лишенья
 И радъ, когда въ семьѣ своей
 Могу немного посвободнѣй
 Вдохнуть по милости Господней,
 А не по милости людей.

Давайте заступъ, грабли, ломъ,
 Заставьте ниву жать серпомъ,
 Давайте кирку и лопату—
 На все готовъ и силенъ я,
 И горе тѣмъ, кто у меня
 Отниметъ трудовую плату,

Кто бѣднякамъ даетъ расчетъ,
 За все штрафуя безсердечно,
 А послѣ въ кружку грошъ владеть,
 На тѣхъ, кого онъ грабитъ вѣчно...
 Вѣдь этотъ шиллингъ роковой
 Найдеть меня же—у могилы,
 Когда не станетъ больше силы,—
 Или въ тюрьмѣ, или съ сумой!

Иванъ Бунинъ.

„LUX IN TENEBRIS LUCET“.

(СВѢТЪ ВО ТЬМѢ СВѢТИТЬ).

(РАЗСКАЗЪ).

Генриха Сенкевича.

Переводъ съ польскаго В. Ш—скаго.

Бываютъ иногда осенью, въ особенности въ ноябрѣ, такіе сырые, темные и хмурые дни, когда и здоровому человеку надоѣдаетъ жить.

Съ тѣхъ поръ, какъ Каміонку стало нездоровиться и онъ пересталъ работать надъ статуей „Милосердія“, эта погода удручала его сильнѣе самой болѣзни. По утрамъ онъ сползалъ съ кровати, протиралъ большое запотѣвшее окно мастерской и пыливо смотрѣлъ вверхъ, въ надеждѣ, не увидитъ ли хотя уголокъ голубого неба; но каждое утро его ожидало разочарованіе. Тяжелый свинцовый туманъ висѣлъ надъ землей; дождя не было, и все-таки даже камни на дворѣ казались губками, насыщенными водой; все было мокро, скользко, насквозь пропитано сыростью, которая стекала съ крыши капля за каплей, издавая унылый монотонный звукъ, словно отмѣривая лѣниво ползущее печальное время.

Окно мастерской глядѣло во дворъ, примыкавшій къ саду. Трава за палисадникомъ еще зеленѣла блѣдной, болѣзненной зеленью, въ которой чудились смерть и тлѣніе; но деревья, съ остатками желтыхъ листьевъ, съ вѣтвями, черными отъ сырости, стволы, окутанные мглой, — казались уже мертвыми. По вечерамъ раздавалось карканье воронъ, которыя уже собирались изъ лѣсовъ и полей на зимовку въ городъ и, шумно трепеща крыльями, располагались на ночлегъ.

Въ такіе дни мастерская была мрачна, какъ подземелье. Мраморъ и гипсъ требуютъ яснаго голубого неба, а при этомъ свинцовомъ освѣщеніи ихъ бѣлизна носила отпечатокъ траура; фигуры изъ темной терракоты, теряя отчетливость очертаній, превращались въ какія-то неопредѣленные; наводящія невольный страхъ, массы.

Грязь и беспорядокъ усиливали печальный видъ мастерской. Полъ покрывала толстымъ слоемъ пыль—остатокъ растоптанныхъ обломковъ терракоты и нанесенной съ улицы грязи. Голыя стѣны, мѣстами лишь украшенныя гипсовыми моделями рукъ и ногъ, смотрѣли угрюмо; недалеко отъ окна висѣло небольшое зеркало, надъ нимъ—лошадиный черепъ и букетъ макартовскихъ цвѣтовъ, почернѣвшій отъ пыли. Въ углу—кровать, покрытая худымъ измятымъ одѣяломъ; возлѣ нея—ночной столикъ съ желѣзнымъ подсвѣчникомъ.

Каміонка, изъ экономіи, не нанималъ для себя отдѣльнаго помѣщенія и жилъ въ мастерской. Обыкновенно кровать была закрыта ширмами, но теперь ихъ отодвинули, чтобы больному можно было смотрѣть въ окно, находившееся какъ разъ противъ его ногъ, и наблюдать, не проясняется ли хмурый день. Второе, еще большее, окно въ глубинѣ мастерской было такъ затуманено пылью, что и въ ясные дни свѣтъ пронизывалъ съвозъ него какой-то сѣрый и грустный.

Но небо не прояснялось. Послѣ нѣсколькихъ дней сплошного тумана, тучи спустились ниже, воздухъ совершенно пропитался сыростью, безпросвѣтной мглой, и стало еще темнѣе. Каміонка, лежавшій до сихъ поръ только время отъ времени на кровати, теперь почувствовалъ себя хуже, раздѣлся и слегъ окончательно.

Собственно говоря, онъ не чувствовалъ какой-либо опредѣленной болѣзни; но онъ былъ удрученъ, развинченъ, изнуренъ и безконечно грустенъ. Общее расслабленіе подвело его ноги. Ему не хотѣлось умирать, но онъ уже не находилъ въ себѣ достаточно силъ въ жизни.

Долгіе часы мрачнаго дня казались ему еще длиннѣе, потому что онъ былъ совершенно одинокъ. Жена его умерла лѣтъ двадцать тому назадъ, родные жили въ другой части края, а съ товарищами онъ знакомства не водилъ. Въ послѣдніе годы знакомые отступились отъ него, вслѣдствіе воз-

раставшей въ немъ раздражительности. Вначалѣ это свойство его характера забавляло многихъ, но потомъ, когда онъ дѣлался все большимъ и большимъ чудакомъ и когда малѣйшая шутка возбуждала въ немъ продолжительную обиду, самые близкіе знакомые порвали съ нимъ всякія отношенія.

Упрекали его также въ томъ, что съ годами онъ становился преувеличенно набожнымъ, и многіе сомнѣвались въ искренности его религиозныхъ чувствъ. Злые языки говорили, что онъ просиживаетъ цѣлые часы въ костелахъ для того только, чтобы, по знакомству со священниками, получать заказы для костеловъ. Но это предположеніе было ложно. Его набожность исходила, быть можетъ, изъ глубокой и спокойной вѣры и была вполнѣ безкорыстна.

Что, однако, дѣйствительно дѣлало эти подозрѣнія правдоподобными—это все усиливавшаяся въ Каміонѣ скупость. Нѣсколько лѣтъ уже онъ жилъ изъ экономіи въ мастерской, питался Богъ вѣсть чѣмъ и разстроилъ свое здоровье до того, что, въ концѣ концовъ, лицо его сдѣлалось прозрачнымъ и желтымъ, словно выдѣпленнымъ изъ воска. Людей онъ избѣгалъ и главнымъ образомъ потому, чтобы кто-нибудь не потребовалъ отъ него одолженія.

Въ общемъ, это былъ человѣкъ съ надломленнымъ характеромъ, какой-то прогорклый и безмѣрно несчастный. А между тѣмъ это была далеко не заурядная натура, и даже его недостатки носили своеобразные артистическіе оттѣнки. Кто предполагалъ, что онъ, при своей скупости, долженъ былъ скопить значительное состояніе, — глубоко ошибался. Въ дѣйствительности Каміанка былъ человѣкъ бѣдный: все, что имѣлъ, онъ тратилъ на гравюры, которыхъ у него хранилась цѣлая пачка и которые по временамъ онъ просматривалъ и считалъ осторожно и жадно, какъ скупецъ, пересчитывающій свои капиталы. Эту слабость онъ тщательно скрывалъ и тайлъ, быть можетъ, потому, что развилась она въ немъ на почвѣ большого горя и большого чувства.

Какъ-то, спустя почти годъ послѣ смерти жены, онъ увидѣлъ у антикварія старинную гравюру, изображавшую Армиду, и въ лицѣ Армиды нашелъ сходство со своей покойной женой. Онъ тотчасъ же приобрѣлъ эту гравюру и съ тѣхъ поръ сталъ разыскивать гравюры, сначала изображав-

шія только Армиды, а потомъ, по мѣрѣ возрастанія страсти, и всякія другія.

Люди, потерявшіе горячо и сильно любимыхъ лицъ, должны за что-нибудь ухватиться въ жизни,—иначе они не могли бы существовать. Что же касается Каміонка, никто не могъ бы даже подумать, что этотъ старый чудакъ и эгоистъ когда-то страстно любилъ свою жену. По всей вѣроятности, если бы она не умерла, его жизнь была бы болѣе свѣтлой, искренней и разумной. Однако, эта любовь пережила въ Каміонкѣ и его счастливые годы, и молодость, и даже его талантъ.

Его набожность, которая съ теченіемъ времени перешла въ обычай, заключавшійся въ соблюденіи внѣшнихъ формъ, исходила изъ того же источника. Каміонка не принадлежалъ къ числу людей глубоко вѣрующихъ, но послѣ смерти жены онъ сталъ усердно молиться за нее; ему казалось, это единственное, что можетъ онъ для нея сдѣлать, и считалъ молитву нитью, которая его связывала съ покойной.

Натуры, на видъ холодныя, умѣютъ часто любить горячо, глубоко и постоянно. Послѣ смерти жены, вся жизнь Каміонки и всѣ его мысли окутались воспоминаніями о ней и черпали въ нихъ пищу, словно чужеродное растеніе, добывающее себѣ питаніе изъ пня, на которомъ оно растетъ. Но изъ этого рода воспоминаній человѣкъ можетъ извлекать только отравленные соки—сожалѣній и глубокаго горя, а потому Каміонка отравлялся, замѣтно опускался и таялъ. Не будь онъ художникомъ, вѣроятно, не пережить бы ему своей потери, но искусство спасло его,—послѣ смерти жены онъ началъ работать надъ ея памятникомъ. Напрасно увѣрять живущихъ, что мертвымъ все равно, какъ и гдѣ имъ лежать. Каміонка хотѣлъ, чтобы у его Зоси на могилѣ было хорошо, красиво, и онъ работалъ надъ ея памятникомъ сердцемъ столько же, сколько и руками. И только благодаря этой работѣ, онъ въ теченіе перваго полугодія не сошелъ съ ума и сжился съ отчаяніемъ.

Человѣкъ остался надломленнымъ и несчастнымъ, а художникъ былъ спасенъ искусствомъ. Съ тѣхъ поръ Каміонка жилъ искусствомъ. Публика, любующаяся въ галлерейхъ изваяніями и картинами, и не думаетъ, что художникъ можетъ служить искусству добросовѣстно или недобросовѣстно. Въ

этомъ отношеніи Каміонка былъ безупреченъ. Не было у него крыльевъ генія за спиной, — онъ обладалъ лишь талантомъ, нѣсколько большимъ средняго, и потому искусство ни въ состояніи было ни наполнить его жизни, ни вознаградить его за всѣ утраты, но онъ глубоко уважалъ свое искусство и всегда относился къ нему искренно.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ труда онъ не измѣнилъ ему и не причинилъ ему ущерба никогда, — ни ради славы, ни ради денегъ, ни ради похвалъ, ни... осужденія. Въ счастливые годы, когда онъ жилъ, какъ всѣ люди, и умѣлъ высказывать объ искусствѣ взгляды, далеко не заурядные, да и потомъ, когда всѣ его покинули, о немъ размышлялъ онъ въ своей одинокой мастерской — всегда честно и возвышенно.

Онъ чувствовалъ себя жестоко и несправедливо покинутымъ, хотя въ этомъ не было ничего удивительнаго. Людскія отношенія должны подчиняются какъ бы роковымъ законамъ, въ силу которыхъ люди, исключительно несчастливые, выбрасываются за бортъ общественной жизни; и тогда они такъ же обростають чудачествами и пороками, какъ и камень, выкинутый изъ потока, обростають мхомъ, когда перестаетъ тереться о другіе камни. Теперь, когда Каміонка заболѣлъ, ни одна душа не заглянула въ его мастерскую, кромѣ служанки, которая приходила два раза въ день — поставить самоваръ и подать ему чай. Она не разъ совѣтовала позвать доктора, но онъ, боясь издержекъ, не соглашался на это.

Наконецъ, Каміонка серьезно занемогъ и ослабѣлъ, быть можетъ, отъ того, что не бралъ въ ротъ ничего, кромѣ чая. Впрочемъ, ему теперь ничего не хотѣлось: ни ѣсть, ни работать, ни жить.

Мысли его были такія же увядшія, какъ тѣ листья, которые онъ видѣлъ сквозь окно и которые вполне соответствовали этой осени, этому ненастью и этому свинцовому туману.

Нѣтъ хуже минутъ въ жизни человѣка, какъ тѣ, когда онъ почувствуетъ, что все, предназначенное ему въ жизни, онъ совершилъ, что долженъ былъ пережить — пережилъ, и нѣчего ему больше отъ жизни брать.

Почти пятнадцать лѣтъ Каміонка жилъ въ постоянной внутренней тревогѣ, что его талантъ изсякаетъ. Теперь онъ

былъ увѣренъ въ этомъ и съ горечью думалъ, что даже искусство его покидаетъ. Онъ чувствовалъ утомленіе, почти болѣзненное недомоганіе въ каждомъ суставѣ.

Онъ не рассчитывалъ на скорую смерть, но и не вѣрилъ въ возможность выздоровленія. Вообще, въ немъ не было ни искры надежды. Если онъ желалъ еще чегъ-нибудь, то развѣ, чтобы небо прояснилось и солнце заглянуло въ его мастерскую. Онъ думалъ даже, что это, быть можетъ, хотя немного ободрило бы его. Каміонка всегда была крайне чувствителенъ къ ненастью, мраку, всегда подобные дни усиливали его печаль и пришибленность, — что же онъ долженъ былъ ощущать теперь, когда, по его собственному выраженію, пришли эти безнадежные дни въ сообществѣ болѣзни!

Каждое утро, когда являлась служанка съ чаемъ, Каміонка спрашивалъ:

— Не проясняется ли гдѣ-нибудь по краямъ?

— Какое тамъ! — отвѣчала служанка: — туманъ такой, что человекъ человека ни видитъ.

Больной, услышавъ такой отвѣтъ, закрывалъ глаза и оставался долгіе часы безъ движенія.

На дворѣ было тихо, только дождевыя капли падали ровно и однообразно.

Въ три часа дня становилось уже такъ темно, что приходилось зажигать свѣчу. Упадокъ силъ значительно затруднялъ Каміонкѣ это несложное дѣло. Прежде чѣмъ взять спички, онъ долго раздумывалъ; лѣниво потягивался, причѣмъ худоба рукъ, проглядывавшая сквозь рукава рубашки, возбуждала въ скульпторѣ отвращеніе и жалость; затѣмъ онъ зажигалъ свѣчу и опять лежалъ неподвижно до самаго вечера, когда вторично приходила служанка, лежалъ, прислушиваясь съ закрытыми глазами въ монотонному паденію капель, стекающихъ съ крыши.

Странный видъ представляла тогда мастерская. Пламя свѣчи озаряло кровать и лежавшаго на ней Каміонку. Остальная часть комнаты утопала во мракѣ, сгущавшемся съ каждою минутой. По мѣрѣ того, какъ темнѣло на дворѣ, статуи розовѣли и оживали. Пламя свѣчи то опускалось, то поднималось, а въ этомъ мерцающемъ свѣтѣ и они, казалось, то опускались, то поднимались, какъ бы становились на носки,

чтобы лучше видѣть исхудавшее лицо скульптора и убѣдиться, живъ ли ихъ творецъ.

И дѣйствительно, въ этомъ лицѣ было уже безмолвіе смерти. Но минутами синеватые губы больного чуть-чуть шевелились, какъ если бы онъ молился или проклиналъ свое одиночество, и эти несносныя капли дождя, которыя также ровно и монотонно отсчитывали ему часы болѣзни.

Однажды, вечеромъ, служанка явилась слегка навеселѣ, потому болѣе разговорчивой и сказала:

— На моихъ плечахъ столько дѣла, что я еле два раза въ день могу къ вамъ заглянуть. Взяли бы вы, сударь, сестру милосердія,—это ничего не будетъ стоить, и она больному лучше угодить.

Каміонку понравился совѣтъ, но, какъ всѣ сварливые люди, онъ противился всему, что ему совѣтовали; не послушался онъ служанки.

Однако, по уходѣ ея, онъ сталъ объ этомъ размышлять: „Сестра милосердія!.. правда! Ничего не стоить,—а какая помощь, какія удобства!..“

Каміонка, какъ всякій больной, предоставленный самому себѣ, испытывалъ массу неудобствъ боролся, съ тысячью нуждъ, которыя его мучили, раздражали. Часто онъ по цѣлымъ часамъ лежалъ, неудобно повернувъ голову,—раньше чѣмъ рѣшался поправить подушки; часто ночью ему становилось холодно, и Богъ знаетъ, что далъ бы онъ за стабанъ горячаго чаю; но, какъ могъ онъ подумать о такомъ сложномъ дѣлѣ — заварить себѣ чай, когда зажечь даже свѣчу стоило ему страшныхъ усилій? Сестра милосердія дѣлала бы все это съ обычной у этихъ женщинъ нѣжной заботливостью. Какъ легко болѣть при такомъ уходѣ!

Онъ дошелъ, наконецъ, до того, что о болѣзни при такихъ условіяхъ сталъ думать, какъ о чемъ-то желательномъ, благотворномъ, и удивлялся, что ему доступно это относительное счастье.

Ему казалось, если бы вошла сестра и внесла съ собой въ мастерскую каплю отрады и бодрости, быть можетъ, прояснилось бы на дворѣ и перестали бы его преслѣдовать монотонныя капли дождя.

Ему стало безконечно жаль, что онъ не послушался со-

вѣта служанки. Приближалась ночь длинная и мрачная, а служанка явится лишь на утро. Теперь онъ понялъ, что эта ночь будетъ для него тягостнѣе всѣхъ предшествовавшихъ.

Онъ задумался надъ тѣмъ, какой онъ злополучный Лазарь,—и, въ сравненіи съ теперешнимъ убожествомъ, давно минувшіе счастливые годы ярко всплыли передъ его духовными очами.

Какъ за минуту передъ тѣмъ мысль о сестрѣ милосердія, такъ и теперь воспоминанія о тѣхъ годахъ вновь слились въ его ослабленномъ мозгу съ представленіемъ о солнцѣ, свѣтѣ и теплѣ.

Онъ думалъ о своей покойницѣ и бесѣдовалъ съ нею, какъ это дѣлалъ всегда, когда ему бывало очень тяжело. Наконецъ, онъ усталъ, почувствовалъ, что ослабѣваетъ и заснулъ.

Свѣча на ночномъ столикѣ медленно догорала. Пламя, сначала розовое, стало голубымъ, вспыхнуло нѣсколько разъ и погасло. Беспросвѣтная тѣма воцарилась въ мастерской.

На дворѣ капли дождя падали попрежнему ровно и такъ уныло, словно сквозъ нихъ фильтровались мракъ и печаль всей природы.

Каміонка спалъ долго чуткимъ сномъ, но вдругъ проснулся съ какимъ-то страннымъ ощущеніемъ чего-то необычайнаго, что творится въ его мастерской...

Свѣтало. Мраморныя и гипсовыя изваянія начали блѣднѣть. Широкое венеціанское окно, противъ его кровати, все сильнѣе и сильнѣе насыщалось блѣднымъ свѣтомъ.

Каміонка увидѣлъ какую-то фигуру, сидѣвшую возлѣ его кровати.

Онъ широко раскрылъ глаза: это была сестра милосердія. Руки ея были скрещены на колѣняхъ,—казалось, она молилась.

Больной не могъ разглядѣть ея лица; онъ явственно видѣлъ только ея блѣдый чепецъ и темныя очертанія плечъ, нѣсколько худощавыхъ.

Сердце его тревожно забилось, въ головѣ промелькнулъ вопросъ:

— Когда успѣла служанка привести сестру, и какъ она сюда вошла?

Онъ подумалъ, быть можетъ, все это отъ слабости ему чудится, и закрылъ глаза.

Но, минуту спустя, онъ снова ихъ открылъ.

Сестра сидѣла на томъ же мѣстѣ, неподвижная, какъ бы погруженная въ молитву.

Странное чувство не то страха, не то большой радости охватило больного такъ сильно, что волосы стали подниматься на его головѣ. Чтѣ-то притягивало его взоръ съ непонятной силой къ сидящей женинѣ. Ему казалось, что когда-то онъ ее видѣлъ, но когда и гдѣ—не помнилъ. Въ немъ возгорѣлось непреодолимое желаніе увидѣть ея лицо, но бѣлый чепецъ закрывалъ его, а Каміонка, самъ не зная почему, не осмѣливался ни окликнуть ее, ни шевельнуться, ни даже дышать. Онъ ощущалъ лишь, что чувство страха и радости вмѣстѣ охватываетъ его все сильнѣе и сильнѣе, и, изумленный, онъ спрашивалъ: „что это такое?..“

Между тѣмъ, разсвѣло окончательно. И какое чудное утро было, вѣроятно, тамъ, на дворѣ! Свѣтъ разомъ залилъ всю мастерскую, такой сильный, лучезарный и радостный, словно была весна,—май на дворѣ. Волны этого золотистаго свѣта, вздымаясь, какъ въ наводненіе, наполняли комнату, заливали ее такъ властно, что изваянія утонули и растаяли въ этой ясности, стѣны слились съ ней, исчезли совершенно,—и Каміонка очутился въ какомъ-то свѣтовомъ просторѣ, безъ границъ.

Онъ замѣтилъ, что и чепецъ на головѣ сидѣвшей женщины начинаетъ терять свою мертвенную бѣлизну, колыхается по краямъ, таетъ, расплывается, какъ ясная мгла, и тоже превращается въ свѣтъ.

Женщина медленно повернула свое лицо къ больному,—и вдругъ побинутый всѣми Каміонка увидѣлъ въ свѣтломъ ореолѣ знакомаго, дорогаго черты покойной жены. Онъ вскопчилъ съ постели, изъ груди его вырвался крикъ, въ которомъ слышались цѣлые года слезъ, сожалѣній, горя и отчаянія:

— Зося! Зося!

Онъ обнялъ ее, прижалъ къ груди,—она обвила его шею руками.

Свѣтъ вливался все сильнѣе и сильнѣе.

— Ты не забылъ меня,— сказала она,— и я пришла и вымолила тебѣ легкую смерть.

Каміонка держалъ ее въ объятіяхъ, словно боясь, что дорогое видѣніе исчезнетъ вмѣстѣ со свѣтомъ.

— Я готовъ умереть,— сказалъ онъ,— только ты осталась бы со мной.

Она улыбнулась ангельской улыбкой и, отнявъ одну руку отъ его шеи, протянула ее внизъ и сказала:

— Ты уже умеръ—смотри!

Каміонка взглянулъ по направленію ея руки и увидѣлъ внизу, сквозь окно, внутренность своей мастерской, мрачной, одинокой; тамъ, на кровати, лежало его тѣло, съ широко раскрытымъ ртомъ, который на пожелтѣвшемъ лицѣ казался черной ямой...

Онъ смотрѣлъ на исхудавшее тѣло, какъ на что-то ему чуждое. Вскорѣ все начало исчезать изъ его глазъ, окружавшій свѣтъ, словно гонимый надзвѣзднымъ теченіемъ, уносилъ ихъ куда-то въ безконечность...

ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ СКОВОРОДА,

УКРАИНСКІЙ НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ И ФИЛОСОФЪ.

(1722 — 1794).

Въ октябрѣ настоящаго года исполнилось 100 лѣтъ со дня смерти Григорія Саввича Сквороды, учителя украинскаго народа и единственнаго нашего народнаго философа. При полномъ у насъ отсутствіи оригинальной философской мысли, этотъ, вышедшій изъ народной среды, чудакъ-философъ, странствующій всю жизнь по селамъ своей прекрасной родины, поучающій и на церковной паперти, и на поляхъ, «гдѣ скачетъ пьяная воля», — представляетъ оригинальное и интересное явленіе. Его жизнь, его ученіе напоминаетъ другаго народнаго философа, явившагося при болѣе благоприятной для его поученій обстановкѣ — Сократа. Окруженный греческой народной толпой, уже воспитанной цѣлымъ рядомъ учителей, Сократъ нашель въ средѣ своихъ слушателей вполнѣ подготовленныхъ учениковъ, сохранившихъ въ цѣлости до нашихъ дней ученіе великаго мыслителя. Сквородѣ пришлось говорить гораздо болѣе невѣжественной толпѣ, непривыкшей воспринимать отвлеченныя истины, вотъ почему онъ не создалъ ни философской школы, ни выдающихся изъ общаго низкаго уровня учениковъ. Послѣ него остались только одинъ или два небольшихъ томика печатныхъ произведеній, да нѣсколько рукописныхъ тетрадей, сохраненныхъ его друзьями.

Вся жизнь и вся дѣятельность Сквороды (исключая короткій періодъ путешествій по чужимъ странамъ) прошли въ границахъ небольшой территоріи, охватывающей губернію Харьковскую, часть Курской и Воронежскую. Она извѣстна была раньше подъ названіемъ Слободской Украины.

Г л а в а I.

Жизнь Григорія Саввича Сквороды.

Григорій Саввичъ родился въ 1722 году, въ Полтавской губерніи, въ живописномъ уголку теперешняго Лохвицкаго уѣзда, въ селѣ Хорсыки. Это село почти слилось теперь въ одно съ большимъ стариннымъ мѣстечкомъ Чернухи. Лежащая рядомъ съ Чернухами села тянутся почти непрерывно по берегу р. Многи; весной эта ничтожная рѣченка раз-

ливається на широке пространство, образуя много живописных тихих заводей и лимановъ; тогда вся мѣстность съ цвѣтущими садами и кленовыми рощами полна своеобразной красоты. Здѣсь-то, въ селѣ Хорсикахъ и жили родители Сквороды, небогатые казаки. Чуткая душа будущаго народнаго философа съ самаго ранняго дѣтства горячо отзывалась на красоту природы. Съ дѣтскихъ лѣтъ Скворода полюбилъ игру на дудкѣ и, притаившись въ хатѣ, въ скромномъ уголку за печкой, любилъ наигрывать на ней всякую слышанную имъ пѣсню, и мелодіи, сочиненныя имъ самимъ. Какъ только начиналась весна, какъ только Многа, освободившись отъ ледяныхъ оковъ, разливалась могучимъ потокомъ по живописной долинкѣ, Григорій Саввичъ убѣгалъ со своею дудкою въ поля и рощи и пропадалъ въ нихъ по цѣлымъ днямъ; тамъ птицы, и журчащіе ручьи, и шепотъ листьевъ неумолчно пѣли ему одному понятныя, чудныя мелодіи, — ребенокъ воспринималъ ихъ своей художественной душой и передавалъ ихъ на своемъ непосредственномъ инструментѣ съ неподражаемымъ искусствомъ. Велика была его радость, когда ему кто-то подарилъ настоящую флейту; съ нею онъ не разставался всю жизнь. Очень рано сталъ онъ пѣть на клиросѣ въ своей сельской церкви.

Родители его пользовались уваженіемъ въ селѣ за честность и гостепріимство. Они отдали своего сына сначала, по общему обыновенію, въ науку къ дьячку, но, замѣтивъ его способности и страстную любознательность, рѣшили дать ему лучшее образование и послали его въ Кіевскую академію. То было высшее образовательное заведеніе на всю Россію въ то время. Она воспитывала самыхъ образованныхъ людей и дѣятелей, ученыхъ и талантливыхъ проповѣдниковъ, которые въ XVI и XVII вѣкѣ защищали въ юго-западной Руси православіе отъ нападковъ на него со стороны католиковъ и униатовъ, а въ XVIII в. разносили просвѣщеніе и по Московской Руси, давали ей самыхъ ученыхъ и образованныхъ дѣятелей. Ломоносовъ нѣкоторое время учился въ Кіевской академіи, Теофанъ Прокоповичъ, историкъ Конисскій и другіе извѣстные ученые и писатели вышли изъ нея. Въ 1742 году въ ней было 1.230 челоувѣкъ учащихся разныхъ сословій. Въ ней преподавались богословіе, философія, греческій, латинскій и еврейскій языки, пѣтика, реторика, синтаксисъ, грамматика и нѣмецкій языкъ.

Способности и ясный умъ Григорія Саввича обратили на него вниманіе всѣхъ преподавателей академіи. Но особенно выдавался онъ изъ среды учениковъ своей музыкальностью.

Около этого времени на престолъ вступила младшая дочь Петра Великаго, Елизавета, большая любительница музыки и хорошаго церковнаго пѣнія. Для ея придворной пѣвческой капеллы выбирали лучшіе голоса по всей Россіи; особенно много ихъ ежегодно увозили изъ Малороссіи, всегда отличавшейся музыкальностью своего населенія. Григорій Саввичъ былъ зачисленъ въ число этихъ избранныхъ пѣвчихъ и въ 1745 году былъ отвезенъ въ Петербургъ. Довелось молодому бурсаку увидѣть столицу, дворъ и все его широкое великолѣпіе, среди котораго наслаждалась и веселилась молодая императрица Елизавета. Но этотъ блескъ не ослѣпилъ и не увлекъ строгаго нравственнаго юношу: его любящее сердце, его пытливый умъ оставались въ этой обстановкѣ неудовлетворенными. Онъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобъ

вернуться къ наукамъ, къ тишинѣ академической жизни. Черезъ 2 года ему пришлось сопровождать со всей пѣвческой капеллой императрицу въ ея путешествіи по Россіи. Елизавета посѣтила Кіевъ, гдѣ ученики академіи и все начальство академическое устроили ей пышную встрѣчу. Поклонившись кіевскими святынями, императрица поѣхала дальше, а ея пѣвчій остался въ Кіевѣ; по его просьбѣ, ему дали отставку, наградивъ его чиномъ придворнаго уставщика. Сковорода снова былъ записанъ въ академическіе ученики и съ особеннымъ усердіемъ принялся за изученіе тѣхъ же наукъ, которыя раньше проходилъ поверхностно. Больше всего онъ изучалъ еврейскій и греческій языки, философію, піитику и математику. Онъ учился съ жадной, безкорыстной любознательностью, вовсе не намѣреваясь посвятить себя духовному званію, о чемъ мечталъ его отецъ. Кіевскій архіерей, замѣтивъ его способности, захотѣлъ посвятить его въ священники, указывая ему блестящую дѣятельность проповѣдника въ юго-западной Руси, борца за православную вѣру. Сковорода былъ чуждъ всякаго честолюбія, и чтобъ лучше отвратить настоянія архіерея, онъ прибѣгнулъ къ хитрости—притворился зайкой, придурковатымъ чудакомъ, и наконецъ вышелъ совѣзмъ изъ академіи, получивъ разрѣшеніе жить, гдѣ ему угодно.

Но схоластическія науки, преподаваемые въ академіи, не удовлетворили широкихъ запросовъ дѣятельнаго ума Сковороды: ему хотѣлось знаній о томъ, какъ живутъ, какъ думаютъ другіе народы, другіе ученые. Этому желанію совершенно неожиданно удалось осуществиться. Генералъ Вишневскій отправлялся съ дипломатическими порученіемъ отъ императрицы въ Венгрію и Австрію. Онъ пожелалъ взять съ собою для устраивавшейся тамъ русской церкви уставщика, знающаго не только пѣніе, но и иностранные языки. Сковорода былъ ему представленъ, какъ прекрасный пѣвецъ и вполне образованный человѣкъ. Онъ очень понравился Вишневскому и отправился съ нимъ за границу. Съ позволенія послѣдняго Сковорода свободно путешествовалъ по всей Германіи и Италіи, куда его особенно манилъ Римъ и музыкальность итальянцевъ. Во все онъ вглядывался съ любопытствомъ, во все серьезно вдумывался. Онъ побывалъ въ Офенѣ, Римѣ, Вѣнѣ; больше всего ему понравилась Германія, расположеніе къ ней у него сохранилось навсегда, и онъ часто говорилъ, что любить эту страну, почти какъ родную Малороссію.

Это путешествіе сильно повліяло на философское развитіе Сковороды *). Осматривая Римъ и замѣчательные памятники его древняго величія и сравнивая его съ современной будничной жизнью, суетившейся у самаго подножія древнихъ обелисковъ триумфальныхъ воротъ и дворцовъ, Сковорода глубоко задумывался надъ тщетой всего земного и въ то же время съ горечью убѣждался, что вездѣ, и въ прекрасной Италіи, какъ и въ родной Малороссіи, и въ ученой Германіи—вездѣ «богату покланяются, а бѣднаго презираютъ, глубину предпочитаютъ разуму, и шутовъ награждаютъ, что вездѣ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ». И сердце его затосковало по милой далекой родинѣ. Довольно шататься по чужимъ стравамъ, да набираться чужой мудрости; ему хотѣлось подѣлиться ими съ сво-

*) Аскоченскій говоритъ, что и самъ Сковорода поражалъ своимъ умомъ западноевропейскихъ ученыхъ, и нѣсколько университетовъ предлагали ему мѣсто преподавателя.

ими темными земляками, и Сковорода отправился, какъ всегда, пѣшкомъ въ Малороссію. Радостно и тревожно забилося его сердце, когда онъ послѣ долгаго путешествія завидѣлъ вѣтряки, издали махавшія ему своими крылами, и зеленыя вербы, по прежнему склонявшіяся надъ родной рѣчкой, показавшейся ему въ эту минуту милѣе Тибра и Дуная; воспоминанія дѣтства обступили его, радостный восторгъ переполнилъ сердце, онъ готовъ былъ цѣловать родную землю. И въ то же время жуткое чувство закрадывалось понемногу въ душу: застанеть ли онъ въ живыхъ своихъ родныхъ, отца, мать... Шаги его невольно замедлялись, и онъ, прежде чѣмъ войти въ село, отправился на кладбище. Тамъ, на могильныхъ крестахъ нашель онъ имена самыхъ дорогихъ лицъ...

Но онъ не палъ духомъ. Передъ нимъ, бодрымъ и молодымъ ученымъ бѣднякомъ, раскрывался весь міръ, всѣ люди казались ему братьями; онъ былъ силенъ душой и тѣломъ, независимъ... И Григорій Саввичъ огдался своему любимому влеченію: онъ пошелъ странствовать изъ села въ село, изъ города въ городъ, вездѣ поучая, рассказывая и привлекая къ себѣ людей новизною мыслей и чистотою жизни.

Изъ родного села онъ направился въ Харьковъ, но прежде зашелъ въ Переяславль. По описаніямъ путешественниковъ того времени, это былъ «городъ изрядный и довольно многолюдный» *). Славился Переяславль своей семинаріей, одной изъ лучшихъ въ то время; въ ней было до 700 учащихся. Въ то время, когда въ этотъ городъ зашелъ нашъ странникъ, въ семинаріи было вакантное мѣсто учителя поэзіи. Переяславскій епископъ Николіимъ Сребницікій предложилъ Сковородѣ занять это мѣсто.

Григорій Саввичъ радъ былъ примѣнить свои познанія на пользу другихъ, принялъ мѣсто и даже составилъ особое «Руководство къ поэзіи». Но его новыя взгляды, почерпнутые у западноевропейскихъ ученыхъ, не понравились епископу, и тотъ потребовалъ, чтобы Сковорода измѣнилъ это руководство, согласно съ старыми авторитетами піитики. Сковорода не согласился ни на какія измѣненія и старался разъяснить епископу при помощи латинской поговорки — «иное дѣло пастырскій жезлъ, иное пастушья свирѣль!» — всю неосновательность его вмѣшательства. Конечно, ихъ разногласіе не уладилось и Сковорода опять беззаботно надѣлъ свою дорожную свиту съ видлогой (откидной мѣшокъ для головы, прикрѣпленный къ вороту свиты) и перекинулъ черезъ плечо свою завѣтную торбу, въ которой хранились его единственныя сокровища — флейта и 2—3 книжки. Веселый и бодрый продолжалъ онъ свое странствованіе изъ села въ село. Останавливался онъ у священниковъ, помѣщиковъ или у своего же брата казака-простолюдина; кому на флейтѣ поиграеть, кому расскажетъ о своихъ путешествіяхъ; подѣлитъ мыслями, разъяснитъ свои оригинальные и глубокіе взгляды на жизнь; а кому просто споетъ имъ самимъ сложенную пѣсню или духовный кантъ. Его пѣсни, хотя и написанныя не народнымъ языкомъ, были такъ близки къ народнымъ по духу, что немедленно заучивались пѣвцами — кобзарями — и поются до сихъ поръ во множествѣ варіантовъ. Нѣкоторыя пѣсни распѣвались дѣвицами въ дворянскихъ семьяхъ, какъ любимые романы. Особенной популярностью пользовались его пѣсенка «Что ты птичка желтобока» и пѣсня «Всякому городу нравъ и права».

*) «Малороссія по рассказамъ путешественниковъ». «Кіев. Стар.», 1892 г., № 3.

Скоро послѣ неудачи въ переяславской семинаріи Григорій Саввичъ стараніями друзей получилъ мѣсто домашняго учителя у помѣщика Полтавской губерніи Тамары; это былъ просвѣщенный человекъ, довольно гуманно обходившійся съ своими крѣпостными, но гордый и тщеславный. Онъ велъ жизнь шумную и роскошную, дворъ его былъ переполненъ прислугой, а въ домѣ не переводились гости. Попавши въ такую обстановку, нашъ свободолюбивый философъ и тутъ, какъ и вездѣ, сохранилъ свою независимость и скромность потребностей. Онъ добросовѣстно принялся за обученіе сына Тамары, съ годъ все шло благополучно: помѣщикъ платилъ деньги, но не удостоивалъ вниманіемъ страннаго учителя въ камлотовомъ кафтанѣ, а учитель не унижалъ своего достоинства ни лестью, ни заискиваньемъ. Слетити прислуги, донесшей барынѣ, что учитель слишкомъ вольно обращается съ барскимъ сыномъ и даже одинъ разъ обозвалъ его свиньей,—нарушили мирныя отношенія и Сквородѣ пришлось снова взяться за свой страннический посохъ и искать у друзей пріюта. Онъ отправился къ переяславскому сотнику. Здѣсь Сквородѣ представилась возможность поѣхать въ Москву, и онъ, конечно, съ радостью воспользовался ею; его попрежнему преслѣдовала жажда видѣть новыя мѣста, а Москва и тѣмъ болѣе Троицко-Сергіевская лавра въ то время представляла не мало поучительнаго. Тамъ Скворода тотчасъ же нашелъ для себя пріятную и полезную работу. Намѣстникъ лавры, очень образованный человекъ, предложилъ ему перевести Тита Ливія; онъ скоро оцѣнилъ умъ и познанія Григорія Саввича и предложилъ ему остаться преподавателемъ въ училищѣ при Троицко-Сергіевской лаврѣ. Но тоска по родинѣ погнала Сквороду вонъ изъ Москвы, назадъ въ родныя степи и дубравы, въ родныя села, гдѣ его уже любили, какъ истиннаго народнаго учителя, разъясняющаго именно тотъ вопросъ о смыслѣ жизни, разгадать который одинаково жаждетъ и ученый академикъ, и бѣдный невѣжественный пастухъ...

Какъ только Тамара узнала, что Скворода воротился изъ Москвы, онъ сталъ усиленно приглашать его снова учить его сына, но оскорбленный учитель упорно отказывался вернуться въ тотъ домъ, откуда его несправедливо выгнали; друзья хитростью привезли его соннаго въ имѣніе Тамары. Не долго пришлось ему этотъ разъ тамъ оставаться: передъ нимъ открывалась другая, болѣе широкая дѣятельность преподавателя въ Харьковскомъ коллегіумѣ, уже заслужившемъ къ этому времени всеобщую любовь и уваженіе. Въ 1759 году епископъ Юсафъ Миткевичъ пригласилъ Сквороду на мѣсто учителя поэзіи, и Гр. Сав. съ радостью согласился. Эти занятія съ юношами были ему очень по душѣ: близкіе ему люди говорятъ, что онъ въ это время былъ особенно «бодръ, веселъ, подвиженъ, воздерженъ, благодушествующъ, словоохотенъ, изъ всего выводилъ правоученіе и почитателенъ» *).

Одѣвался онъ просто, но пристойно; пищу имѣлъ только изъ плодовъ и молочную, не имѣя расположенія къ мясу **). Спалъ онъ очень мало, всего часа 4 въ сутки, любилъ вставать до зари и ходить пѣшкомъ за городъ. Въ его рукописи «Израильскій змій» есть цѣлый гимнъ солнца,

*) См. Коваленскій. «Описаніе жизни Г. С. Сквороды». «Кіев. Старина» 1891 г., № 9.

**) Скворода вообще не отрицалъ необходимости мясной пищи, но самъ мало ее употреблялъ. Нѣкоторые видѣли въ этомъ доказательство его принадлежности къ какой-то сектѣ. Скворода горячо это опровергала.

въ которомъ солнце воплощается въ Самсона и является жизнеподателемъ: «Преблаженное солнушко!—воспѣваетъ нашъ пантеистъ:—почиваетъ въ день седьмый, встаетъ въ третій, палитъ всю тлѣнь, раззоряетъ иноплеменничія стѣны, отверзаетъ гробы, откываетъ очи, ломлетъ хлѣбъ, насыщаетъ свой весь почетный народъ вкусомъ вѣчности» и т. д.

*Ваше! о любимаго Лав! всѣмъ тебѣ ядо: встань тѣ ядо.
Старикъ, Грн. Сково-
родъ*

Григорій Саввичъ часто и всегда охотно посѣщалъ больныхъ, ходилъ утѣшать печалующихся, съ немощными раздѣлялъ все свое убогое имущество и всѣмъ своимъ любящимъ сердцемъ былъ преданъ друзьямъ. Его строгое поведеніе, безо всякой тѣни лжи или фарисейства, привлекало къ нему симпатіи не только его учениковъ, но и всего харьковского общества. Сознавая всю пользу, приносимую Сковородой коллегіуму, и зная его странническаго наклонности, игуменъ Гервасій сталъ его уговаривать принять монашество, обѣщая ему высокій санъ, славу, и почетъ. Но безкорыстный учитель остался выше всякихъ честолюбивыхъ искушеній. «Развѣ вы хотите,—рѣзко отвѣтилъ онъ на предложеніе игумена:—чтобы я умножилъ число фарисеевъ? Ыщите жирно, пейте сладко, одѣвайтесь

мягко и монашествуйте! А Скворода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, малодовольствѣ, воздержности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы пріобрѣсть все нужнѣйшее, въ отверженіи всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самага въ цѣломудріи, въ обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнять заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не человѣческой».

Никакія убѣжденія не могли склонить суроваго учителя - аскета; они только расшевелили его подозрительное свободолюбіе и побудили его для охраненія своей независимости и вѣрности своему нравственному долгу отказаться отъ любимой преподавательской дѣятельности. Онъ поблагодарилъ отца Гервасія «за милость, за дружбу, за похвалу: я не заслуживаю ничего сего за непослушаніе мое къ вамъ при семь случаѣ», и попросилъ «благословить его на путь».

И учитель поэзіи въ сѣрой свитѣ, съ чоботами (сапогами), болтавшими за плечами, съ неизмѣнной торбой на спинѣ и палкой—журавлемъ въ рукахъ вышелъ изъ города, оглянулся на прекрасный Божій міръ и вздохнулъ свободно: еще разъ онъ одержалъ побѣду надъ искусненіями міра и ушелъ отъ нихъ бѣдный, ничего не имущій, но свободный. Онъ вынулъ изъ торбы свою дорогую подругу — флейту и, насвистывая любимую пѣсню: «Ходя по землѣ, обращайся на небесахъ» — направился въ деревню Старицу, къ одному изъ своихъ пріятелей, отдыхать въ излюбленномъ уединеніи, предаваясь размышленію и самоизученію, записывая свои мысли въ формѣ Сократовскихъ діалоговъ или разговоровъ, которые онъ затѣмъ рассылалъ своимъ друзьямъ.

Однако, голосъ дружбы скоро вырвалъ его изъ этого уединенія и снова призывалъ въ городъ, который Скворода всегда любилъ меньше села: «Городъ огородился скукой,—говорить онъ въ одномъ изъ своихъ поученій:—ибо тотъ скучаетъ, чей духъ прилагается съ кучей, ибо куча есть множество, а гдѣ много тамъ каждый докучаетъ. Прямое веселье только въ селеніи, ибо тутъ вселяется въ него весь міръ, елико есть какъ одинъ, а не какъ куча. Въ кучѣ разбѣганіе; скука и разбѣганіе тоже. Въ селеніи уединеніе: веселіе и уединеніе тоже» *). Одинъ изъ друзей Сквороды усиленно просилъ его навѣстить учившагося въ Харьковѣ его племянника, молодого Коваленскаго, и руководить его своими поученіями. Скворода немедленно отправился въ Харьковъ, нашелъ юношу въ училищѣ, и, желая принести пользу племяннику своего друга, согласился принять снова въ училищѣ мѣсто преподавателя греческаго языка и синтаксиса. Рядомъ съ этимъ онъ съ любовью взялъ на себя и домашнія занятія съ юношей, занимая его чтеніемъ, музыкой, а главное своими глубокосодержательными бесѣдами; изъ нихъ его ученикъ, по собственному признанію Коваленскаго, почерпнулъ истинное понятіе объ обязанностяхъ человѣка къ самому себѣ и къ другимъ, объ истинѣ и о благѣ добродѣтельной жизни. Особенно любилъ Григорій Саввичъ уводить своего ученика по вечерамъ на кладбище. Тамъ, посреди безмолвныхъ могилъ онъ говорилъ ему о неразумности страха смерти, иногда пѣлъ и игралъ на флейтѣ. И эта нѣжная музыка въ тихій торжественный часъ ночи, звучащая надъ тихими могилами и крестами, невольно возносила духъ ученика его выше малодушныхъ опасеній и заботъ и укрѣпляла въ немъ мужество.

*) См. Живнепис. Сков. Коваленскаго, К. Ст. 9, стр. 128.

Въ 1764 году ученикъ и учитель поѣхали въ Кіевъ. Тамъ, расхаживая по церквамъ и монастырямъ, разясняя юношѣ ихъ древности, ихъ святыни, Григорій Саввичъ встрѣчалъ много своихъ старыхъ знакомыхъ и товарищей по академіи. Они упрекали его за бродячую жизнь, казавшейся имъ праздною, бесполезною и беспорядочною. «Полно кругомъ бродить по свѣту,—говорили они ему:—пора пристать къ гавани: намъ извѣстны твои таланты, святая лавра приметъ тебя, аки чадо свое, ты будешь столбъ церкви и украшеніе обителя!»—«Ахъ преподобные!—отвѣчалъ имъ философъ:—я столботворенія умножать не хочу: довольно и васъ, столбовъ неотесанныхъ во храмъ Божьемъ!» И со всегдашней своей искренностью онъ продолжалъ, глядя на стоявшихъ передъ нимъ откормленныхъ монаховъ: «риза, риза! кожь немногихъ ты опреподобила! кожь многихъ окаянствовала! Міръ ловить людей разными сѣтями, накрывая оныхъ богатствами, честью, славою, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святыней: но въсѣхъ несчастнѣе есть послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т.-е. счастье свое не сокрытъ въ ризѣ, но въ волѣ Господа» *).

Съ этими словами Скворода увелъ своего ученика на берегъ Днѣпра и тамъ погрузился въ созерцаніе. Передъ нимъ разстилался величественный, чарующій видъ: внизу величаво катилъ свои волны еще неперетянутый ни однимъ мостомъ Днѣпръ, надъ нимъ высились на горахъ кіевскіе храмы, вознося подъ самое синее небо блестяшіе на солнцѣ золотые купола, колокольный звонъ громкимъ торжественнымъ благовѣстомъ доносился до нашихъ путниковъ, а прямо передъ ними разстилался низкій лѣвый берегъ Днѣпра и далеко до самаго горизонта синѣли темные Черниговскіе боры. Красота этой картины успокоительно подѣйствовала на Сквороду. Что значила передъ этой вѣчно прекрасной, величавой природой вся суета человѣческой жизни, борьба изъ-за мелкихъ выгодъ, личныхъ радостей: онѣ пройдутъ, оставляя послѣ себя одну «тлѣнь», а горы и рѣки и лѣса попрежнему будутъ ласкать сердце человѣка и свидѣтельствовать о величій вѣчной истины, непознаваемой, недоступной и вѣчно прекрасной.

Вдругъ одинъ изъ монаховъ подошелъ сзади къ Сквородѣ и горячо обнялъ его: «о мудрый мужъ!—съ волненіемъ воскликнулъ монахъ:—я и самъ такъ мыслю, какъ ты говорилъ передъ нашей братіей, но не смѣлъ никогда слѣдовать моимъ мыслямъ».

Такъ правдивое слово Сквороды во многихъ сердцахъ пробуждало жажду правды, заставляло критически оглядываться на окружающее и ненавидѣть всякую ложь.

Скворода недолго оставался въ Кіевѣ: его потянуло въ Харьковщину, въ Украину, онъ любилъ ее больше Малороссіи, въ которой родился. Малороссію онъ называлъ матерью, а Украину—теткой, по своей любви къ ней и постоянному въ ней жительству. Около этого времени назначенъ былъ въ Харьковъ первый губернаторъ, Щербининъ. Наслышавшись очень много объ умѣ и странностяхъ Сквороды, онъ пожелалъ его видѣть и остался въ восторгѣ отъ бесѣды съ нимъ. Но Григорій Саввичъ не любилъ обращать на себя вниманіе, избѣгалъ всякихъ выраженій удивленія къ нему, ненавидѣлъ лесть. Однажды, расположившись у одного изъ своихъ

*) Коваленск. К. Ст. 9, стр. 132.

пріятелей—Пискуновскаго—онъ приготовился за дружеской вечерней бесѣдой подлѣяться своимъ новымъ, не дошедшимъ до насъ сочиненіемъ «Лотова жена»; уже съ обычнымъ юморомъ очертилъ онъ главные черты этого сочиненія, какъ вдругъ двери съ шумомъ растворились и въ комнату влетѣлъ недавно пріѣхавшій изъ столицы франтъ и громко воскликнулъ: «Итакъ, я, наконецъ, достигъ того счастья, котораго я стою долго и напрасно жаждалъ: я вижу, наконецъ, великаго моего соотечественника Григорія Саввича Сквороду. Позвольте...»

Но не успѣлъ онъ подойти къ бѣдному философу, какъ тотъ вскакиваетъ съ мѣста... сами собой складываются крестомъ на груди его костлявыя руки, горькая усмѣшка искривляетъ лицо его, черные впалые глаза скрываются за сѣдыми нависшими бровями, самъ онъ изгибается, какъ бы желая поклониться, и вдругъ прыжокъ и трепетный голосъ повторяетъ: «позвольте, тоже позвольте!» и Григорій Саввичъ исчезаетъ изъ комнаты. Напрасно прибѣгалъ за нимъ хозяинъ, уговаривалъ его вернуться въ ихъ общество, Скворода только говорилъ съ укоризной: «съ меня смѣяться!» и не вышелъ изъ своей комнаты.

Другой разъ другъ его собралъ много гостей; между ними были и знатные люди, желавшіе познакомиться съ оригиналомъ-философомъ. Но какъ только Скворода замѣтилъ, что вся эта толпа гостей собралась, чтобы на него смотрѣть, онъ ушелъ изъ дому, забрался въ сарай, въ крытую кибитку и пролежалъ тамъ, пока все въ домѣ не стихло и не уѣхалъ послѣдній гость.

Сквороду часто упрекали въ беспорядочной жизни, и трудно было нашему философу отстаивать глубокій смыслъ, вкладываемый имъ въ свой взглядъ на жизнь. «Недавно,—пишетъ онъ въ одномъ своемъ письмѣ:—нѣкто о мнѣ спрашивалъ: скажите мнѣ, что онъ тамъ дѣлаетъ? Если бы я въ пустынь отъ тѣлесныхъ болѣзней лечился, или оберегалъ пчелъ, или портняжилъ, или ловилъ звѣрь; тогда бы Скворода казался мнѣ занять дѣломъ. А безъ сего думаютъ, что я празденъ; и не безъ причины удивляются. Правда, что праздность тяжелѣе горъ кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла человѣку: продавать, покупать, жениться, посягать, воевать, тягаться, портняжить, строиться, ловить звѣрей? Здѣсь ли наше сердце неискходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина, что мы погруживъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себя: очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы себя за неключимымъ рабомъ нашимъ, невѣрнымъ тѣляшникомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущесь» *).

Скворода—бѣдный простой сынъ казака—обладалъ такимъ сокровищемъ: въ сердцѣ его горѣла вѣра въ истину, онъ жилъ, укрѣпляясь въ ней все сознательнѣе и распространяя ее между людьми. Когда его спрашивали, что онъ дѣлаетъ? Онъ чистосердечно отвѣчалъ: «я радуюсь, а радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни».

Его спросили однажды: что есть философія? Главная цѣль жизни,—не колеблясь отвѣчалъ Скворода,—глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ человѣческой, его мысли, его сердце. Всякъ имѣетъ цѣль жизни, но не всякъ имѣетъ главную цѣль, не всякъ занимается главой жизни. Иной зани-

*) Данилевскій, стр. 48.

мається чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву; иной очамъ, иной волосамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла; иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ. Философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ; чтобы дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ чловѣкѣ весель, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія!»

Въ 1766 году Скворода былъ снова призванъ къ общественной дѣятельности. Въ это время къ Харьковскому училищу присоединены были еще прибавочные классы, куда поступали преимущественно дѣти дворянъ. Сквородѣ предложили преподавать имъ «правила благонравія». Григорію Саввичу было уже 44 года, но онъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и, въ видѣ руководства для своихъ учениковъ, написалъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ сочиненій, въ которомъ высказалъ свои основные взгляды на вѣру и нравственность. Это сочиненіе носило заглавіе: «Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи». Рукопись эта немедленно разошлась не только между учениками училища, но и среди всего харьковского общества. Ею буквально зачитывались, а въ авторѣ видѣли замѣчательнаго проповѣдника совершенно новаго ученія. Само духовенство сильно заинтересовалось этими правилами, но новизна взглядовъ и смѣлость высказываемыхъ въ ней мнѣній вызвали недовольство начальства; многія мѣста въ ней найдены сомнительными. Епархіальный епископъ взялъ эти правила на разсмотрѣніе и пришелъ отъ нихъ въ сильное негодованіе *). Онъ спросилъ Сквороду, почему онъ преподаетъ наставленіе въ христіанскомъ благонравіи столь различно отъ обыкновенно преподаваемого. Отвѣтъ Сквороды былъ какъ всегда оригиналенъ. «Дворянство различествуется знаніемъ и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ: для чего же не имѣть оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такъ ли государя почитаетъ и разуметь пастухъ свиной и цаловальникъ, какъ министръ его, военачальникъ, градоначальникъ? Подобно дворянству и такія ли прилично имѣть мысли о Богѣ, какія въ монастырскихъ уставахъ и школьныхъ тиникахъ?»

Скворода былъ отрѣшенъ отъ должности преподавателя. Во второй разъ приходилось Сквородѣ уходить изъ Харькова, бросать любимое дѣло и искать утѣшенія въ уединеніи. Онъ отправился въ село Гурвинское. Тамъ, на пасѣкѣ помѣщиковъ Земборскихъ, въ уютномъ и пустынномъ уголкѣ, среди густого лѣса онъ нашелъ душевный покой и написалъ свое первое философское сочиненіе—«Наркизъ, или познай себя», а вслѣдъ за нимъ «Книгу Асхаль о познаніи себя». Ни та, ни другая не дошли до насъ, ибо не были никогда напечатаны, хотя Данилевскій предполагаетъ, что вторая книга была издана въ Петербургѣ въ 1798 году, но подъ другимъ заглавіемъ: «Библіотека духовная, дружеская бесѣда о познаніи себя» **).

Съ этого времени Скворода не беретъ больше ни за какое общественное дѣло, рѣдко заглядываетъ въ Харьковъ и всецѣло отдается своей страсти странствовать, останавливаясь на долгое или короткое время у друзей и знакомыхъ, занимаясь сочинительствомъ и музыкой. Мы видимъ

*) См. Ковален. стр. 134.

***) См. Данилев. стр. 31.

его то въ Кіевѣ, то въ Воронежской губ. у Тевяшева, то въ Бабахъ, подъ Харьковомъ, то въ Гусинской пустоши. У помѣщиковъ онъ училъ дѣтей и поучалъ взрослыхъ. Ради того, чтобы наставлять не однѣхъ добрыхъ личностей, онъ часто останавливался и у людей, которыхъ «не любилъ за ихъ пороки, но для того, чтобы, какъ говоритъ Коваленскій, черезъ продолженіе времени, обращаясь съ ними, бесѣдуя, рассуждая, нечувствительно привлечь ихъ къ познанію себя, къ любви къ истинѣ, къ отвращенію отъ зла и примѣромъ доброй жизни заставить ихъ полюбить добродѣтель». Выраженіемъ его тогдашняго настроенія можетъ служить имъ же сочиненная пѣсня:

Не пойду въ городъ богатый.
Буду по полямъ я жить,
Буду вѣкъ мой коротати,
Гдѣ время тихо бѣжить.

О дубрава! о зелена!
О мать моя родна!
Въ тебѣ жизнь увеселенна,
Въ тебѣ покой и тишина!

Города славни, высоки,
На море печалей пхнутъ,
Ворота красни, широки
Въ неволю горьку ведутъ.

О дубрава! о зелена! и т. д.

Не хочу ѣздить на море,
Не хочу красныхъ одеждъ;
Подъ ними кроется горе,
Печали, страхъ и мятежъ!

О дубрава! о зелена! и т. д.

Не хочу за барабаномъ
Идти пѣнять городовъ,
Не хочу и штатскимъ саномъ
Пугать мелочныхъ чиновъ.

О дубрава! о зелена! и т. д.

Не хочу и наукъ новыхъ,
Кромѣ здраваго ума,
Кромѣ умностей Христовыхъ.
Въ коихъ сладостна душа.

О дубрава! о зелена! и т. д.

Ничего я не желатель,
Кромѣ хлѣба да воды,
Нищета мнѣ есть пріятель,
Давно съ нею мы сваты.

и т. д.

Поселяясь у кого-либо въ домѣ, Сковорода занималъ всегда самый скромный уголокъ, жилъ очень просто, никого не затрудняя, самъ во всемъ себѣ услуживая. Любимымъ мѣстопробываніемъ его была пасѣка

подъ селомъ Гурвинскимъ: «усталый приходилъ онъ къ пасѣчнику, иногда бралъ съ собою сотоварища, своего любимаго пса, и всё трое вмѣстѣ принимались за скромную трапезу». Григорій Саввичъ всегда довольствовался самой грубой пищей, запивая ее или водой, или наливкой, которую всегда употреблялъ умѣренно. При дешевизнѣ, тогдашняго времени, въ Украинѣ были въ изобиліи и водки, и наливки; тогда никакая дружеская бесѣда не обходилась безъ угощенія наливками и настойками, пили дома, повемногу и рѣдко напивались допьяна. Злые языки напрасно старались оклеветать Сковороду въ пьянствѣ; всё знавшіе его опровергаютъ эту клевету.

Останавливаясь у бѣдняковъ, Григорій Саввичъ всегда умѣлъ быть имъ такъ или иначе полезнымъ, то помогая имъ въ домашнемъ хозяйствѣ, то ухаживая за больными, обучая и малыхъ, и взрослыхъ членовъ семьи. Въ повѣсти Срезневскаго подъ заглавіемъ «Майоръ, Майоръ» Григорій Саввичъ представленъ именно въ такой убогой обстановкѣ бѣдняка хуторянина. Срезневскій пытался изобразить намъ романическій эпизодъ изъ жизни одинокаго скитальца, когда онъ, зайдя на уединенный хуторъ одного бѣдняка майора, полюбилъ его дочь и убѣждаемый ея умирающимъ отцомъ чуть было не женился на ней, но почти уже при самомъ вѣнчанномъ обрядѣ Сковорода убѣждалъ отъ своей миловидной невѣсты; убѣждалъ навсегда отъ неожиданно представившагося искушенія любви. Неизвѣстно, сколько правды въ самомъ этомъ романическомъ эпизодѣ, но повѣсть Срезневскаго интересна тѣмъ, что рисуетъ намъ тѣ теплыя отношенія Сковороды къ людямъ, которыя обличали въ немъ любящее сердце.

Проживши нѣсколько времени въ одномъ мѣстѣ, Сковорода снова облачался въ свою дорожную свиту, пряталъ въ торбу свою любимую еврейскую Библию и флейту, бралъ въ руку палку—журавель и отправлялся дальше, пока не попадалъ снова къ новымъ или старымъ друзьямъ. Никогда никто не видѣлъ его путешествующимъ иначе, какъ пѣшкомъ; никогда никому не удавалось заставить его принять самый ничтожный подарокъ. «Дайте нищему», говорилъ онъ на всё такія предложенія и обходился самымъ небольшимъ количествомъ бѣлья и одежды. До глубокой старости онъ оставался безпечнымъ старымъ ребенкомъ, повторяющимъ свою любимую поговорку: «Благодареніе Богу, что онъ трудное сдѣлалъ ненужнымъ, а нужное сдѣлалъ нетруднымъ» *). Онъ пользовался всеобщей любовью, всё гордились его посѣщеніями, а изъ сохранившихся писемъ разныхъ людей къ Григорію Саввичу, видно, какимъ глубокимъ уваженіемъ онъ пользовался въ средѣ самого образованнаго мѣстнаго общества того времени. Въ этихъ письмахъ видно, какъ его друзья и знакомые заботились о немъ, наперерывъ приглашали его къ себѣ, интересовались его работами, его мыслями. Особенной нѣжностью дышали письма его ученика и друга Коваленскаго, проживавшаго долгое время заграничій.

О послѣднихъ годахъ жизни Сковороды во всѣхъ біографіяхъ почти не имѣется свѣдѣній, и ихъ можно кое-какъ возстановить только по письмамъ Коваленскаго. Возвратившись изъ-за границы больной и разбитый жизнью, этотъ любимый ученикъ Григорія Саввича сталъ настойчиво просить навѣстить его въ помѣсть въ Орловской губерніи. Сковорода, какъ всегда вѣрный и преданный другъ, не смотря на осень и

*) См. Сочиненія Сков. стр. 169,

и на дурную погоду, не смотря на свои 73 года, отправился въ далекій путь, чтобы обнять и ободрить своего ученика. И такова была ясность и жизнерадостность его духа, что не смотря на свой преклонный возрастъ, онъ дѣйствительно оживлялъ и болѣе молодыя души и придавалъ имъ мужество терпѣливо переносить невзгоды жизни. Однако, Сковорода не долго оставался у Коваленскаго, онъ никогда и нигдѣ не могъ долго оставаться вдали отъ своей любимой Украйны. Напрасно Коваленскій упрасивалъ его перезимовать у него, напрасно старался устроить его у себя какъ можно уютнѣе, Сковородой овладѣло тяжелое предчувствіе близкой смерти и ничто не могло задержать его теперь вдали отъ родины. Дорога была далекая и трудная для старика, наконецъ, онъ добрался до своей любимой Украйны, гдѣ ему оставалось уже не долго прожить.

Теперь мы подходимъ къ той величайшей минутѣ въ жизни каждаго человѣка, которая, завершая человѣческую жизнь, даетъ ей послѣднее характерное освѣщеніе. Имѣя подъ руками прекрасное описаніе смерти Сковороды, сдѣланное Срезневскимъ, мы приведемъ его здѣсь дословно.

Быль прекрасный теплый день, къ помѣщику *) собралось много гостей погулять и повеселиться, послушать Сковороду было также въ предметѣ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, рассказывалъ про свое бывшее, про свои странствованія, испытанія. Изъ за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашелъ его подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило, послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода съ заступомъ въ рукѣ рылъ яму—укаую, длинную могилу.—«Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?»—«Пора, другъ, кончить странствіе, отвѣчалъ Сковорода,—итакъ всѣ волоса слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній. Пора успокоиться!»—«И, братъ, пустое! Полно такъ шутить! Пойдемъ».—«Иду, но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя хранина...»—И пошелъ въ домъ, но Сковорода не долго въ немъ оставался. Онъ ушелъ въ свою «комнату», переиѣнилъ бѣлье, умылся, помолился Богу и, подложивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрую свиту, легъ, сложивши на крестъ руки! Долго его ждали къ ужину, Сковорода не явился. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ разбудить его, но Сковорода лежалъ уже холодный, окостенѣлый **).

Это смерть истиннаго философа, никогда не знавшаго страха смерти и достойнаго той эпитафій, какую онъ самъ себѣ придумалъ: «Миръ любилъ меня, но не изловилъ». Всю жизнь онъ уходилъ отъ искушеній самолюбиваго и суетнаго міра и находилъ душевное спокойствіе только въ природѣ и уединеніи, въ музыкѣ и бесѣдѣ съ простыми друзьями. Онъ любилъ независимость, любилъ родину: внѣ ея онъ не чувствовалъ себя нигдѣ хорошо. Давилевскій рассказываетъ слѣдующій характерный

*) Григ. Сав. умеръ въ слободѣ Кань-Ивановкѣ, Харьковской губ., у помѣщика Коваленскаго.

**) Срезневскій: Отрывки изъ записокъ о старцѣ Г. С. Сковородѣ. «Утренняя Звѣзда» кн. 1. 1833 г., стр. 90.

случай изъ его жизни: «Екатерина II знала о Сковородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу и однажды черезъ Потемкина послала ему приглашеніе переселиться изъ Украйны въ столицу. Посланный съ юга Малороссіи отъ Потемкина гонецъ засталъ Сковороду съ флейтой на закраинѣ дороги, близъ которой ходила овца хозяина, пріютившаго на то время философа. Сковорода выслушала приглашеніе и отвѣтила: «Скажите матушкѣ царицѣ, что я не покину родину...

Мнѣ моя свирѣль и овца
Дороже царскаго вѣнца *).

Онъ всю свою жизнь старался выполнить свои заповѣди: «Бѣгай молвы, объеми уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудренность, дружись съ терпѣливостью, водворися со смиреніемъ, ревнуй по Господѣ Вседержителѣ. Вотъ тебѣ лучи божественнаго сердца! Сіе то велими благо и легко есть!» Сковорода никогда не разставался съ библіей и изъ нея черпалъ безконечное число темъ для своихъ философскихъ разговоровъ. Одинъ изъ харьковскихъ губернаторовъ, зная его любовь къ этой книгѣ изъ книгъ, спросилъ его однажды, чему учить Библия?

— «О человѣческомъ сердцѣ, — отвѣчалъ Григорій Саввичъ, — поваренныя ваши книги учатъ, какъ удовольствовать желудокъ, псовыя — какъ звѣрей ловить, модныя — какъ наряжаться. Библия же учитъ, какъ облагодѣтельствовать сердце человѣческое».

Надъ этимъ облагораживаньемъ своего и чужого сердца путемъ самопознанія и познаванія истины не мало потрудился Сковорода въ теченіе всей своей долгой скитальческой жизни, а между тѣмъ, многіе упрекали его въ праздноштаніи и удивлялись его нежеланію занять какое-нибудь общественное положеніе. Харьковский губернаторъ дружески его разспрашивалъ: «Честный человѣкъ! Для чего не возьмешь ты себѣ никакого извѣстнаго состоянія?» — «Милостивый государь, — отвѣчалъ Сковорода, — свѣтъ подобенъ театру: чтобъ представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, то берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похвывается. Я долго разсуждалъ о семъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ низкаго, простаго, безпечнаго, уединеннаго, и сію роль выбралъ, взялъ и доволенъ!»

— Вотъ умный человѣкъ, — сказала губернаторъ, обращаясь къ окружающимъ: — онъ прямо счастливъ; было меньше бы дурачествъ и неудовольствій, ежели бы люди такъ мыслили!»

Глава II.

Произведенія Сковороды.

Всѣ сочиненія Сковороды можно раздѣлить на три группы: художественныя — пѣсни, вирши и басни; нравственно-поучительныя — духовные канты, богословскія правила, и, наконецъ, философскіе разговоры. Изъ всего этого немного дошло до насъ и въ печатномъ, и въ рукописномъ видѣ. При жизни Сковороды, по словамъ его біографовъ, ничего не пе-

*) Данилевскій, Украин. Стар. стр. 39.

чатавъ. Послѣ его смерти была издана маленькой книжечкой: «Бесѣда о познаніи себя», потомъ въ 1806 году въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» помѣщено нѣсколько страничекъ изъ его «Преддверія», да въ 1837 году издано нѣсколько его брошюръ Московскимъ Человѣколюбивымъ Обществомъ. У насъ въ рукахъ небольшой томикъ его сочиненій, напечатанныхъ въ 1861 году, въ Петербургѣ, да рукопись, хранящаяся въ одномъ экземплярѣ въ Харьковской университетской бібліотекѣ, — «Израильскій Змій». По нимъ мы и постараемся познакомиться съ писательскимъ творчествомъ старца Варсавы, какъ любилъ называть себя иногда самъ Скворода.

Всѣ его произведенія написаны тяжелымъ, неудобопонятнымъ, полународнымъ, полушкольнымъ языкомъ, какой внесли въ образованное малорусское общество того времени странствующие ученики Кіевской академіи и Харьковскаго коллегіума. Только два лирическія произведенія написаны на чистомъ малорусскомъ языкѣ, которымъ онъ превосходно владѣлъ въ разговорѣ. Остальные поэтическія произведенія народны болѣе по духу и содержанію, соответствующему настроенію тогдашняго общества. Дошедшія до насъ пѣсни собраны подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «*Садъ Божественныхъ Пѣсень, прозябшій изъ зерна священнаго писанія*». Многія изъ нихъ интересны для насъ, какъ выраженіе настроенія самаго Григорія Саввича, распѣвавшего ихъ въ одиночествѣ подъ аккомпаниментъ флейты; таковы пѣсни «о сжукѣ», сложенная имъ во время своего учительства у Тамары, пѣсня «о счастьѣ» и многіе вылившіеся прямо изъ сердца гимны природѣ. Наиболее удобочитаемы, по своему языку для современнаго читателя являются басни, изданныя въ Москвѣ въ 1837 году. Въ нихъ, также какъ и въ пѣсняхъ, высказываются въ образной формѣ тѣ же нравственные взгляды, что въ философскихъ сочиненіяхъ. Каждая басня имѣетъ въ заключеніи, такъ-называемую, «силу», т. е. нравоученіе, наприм.: «Нѣтъ вѣрнѣ, сирѣчь полезнѣ и величественнѣ, какъ узнать самого себя и слышать въ нашемъ челѣхъ погребенную искру блаженства. Отсюда рождается благословенное оное царство владѣть собою могти». Вотъ одна изъ его басенъ, наиболее простая по языку и содержанію: *Старуха и горшечникъ*. Старуха покупала горшки. А что за сей хорошенькій?—«За того возьму хоть три голушки»,—отвѣчалъ горшечникъ.—А за того гнусаго (вотъ онъ) конечно полущка?—«За того ниже двухъ копеекъ не возьму...»—Что за чудо?—«У насъ бабка,—сказалъ мастеръ,—не глазами выбираютъ, мы испытujemy, чисто ли звонитъ?—Баба хотя была не подлаго вкуса, однако не могла больше говорить, а только сказала, что и сама давно сіе знала, да вздумать не могла» *).

Въ другой баснѣ «Кротъ, нетопырь и два горлицына» идетъ споръ крота съ голубями, о томъ, что солнца нѣтъ и нѣту свѣта, она оканчивается разсужденіемъ, что свѣтъ и тьма, тлѣніе и вѣчность, вѣра и нечестія міръ весь составляютъ и одно другому нужно.

Несмотря на устарѣлый языкъ, философскія и богословскія сочиненія Сквороды представляютъ гораздо большій интересъ, чѣмъ художественныя.

На міросозерпаніе Григорія Саввича несомнѣнно сильно повліяли хо-

*) См. у Данилевскаго, Украин. Стар.

рошо изученные имъ Сократъ и Платонъ. Скворода больше всего говорить о познаніи себя, принимая у Сократа какъ основной тезисъ—познаніе себя есть главный источникъ благъ человѣка—такъ и форму своего изложенія въ видѣ разговоровъ. «Гдѣ есть древо жизни?—Посреди плоти нашей.—Что есть древо жизни?—Есть законъ ума.—Что есть законъ ума?—Свѣтъ тихій славы Безсмертнаго Отца Небснаго». Душа человѣческая также, какъ и по ученію Сократа, есть частица божества. Отсюда обязательность для человѣка самопознанія, т. е. познанія души. Тотъ, кто не задумывается надъ своимъ духовнымъ я, по мнѣнію Сквороды, такъ глупъ, «что двоихъ насчитать не можетъ». «Недовольно принимаешь сосудъ глиняный,—говоритъ Скворода,—если разумѣешь одну его фигуру изъ грязи изображенную, а не знаешь чистымъ или нечистымъ наполненъ онъ ликеромъ или питіемъ». А въ другомъ мѣстѣ: «Спортивъ мы отъ самаго начала око нашего ума, не можемъ никакъ проникнуть до того, что одно достойно есть нашего почтенія и любви во вѣки вѣковъ».

Какъ обязательно для человѣка познать себя самого, чтобы сократить всѣ свои тѣлесныя нужды, потребности и интересы и подчинить ихъ духовному началу, такъ для него важно узнать невещественные предметы, которые, по выраженію Сквороды, совершенно ничтожны: «Вся тварь есть рухлядь, смѣсь, сѣчь, ломъ, кружъ, стѣнь и плоть», важно узнать всеодушевляющее ихъ начало—Божество. «Душа наша тѣлеснымъ не можетъ довольна быть»,—говоритъ Григорій Саввичъ въ одной изъ своихъ пѣсень: «Она только горитъ небеснымъ скуку насытить».

Богъ же, по ученію Сквороды, есть Премудрость и Любовь: «Богъ Любы есть», говорить онъ часто. Самое обстоятельное разъясненіе понятія Бога находится въ первой главѣ его правилъ благонавія; составленныхъ имъ для учениковъ Харьковскаго училища. «Богъ,—сказано тамъ,—какъ Существо невидимое, всю тварь пронизываетъ и содержитъ; вездѣ всегда былъ, есть и будетъ. Напримѣръ, тѣло человѣческое видно, но пронизающій и содержащій оно умъ не видѣнь. По сей причинѣ у древнихъ Богъ назывался умъ всемірный. Ему же у нихъ были различныя имена, напр.: бытіе вещей, вѣчность, судьба, необходимость и проч. А у христіанъ знатнѣйшія Ему имена суть слѣдующія: Духъ, Господь, Царь, Отецъ, Истина» **).

Такое широкое толкованіе идеи Бога въ учебникѣ для юношей, конечно, не могло въ то время понравиться начальству духовной семинаріи. Для Сквороды истина заключалась всегда въ ученіи Божиюмъ. «Въ сравненіи сея премудрости всѣ свѣтвыя мудрости не иное что суть какъ рабскія ухищренія». Въ толкованіи своемъ первой заповѣди Моисея, онъ прямо говоритъ: «Богъ глава твоего благополучія и свѣтъ разума. Берегись, чтобы ты не основажъ житія твоего на иныхъ совѣтахъ, искусствахъ и вымыслахъ, хотя бы они изъ ангельскихъ умовъ родились. Положись на меня крѣпко: есть ли же меня минувъ, заложишь вѣкъ твой на иной премудрости, то она тебѣ будетъ и Богомъ, но не истиннымъ, а посему и счастье твое подобно будетъ воровской монетѣ». «Вся преходитъ—любы же ни» *).

Величайшее благо, какимъ надѣлилъ насъ Богъ—это премудрость, «которая природный есть его отблескъ, сіяніе, печать».

*) См. сочиненія Г. С. Сквороды. 1861.

**) Ibid.

робно развивають. Это въ тѣхъ же «Правилахъ» въ главѣ о промыслѣ Божіемъ. Разумъ въ глазахъ Сквороды есть главная прелесть человѣка: «Премудрость во всѣхъ нашихъ дѣлахъ и рѣчахъ—душа, польза и краса, а безъ нея все мертво и гнусно... Родимся мы безъ нея *), однако для нея. Кто къ ней охотнѣе и природнѣе,—тотъ благороднѣе и острѣе, а тѣмъ больше кто съ ней имѣетъ участіе, тѣмъ дѣйствительнѣйшее, но непонятное внутри чувствуетъ блаженство или удовольствіе. Родимся мы все безъ нея, но для нея. Она-то и есть прекраснѣйшій образъ Божій. Она дѣлаетъ насъ изъ дикихъ и безобразныхъ монстровъ или уродовъ—человѣками, т. е. не звѣрскими, а годными для общественнаго сожителства. Она отличаетъ насъ отъ звѣрей милосердіемъ и справедливостью, а отъ скотовъ воздержаніемъ и разумомъ. Это есть образъ Божій, тайно на сердцѣ написанный, сила и правило всѣхъ нашихъ движеній и дѣлъ. Разумъ, также какъ и Богъ носилъ разныя названія въ разное время, правда, имя Божье, сила Божья, Слово, Воскрешеніе, Животъ, Христость».

Во всемъ этомъ рационализмъ видно вліяніе уже не одного Сократа и Платона, а болѣе современныхъ западно-европейскихъ философскихъ системъ. Особенно сильно отразилось на Сквородѣ ученіе великаго Спинозы съ его пантеизмомъ и нравственнымъ ученіемъ: познаніе добра даетъ человѣку силу побѣждать страсти, разумъ одинъ даетъ счастье, — заключающееся въ любви къ Богу и тихомъ довольствѣ, вытекающемъ изъ сознательнаго повиновенія не страстямъ, а разуму. Какъ Спиноза отождествлялъ доброе съ полезнымъ въ широкомъ смыслѣ слова, такъ и Скворода называлъ доброе — нужнымъ. Но поддавался въ то же время германскимъ мистикамъ — Якову Беме и др. — Скворода остался позади послѣдовательности своего любимаго учителя Сократа. Философія Сократа открывала своимъ ученикамъ двери широкому изученію природы; Скворода же признавалъ единственнымъ источникомъ познанія священное писаніе — Библию, книгу изъ книгъ: «Богъ есть Библія». Глубоко уважая ее, Скворода, впрочемъ, прямо говоритъ, что Библія навела сперва «на еврейскій, а потомъ и на христіанскій народъ безчисленныя и ужасныя суевѣрій наводненія. Изъ суевѣрій родились вздоры, споры, секты, вражды, междоусобія и странныя ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи и проч.». Суевѣріе, по словамъ Сквороды, предпочитаетъ «всякія враки» выше милости и любви, оно заставляетъ брата преслѣдовать брата и убійствами думаетъ сослужить службу Богу. «Говорятъ суевѣру: слушай другъ! Нельзя сему стать... Противно натурѣ... Но онъ во весь опоръ, со желчью вопіетъ, что точно летали Ильины кони, плавало при Елиойѣ желѣзо, говорили при Авраамѣ змѣи» и т. д. «Суевѣръ сворбитъ, если кто на полдень, а не на востокъ съ нимъ молится, иной сердитъ, что погружаютъ, другой бѣсится, что обливаютъ крещаемого. Но кто сочтетъ всю суевѣрныхъ головъ пучину. Будто Богъ—Варваръ, чтобы за мелочь враждовать». Такая терпимость къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ въ устахъ ученика Кіевской академіи, занятой главнымъ образомъ борьбой съ унией и католичествомъ, особенно цѣнна и показываетъ, что Сквородѣ, вѣроятно, не было чуждо лучшее художественное произве-

*) Здѣсь очевидно отразилось на Сквородѣ ученіе Локка: нѣтъ прирожденныхъ идей,—въ противность Декартовскимъ прирожденнымъ понятіямъ. Такъ перебивались въ Сквородѣ религіозный мистицизмъ и философскій рационализмъ.

деніе того времени: «Натанъ Мудрый», Лессинга, гдѣ мудрость и добро возвышаются надъ всѣми разногласіями разныхъ религіозныхъ исповѣданій. «Развѣ кто угорѣлъ,—продолжаетъ Сковорода,—или въ горячѣхъ, тотъ только скажетъ, желѣзо плаваетъ. И кой се есть родъ странный Богословія, если въ немъ рѣчь о желѣзѣ, не о Богѣ!» Относительно чудесъ Сковорода прибѣгалъ къ довольно остроумному приему, освобождающему его отъ толкованія ихъ: «Какимъ же способомъ Божія Премудрость,—говоритъ онъ,—родилась отъ Отца безъ матери и отъ Дѣвы безъ Отца, какъ Она воскресла и опять къ своему Отцу вознеслась и проч., пожалуй не любопытствуй. Поступай и здѣсь такъ, какъ бы на нѣкоторомъ зрѣлищѣ и довольствуйся тѣмъ, что глазамъ твоимъ представляется; а за ширмы, за хребетъ театра не заглядывай. Сдѣлана сія завѣса нарочно для худородныхъ и склонныхъ къ любопытству сердецъ; потому что худородность, чѣмъ въ ближайшее знакомство входитъ, тѣмъ пуще къ великимъ дѣламъ и персонамъ utility теряетъ! На что тебѣ спрашивать напр. о воскресеніи мертвыхъ, есть ли и самый даръ—воскрешать ничто не пользуется бездѣльной душѣ? Отъ такихъ то любопытниковъ породились расколы, суевѣрія и проч. язвы, которыми вся Европа безпокоится. Не тотъ вѣренъ Государю, кто въ тайности его выкинуть старается, но тотъ, кто волю его усердно исполняетъ» *).

Толкуя въ своихъ правилахъ всѣ десять заповѣдей, онъ высказываетъ совершенно ясно свое отношеніе къ обрядамъ: «Вся Десятисловія сила,—говоритъ Сковорода,—вмѣщается въ одномъ словѣ—*любовь*. Она есть вѣчнымъ союзомъ между Богомъ и человѣкомъ—самъ Богъ именуется Любы. Сія божественная Любовь имѣетъ на себѣ вѣщныя виды или значки, они называются церемоніи или обрядъ благочестія. Итакъ, церемонія возлѣ благочестія, что на зернахъ скорлупа и шелуха. Есть ли жъ сія обрядность лишена своей силы, въ то время остается одна лицемѣрная обманчивость, а человѣкъ—гробомъ раскрашеннымъ».

Оставляя его богословскія разсужденія, остановимся еще на его ученіи о счастьѣ, вытекающемъ непосредственно изъ его презрѣнія ко всему вещественному, плотскому. Счастье, по понятіямъ Сковороды, есть внутреннее довольство, основанное на познаніи себя и истины, т. е. Бога, слѣдовательно, счастье не во вѣшнемъ мірѣ, оно въ насъ самихъ. «Нѣтъ слаще для человѣка,—говоритъ Сковорода,—и нѣтъ нужнѣе, какъ счастье, нѣтъ же ничего и легче сего. Царствіе Божіе внутри насъ. Счастье въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь же въ законѣ Вѣчнаго». А Спиноза говоритъ: «Наше величайшее счастье въ познаніи Бога, которое приводитъ насъ къ исполненію только такихъ поступковъ, какіе предписываютъ намъ любовь и вѣра. Обладать познаніемъ Бога значитъ ощущать къ нему безконечную интеллектуальную любовь;—наслаждаться этимъ познаніемъ и этой любовью значитъ достигнуть идеальнаго человѣческаго счастья» **). Сковорода, какъ народный философъ доказываетъ свою мысль популярными доказательствами. «Что было бы тогда,—спрашиваетъ онъ своихъ слушателей,—если бы счастье, пренужнѣйшее и прелюбезнѣйшее для всѣхъ, зависѣло отъ времени, отъ мѣста, отъ плоти и крови? Скажу ясибѣ, что было бы тогда, если бы счастье Богъ заключилъ въ Америку или въ Канар-

*) См. сочин. Г. С. Сковороды. Спб. 1861 г.

**) La Morale de Spinoza. R. Worms, P. 1892 г.

скихъ островахъ, или въ Азіатскомъ Іерусалимѣ, или въ царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновскомъ вѣкѣ, или въ богатствахъ, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи. Тогда бы и счастье наше и мы съ нимъ были бѣдны. Кто-бы могъ собраться къ тѣмъ мѣстамъ: Какъ можно всѣмъ родиться въ одномъ коемъ то времени? Какъ же и помѣститься въ одномъ чинѣ и счастье? Кое же то и счастье, утвержденное на песокъ плоти, на ограниченномъ мѣстѣ и времени, на смертномъ «человѣкѣ?» *) На эти же вопросы Скворода складываетъ пѣсню:

Счастье гдѣ ты живешь?
 Горлицы скажите,
 Въ полѣ ли овцы пасешь
 Голуби возвѣстите?
 О счастье нашъ ясный свѣтъ!
 О счастье нашъ красный цвѣтъ!
 Ты мати намъ покажися!
 Счастье, гдѣ ты живешь,
 Мудрые скажите!
 Въ небѣ ли ты пиво пьешь,
 Книжники возвѣстите.
 О счастье нашъ ясный свѣтъ и т. д.
 Книжники вотъ всѣ молчатъ,
 Птицы то же всѣ нѣмы,
 Не говорятъ, гдѣ есть маты,
 Мы же сами не вѣмы
 О счастье нашъ ясный свѣтъ и т. д.
 Счастія нѣтъ на землѣ,
 Не обращаешь мя извнѣ...

Вотъ и еще пѣсня на ту же тему:

Возлети на небеса,
 Хоть въ версальскіе лѣса,
 Воздѣнь одежду золотую
 Воздѣнь и шапку парчевую,
 Когда ты не весель,
 То все ты нищъ и голъ!..

Въ этомъ-то требованіи отъ жизни внутренняго веселія, вмѣсто внѣшняго матеріальнаго довольства и заключалось воспитательное значеніе для народа Сквороды. Это былъ истинно убѣжденный народный учитель добра, всѣмъ съ жизнерадостной улыбкой говорившій:

Претрудно быть злымъ,—
 Легко быть благимъ.

Онъ будилъ въ каждомъ слушателѣ умственную работу, заставляя вдумываться въ свою жизнь, въ свои недостатки и жадно искать истины. Глубокая вѣра въ непогрѣшимость разума и остроумная критика людскихъ слабостей и заблужденій—вотъ что освѣщаетъ всѣ даже самыя неудобопонятныя сочиненія Сквороды, полныя часто туманныхъ символовъ и уподобленій.

Занимаясь главнымъ образомъ этикой и богословіемъ, Скворода не обращалъ почти никакого вниманія на политику, хотя въ Западной Европѣ не могъ не ознакомиться съ господствовавшими въ то время ученіями Вико, Пуффендорфа, Кондилляка, Дидро и Руссо. На общественныя условія жизни онъ не обращалъ вниманія и нигдѣ о нихъ не высказывается.

*) См. Рукопись Г. С. Сквороды: Змія Израильскій.

Но въ своей «Симфоніи о народѣ» Скворода, широко толкуя свое главное ученіе о познаніи себя, старается ввести человѣка въ соотношеніе съ окружающими его людьми: у Сократа самопознаніе обращено главнымъ образомъ на три цѣли: 1) сдѣлать личность человѣка независимой, оградивъ ее отъ нуждъ и страстей; 2) облагородить общественную жизнь дружественными отношеніями его членовъ; 3) основать общее благо отдѣльнаго гражданина на благоустройствѣ цѣлаго государства *).

Скворода устанавливаетъ тройное познаніе о себѣ: 1) какъ о бытіи самоличномъ, какъ о «человѣкѣ одинокомъ, отъ всѣхъ людей отличномъ, только на самого себя похожемъ»; 2) познаніе себя, какъ существа общезительнаго, гражданина, какъ часть того или другого народа, какъ человѣка, соединеннаго съ другими общей вѣрой, общимъ языкомъ, обычаемъ, закономъ, живущихъ на одной землѣ и на одной родинѣ, отчизнѣ, рѣчь общая—*gerpublica*... Вспомни пѣсню: Ойтудися хилать лозы, куди имъ похило; туди очи выглядуютъ, куди сердцю мило? Всякъ долженъ узнать свой народъ и въ своемъ народѣ себя. Русь ли ты?— будь имъ: вѣр православно, служи царикъ правно, люби братію нравно. Нѣмецъ ли ты— нѣмечеству! и т. д.; 3) является познаніе себя, какъ существа, сотвореннаго по образу и подобию Божію, общаго со всѣми людьми. Это познаніе указываетъ нашу общность со всѣмъ человѣчествомъ и объясняетъ намъ, чѣмъ именно мы становимся человѣкомъ. Всѣ эти три познанія Скворода считалъ одинаково необходимыми и тѣмъ вывѣдалъ человѣку въ обязанность быть членомъ того или иного общества и въ то же время всего человѣчества. «Что есть человѣкъ одинокій, уединяющій себя отъ другихъ и погружающійся въ думы о себѣ одномъ? спрашиваетъ Скворода въ той же «Симфоніи о народѣ», и отвѣчаетъ: «круглый сирота, дитя безродное, родитель безчадный» **). Точно также и народъ, отдѣляющій свои интересы отъ остальныхъ народовъ, есть, по выраженію Сквороды: бытіе, не имѣющее будущаго, а рождающееся только на время, въ извѣстномъ пространствѣ, но не имѣющее въ себѣ ничего вѣчнаго. «Спаситель,— по словамъ Сквороды,— первый училъ такому полному тройному познанію себя».

Такимъ образомъ, извлекая изъ темныхъ, схоластическимъ языкомъ написанныхъ, сочиненій Сквороды основныя его мысли, мы получаемъ стройное и законченное философское міросозерцаніе, сложившееся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Сократа и Спинозы. Мы видимъ, что Скворода былъ широко знакомъ съ современнымъ состояніемъ философіи въ Европѣ и основательно изучилъ Сократа и Платона. Изъ всего этого знанія онъ беретъ только то, что наиболее согласуется съ его собственнымъ міровоззрѣніемъ. Онъ остается совершенно чуждъ Лейбницу, имѣвшему наибольшее вліяніе въ Германіи въ половинѣ XVIII вѣка, но проникается широкимъ ученіемъ Спинозы, ловить мысли Локка и жадно вслушивается въ новыя ученія французскихъ энциклопедистовъ, въ ихъ ученіе о природѣ. Какъ разъ въ то время, когда Скворода путешествовалъ по Европѣ, Руссо (въ 1750 году) защищалъ свой знаменитый «Discours sur les Arts et les sciences», Дидро провозглашалъ, что божество познается въ законахъ природы, въ истинѣ, красотѣ, благѣ; Дюбо приглашалъ искусство возвы-

*) Клевановъ. Обзоръніе философской дѣятельности Сократа и Платона, стр. 53.

***) См. Хиждеу. Истор.-крит. очеркъ о Сквородѣ. «Телескопъ» 1835.

кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее. Когда выспится, тавъ проснется, когда намечтается, забожествуетъ и забдитъ» *).

Сковорода больше всего любилъ называть себя или старцемъ, или народоучителемъ и часто подписывался «Публикола». По мнѣнію Сковороды, чтобы быть понятнымъ народомъ, учитель долженъ изучить природу народа, его волю, языкъ и обычаи: учитель долженъ быть служитель природы, т. е. извлекать изъ ученика тѣ склонности и способности, которыя въ немъ дремлютъ: «Сокола, — говорилъ Григорій Саввичъ, — вскорѣ научить летать, но не черепаху. Орла въ мгновеніе навичить взирать на солнце, но не сову... Всякое дѣло свѣтъ собой и наука свѣтъ собой. Глубокъ самъ собой покатыся съ горы, огнями только ему препятствующій камень. Не учи его катиться, а только пособляй». Онъ считалъ, что учитель долженъ быть изъ народа и долженъ примѣнять свое обученіе къ народному характеру, соединять сущность истины съ доступной народной формой изложенія ея: «какъ огонь и свѣтъ невидимо таятся въ кремнѣ и обнаруживаются ударомъ о кресало, такъ въ каждомъ народѣ таятся особая сущность народнаго характера и его воспитанія; раскрыть ее можно только понимая сущность души народной, вотъ почему нельзя воспитывать народъ чужими выписными мудрецами».

Какъ же относилась къ своему учителю вся масса его слушателей и учениковъ? Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ о томъ почти никакихъ свѣдѣній. Д. И. Богалей говоритъ, что «нравственное вліяніе Сковороды на простой народъ было очень благотѣльно», и приводитъ очень характерныя воспоминанія о Сковородѣ Лубяновскаго: «Старикъ выше средняго роста, въ сѣромъ байковомъ сюртукѣ, украинской овчинной шапкѣ, съ палкой въ рукѣ, по нарѣчію сущій малороссіянинъ. Страсть его была жить въ врестяньскомъ кругу, любилъ онъ переходить изъ села въ село, изъ слободы въ слободу, изъ хутора въ хуторъ, вездѣ и всѣми былъ встрѣчаемъ и провожаемъ съ любовью, у всѣхъ былъ онъ свой. Не стяжалъ онъ ни золота ни серебра, но народъ не затѣмъ принималъ его подъ свои кровли. Напротивъ того, хозяинъ дома, въ который онъ входилъ, прежде всего всматривался, не нужно ли было чего-нибудь поправить, почистить, перемѣнить въ его одѣяніи, въ его обуви; все это и дѣлалось немедленно. Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще бывалъ и долѣ оставался, любили его, какъ родного. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность; и онъ утѣшался, когда видѣлъ, что его трудъ странническій не совсѣмъ былъ безлюденъ» **).

Какъ прививались къ народной массѣ наставленія Сковороды мы можемъ видѣть изъ народной оперетты Котляревскаго—«Наталка-Полтавка». Мало того, что въ нее вставлены двѣ Сковородинскія пѣсни, ставшія уже достояніемъ народа, но и вся главная фигура оперетты—Возный—освѣщена отраженнымъ свѣтомъ этическаго міросозерцанія Сковороды.

Канты, духовныя вирши и пѣсни Сковороды распространились по всей Малороссіи. Изъ воспоминаній дѣтства Т. Г. Шевченко, мы видимъ, что

*) См. Соч. Г. С. Сковороды. 1861 г. [«Разговоръ о внутреннемъ чловѣкѣ»].

**) См. Харьковскія Универ. Зап.

тетрадочки съ стихотвореніями Сковороды заходили и въ Кіевскую губернію, въ то глухое село, гдѣ провелъ свое дѣтство великій украинскій поэтъ.

Но всѣхъ отзвѣчивше къ ученію Сковороды относились сектанты, какъ наиболѣе развитая часть населенія. Около половины прошлаго столѣтія, въ селеніи Охочемъ, Харьковской губерніи одинъ ирусскій унтеръ-офицеръ положилъ начало духоборческой секты. Новые сектанты жадно прислушивались къ Сковородѣ, ученіе котораго такъ совпадало съ ихъ главными положеніями, что душа есть внутренній храмъ Божества и что всѣ вышнія обрядности «шѣлуха на зернѣ благочестія». Сковородѣ даже приписываютъ составленіе «Исповѣданія ученія екатеринославскихъ духоборцевъ 1791 года». Молокане, появившіеся въ Слободской Украинѣ около этого же времени (въ 1788 году), тоже относились съ большимъ вниманіемъ къ народному философу и глубоко его уважали. Они съ любопытствомъ знакомились съ его сочиненіями и переписывали ихъ; особенною популярностію между ними пользовалась «Библіотека Духовная», «Начальная дверь къ христіанскому благонравію» и «Дружескій разговоръ о душевномъ мірѣ». Они до сихъ поръ распеваютъ у себя въ домахъ его стихи и псалмы, придерживаясь имъ же сочиненныхъ напѣвовъ. Сковорода извѣстенъ у молоканъ подъ именемъ *Апостола христіанства* *).

Память о Сковородѣ долго жила въ Слободской Украинѣ. У того же Лубяновскаго рассказывается, что въ 1831 году одинъ старикъ крестьянинъ говорилъ о Сковородѣ, что «это былъ человекъ разумный и добрый, училъ и наставлялъ добру, страху Божьему и упованію на милосердіе Распятаго за грѣхи наши Господа нашего Иисуса Христа. Когда начнеть намъ, бывало, рассказывать Страсти Господни или блуднаго сына, или добраго пастыря, сердце, бывало, до того размягнется, что заплачешь, вѣчная память Сковородѣ» **).

На мѣстѣ его родины о немъ мало помнятъ, одни говорятъ, что изъ него вышелъ знаменитый профессоръ, а другіе — что онъ былъ «ажъ метрополитомъ». Слободская Украина, которую онъ столько разъ исходилъ вдоль и поперекъ, сохранила о немъ болѣе живое воспоминаніе. Къ могилѣ его въ Пань-Ивановкѣ относились съ большимъ уваженіемъ, и когда имѣніе перешло въ другія руки, новому владѣльцу говорили крестьяне, что въ его саду заключенъ великій кладъ, подъ которымъ и попрежнему была могила дорогаго учителя.

Вотъ это-то значеніе и мы считаемъ самымъ главнымъ для Сковороды. Онъ поставилъ себѣ задачу жизни — поучать своихъ земляковъ, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Съ пылкой любознательностію изучивъ за короткое время своихъ странствій по Европѣ всѣ современные философскія ученія, онъ самостоятельно переработалъ ихъ въ своемъ ясномъ и проницательномъ умѣ и вернулся домой съ цѣльнымъ рациональнымъ ученіемъ. Онъ не пошелъ излагать его съ каедры, а обратился съ нимъ къ народной массѣ, которую еще и до нашихъ дней считаютъ слишкомъ темной, неспособной къ постиженію философской истины. Сковорода, въ противоположность другимъ появившимся въ Россіи

*) См. *Новицкій*, «Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученія».

***) Боголей, стр. 27.

філософамъ, не впавъ въ мистицизмъ, не создалъ никакой односторонней секты, а оставался чистымъ деиствомъ и рационалистомъ, внося въ темную массу своихъ слушателей уваженіе къ разуму и вѣру въ просвѣщеніе.

Что касается до вліянія Сковороды на образованное общество того времени, то, по отзывамъ всѣхъ хроникеровъ и историковъ, оно было самое благотворное. Среди друзей и учениковъ Сковороды, мы видимъ лучшихъ представителей интеллигентнаго дворянства Слободской Украйны: Квятку, Розельонъ-Сошальскихъ, Донецъ-Захаржевскихъ, Ковалевскаго, Коваленскаго, губернатора харьковскаго Щербинина, харьковскаго же городского голову Урюпина. Всѣ единогласно признають, что его поученія подготовили харьковское общество къ открытію перваго университета на югѣ—въ Харьковѣ. Между помѣщиками, поддержавшими это открытіе университета собственными деньгами, мы видимъ все тѣхъ же хорошихъ знакомыхъ Григорія Саввича; изъ нихъ же вышли и первые слушатели Харьковского университета. Вотъ почему Данилевскій, его лучший біографъ, признаетъ его величайшее общественное значеніе главнымъ образомъ какъ бойца за просвѣщеніе своего народа; «своими бесѣдами и примѣромъ своей жизни,—говоритъ Данилевскій,—горячею, почти суетвѣрною любовью къ наукѣ и какимъ-то вдохновеннымъ отшельническимъ убійствомъ плоти своей во имя духа и мысли, убійствомъ «ветхихъ» стремленій человѣка во имя божественныхъ цѣлей высшей правды и разума, добра и свободы, онъ пробуждалъ дремавшіе умы своихъ соотечественниковъ, зажигалъ ихъ на добрыя дѣла, и чего ни касался, все просвѣтлялъ какимъ-то новымъ яснымъ свѣтомъ».

Эта оцѣнка Сковороды, всегда желавшаго именно быть учителемъ своего народа, намъ кажется гораздо правильнѣе тѣхъ стараній другихъ его критиковъ и біографовъ, которые стараются придать особое значеніе достоинствамъ философскаго ученія Сковороды, какъ это дѣлаетъ Хиждуе.

Отдавая должное оригинальности и глубинѣ философскаго ученія Сковороды, его широкой философской образованности, мы все же цѣнимъ прежде всего глубоко симпатичнаго старца Варсавву, съ жизнерадостнымъ тихимъ настроеніемъ, съ «совѣстью чистой какъ хрусталь», создавашаго свое глубоко религиозное и въ то же время рациональное нравственное ученіе и прямо обратившагося съ нимъ къ народной массѣ. Намъ дорогъ въ немъ безкорыстный народный учитель добра и истины, который не зналъ никакихъ обольщеній суетнаго свѣта и не вступалъ никогда въ сдѣлки съ своей совѣстью. Черезъ полвѣка послѣ него великій поэтъ, вышедшій изъ того же народа, повторилъ въ иной, болѣе художественной формѣ, тотъ же великій завѣтъ Сковороды:

Учитесь братья мои,
Думайте, читайте
И чужому научайтесь
И своего не чурайтесь!

С. Р.

РОДИНА

Романъ Гернфелда.

Переводъ съ финскаго проф. П. О. Морозова.

(Продолженіе *).

VI.

Пробывъ въ Гельсингфорсѣ нѣсколько дней, Хейкки началъ замѣчать что въ сравненіи съ прежнимъ все значительно измѣнилось. Въ руководящихъ кружкахъ финноманской партіи среди студенчества, на улицахъ и въ клубѣ жизнь шла гораздо тише прежняго; о сближеніи и сляніи съ народомъ какъ будто никогда не было и помину. На всѣхъ лицахъ замѣчалось озабоченное и дѣловитое выраженіе. Разговоры шли только о городскихъ и сеймовыхъ выборахъ и о ихъ результатахъ. Народнымъ вопросомъ перестали интересоваться даже тѣ студенческіе кружки, которые прежде афишировали свое народничество синими кокардами и восторженными рѣчами. Онъ уступилъ свое мѣсто вопросамъ общественнымъ и политическимъ. Но и въ этой области обнаружилось совершенно новое направленіе: борьба между финноманами и свекоманами велась исключительно на почвѣ матеріальныхъ интересовъ. Надъ восторженными идеями подсмѣивались, какъ надъ ребячествомъ: дѣло было вовсе не въ восторгѣ и не въ идеяхъ, а въ томъ, какъ бы лучше подставить противнику ножку и самому занять его мѣсто.

Студенты, видимо, совсѣмъ охладѣли къ сходкамъ и патриотическимъ рѣчамъ. Взамѣнъ этого, они стали больше говорить о своихъ „обязанностяхъ“ и старались зарабатывать

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

себѣ, кто чѣмъ могъ. „Любовь къ народу—штука хорошая,—говорили они:—но ею сытъ не будешь“.

Кое-гдѣ, впрочемъ, еще попадались восторженные юноши, которые говорили зажигательныя рѣчи и пили „за родину“. Они вѣрили, что благородный патріотизмъ еще вспыхнетъ яркимъ пламенемъ, что еще не все погасло, и проводили цѣлыя ночи, слушая другъ друга и всякій разъ встрѣчая восходъ солнца такъ радостно, какъ будто бы оно впервые появилось на небѣ нарочно для того, чтобы ихъ привѣтствовать.

Затѣмъ были и такіе, которые на все смотрѣли съ совершенно новой точки зрѣнія. Это были уже не тѣ прежніе студенты, которые, захлебываясь отъ восторга, распѣвали патріотическіе гимны и почти не заботились о личной жизни, такъ какъ на первомъ планѣ всегда ставили общее дѣло. Они, напротивъ, самую важную задачу видѣли въ развитіи и совершенствованіи личности. Они не вѣрили ни въ какія идеи, пока эти идеи не представились имъ, такъ сказать, осязательно; внимательно присматриваясь къ окружающей ихъ жизни, они рѣдко находили въ чемъ-нибудь удовлетвореніе и потому большею частью были настроены пессимистически. Они говорили что все основывается только на эгоизмѣ, на личномъ интересѣ, искали такихъ людей, которые основывали бы свои дѣйствія на альтруизмѣ,—и не находили ихъ.

Объ „общемъ дѣлѣ“ они говорили мало; но самыя смѣлыя между ними открыто признавали себя космополитами. Патріотизму они не придавали большой цѣны, считая его тоже за одно изъ проявленій эгоизма; они указывали, въ видѣ примѣра, на тѣхъ или другихъ политическихъ или общественныхъ дѣятелей, для которыхъ слово „родина“ служило только красивымъ флагомъ, прикрывающимъ властолюбивыя стремленія, жажду извѣстности или богатства.

Къ числу людей этого образа мыслей принадлежалъ Олли, съ которымъ Хейкки поселился въ одной камнатѣ. Когда-то, на снелльмановскомъ праздникѣ, онъ, сидя въ углу съ Эмилемъ, подсмѣивался надъ восторгами своихъ товарищей. Но затѣмъ онъ не пошелъ по одной дорогѣ съ Эмилемъ. Никакого разговора объ „идеяхъ“ онъ не хотѣлъ и слушать: онъ уже не вѣрилъ ни въ идеи, ни въ кумировъ.

Олли былъ на медицинскомъ факультетѣ, и съ товарищами встрѣчался большею частью въ ресторанахъ. Иногда

онъ исчезалъ на нѣсколько дней въ какой-нибудь компаніи, такъ что Хейкки и не видалъ его; но это не помѣшало Хейкки чуть не съ первой же встрѣчи привязаться къ нему. Когда имъ случалось бесѣдовать между собою, сейчасъ же обнаруживалось, что нѣтъ такого вопроса, о которомъ они были бы одинаковаго мнѣнія,—и Хейкки никогда не удавалось въ чемъ-нибудь его убѣдить: Олли всегда повторялъ вполголоса: „ну, да; ну, да, понимаю“, но, видимо, не обращалъ на его слова никакого вниманія.

Когда Хейкки разговаривалъ съ Анти, они вполне понимали другъ друга, и Анти сейчасъ же усваивалъ всѣ идеи своего собесѣдника. Но тѣ же самыя идеи, которыя такъ сильно дѣйствовали на Анти, Олли выслушивалъ съ самымъ спокойнымъ и разсѣяннымъ видомъ, даже ни разу не взглянувъ на Хейкки,—и послѣдній всегда чувствовалъ, какъ обрывается нить его мыслей и какъ изъ высшихъ идеальныхъ сферъ онъ падаетъ на землю, въ область чисто-практическаго дѣйствія, въ которой онъ всегда былъ какъ-то не на мѣстѣ. Въ практическихъ, житейскихъ дѣлахъ онъ ничего не зналъ и ничего не могъ сказать; здѣсь всякій мальчишка легко взялъ бы надъ нимъ верхъ. Онъ чувствовалъ, какъ безнадежно опускались его крылья,—и уже не въ силахъ былъ попрежнему подняться надъ мелочами жизни.

Когда Олли бывалъ дома, онъ обыкновенно читалъ, лежа на постели и положивъ ноги на спинку кровати. Иногда же онъ просто валялся безъ всякаго дѣла, не зная, чѣмъ прогнать убійственную скуку, которая, повидимому, всегда его мучила. Въ такія минуты онъ часто становился ядовитымъ. Онъ отеладывалъ книгу, снималъ очки, протиралъ себѣ глаза и, повернувшись въ сторону Хейкки, который, обыкновенно, читалъ, сидя за столомъ у окна, отпускалъ что-нибудь злое, язвительное, нарочно придуманное для того, чтобы взбѣсить товарища.

Гегеля онъ терпѣть не могъ, и вообще изъ философовъ признавалъ только Шопенгауэра, а изъ историковъ—только Бюля. Кромѣ нихъ, онъ могъ говорить только объ ученыхъ натуралистахъ и, какъ завзятый дарвинистъ, высоко ставилъ Геккеля и Бюхнера. Хейкки былъ увѣренъ, что Олли въ своихъ выводахъ шелъ дальше этихъ ученыхъ. И въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію Олли, человѣкъ не только произошелъ отъ обезьяноподобнаго существа, но и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи совсѣмъ не далеко ушелъ отъ обезьяны; всѣ чело-

вѣческія чувства, самыя тонкія и благородныя, онъ объяснялъ матеріально, какъ происходяція изъ побужденій чисто физиологическихъ.

Хейкки не разъ хотѣлъ ему замѣтить, что обезьяны не знаютъ патріотическаго чувства, но боялся, что Олли будетъ надъ нимъ смѣяться, такъ какъ онъ и прежде подшучивалъ надъ патріотическимъ восторгомъ и говорилъ, что люди всѣ одинаковы: за что же любить однихъ больше, а другихъ меньше? Это ведетъ только къ народному самообожанію и поселяетъ въ людяхъ противный бисмарковскій духъ, особенно противный въ такихъ маленькихъ людяхъ, каковы народные учителя. Ничто не было ему такъ ненавистно, какъ оффиціальныи патріотизмъ. Патріотическихъ пѣсенъ онъ просто не выносилъ, говоря, что въ нихъ всегда слышится какое-то пошлое хвастовство геройствомъ, свойственное величайшимъ трусамъ, которые всегда воображаютъ себя героями и отъ этого воображенія приходятъ въ восторгъ.

Однажды онъ даже и Анти представилъ большимъ трусомъ, говоря, что „трусость—главное свойство его натуры“. Хейкки былъ просто пораженъ этими словами. Анти—трусъ! Анти, который на всѣхъ смотритъ сверху внизъ, который всегда смѣлъ, какъ сама смѣлость!

Но Олли возразилъ, что эта воинственная вѣщность служитъ только прикрытіемъ внутренней трусости. Все это—напускное, придуманное только для того, чтобы пускать пыль въ глаза не особенно проникательнымъ людямъ.

Вліяніе Олли было просто удивительно. Въ его рѣчахъ была очевидная, вопіющая несправедливость по отношенію къ Анти,—и, не смотря на это, Хейкки чувствовалъ, что уже не можетъ смотрѣть на Анти, какъ прежде,—словно кто-то сбиль его съ пьедестала, на которомъ онъ до сихъ поръ стоялъ. Его мощная фигура какъ-то съежилась и принизилась,—и Хейкки уже не могъ не улыбнуться, слушая его высокопарныя рѣчи и вида, какъ онъ простираетъ руки впередъ и загадочно смотритъ вдаль, словно передъ нимъ раскрывается все великое будущее горячо-любимой родины.

И это—тотъ самый Анти, который имѣлъ такое рѣшительное вліяніе на всю жизнь Хейкки!.. О, какъ все это было со стороны Олли безжалостно и жестоко!..

— Ужъ если ты объ Анти такого мнѣнія, интересно было бы послушать, что ты скажешь обо мнѣ?

Олли удивился, за что Хейкки такъ разобидѣлся и, взглянувъ на него, сказалъ съ усмѣшкою:

— А тебѣ, милый другъ, слѣдовало бы родиться женщиною!

Всталъ, потянулся, посвисталъ и вышелъ вонъ.

* * *

Женщиной!.. Да, въ самомъ дѣлѣ,— женщиной!

Если бы Олли зналъ по какому мѣсту онъ ударилъ!

Хейкки не былъ мужчиною даже настолько, чтобы рѣшиться жить одному, отдѣльно отъ Олли. Когда Олли ушелъ, все въ комнатѣ показалось Хейкки чужимъ и непригляднымъ... Ахъ, если бы захворать, слечь въ постель! Тогда Олли, навѣрное, съѣхалъ бы отсюда: „Вотъ еще“, сказалъ бы онъ: „Кому же пріятно жить въ лазаретѣ?“ По его словамъ, „законъ природы“ требовалъ, чтобы всякій самъ о себѣ заботился и самъ за себя отвѣчалъ; онъ всегда жилъ только для себя и не зналъ никакой чувствительности; ко всему онъ относился холодно и безсердечно... Неужели же, думалъ Хейкки,—неужели же не найдется ни одного друга, отъ котораго можно было бы ждать участія? Какъ безотрадно это сознание отчужденности!.. Нѣтъ, друзья *должны* быть! Прочь, прочь изъ этого одиночества!

Хейкки вышелъ изъ дому и сталъ разсѣянно бродить по улицамъ. На Александровской улицѣ онъ встрѣтилъ много знакомыхъ студентовъ: они только что вышли изъ университета и, весело болтая между собою, расходились въ разные стороны. Съ Хейкки они здоровались, не останавливаясь: что имъ за дѣло было до него? У каждаго изъ нихъ были собственные думы и заботы...

Хоть бы Олли встрѣтить! Уходя, онъ такъ привѣтливо улыбнулся, и даже приостановился въ дверяхъ, какъ будто хотѣлъ сказать: пойдёмъ вмѣстѣ! Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ дружески расположенъ къ Хейкки, и можетъ быть, иногда вспоминаетъ о немъ, работая въ анатомической препаровочной или сидя съ товарищами въ пивной... Если онъ и не хотѣлъ взять Хейкки съ собою, то, по всей вѣроятности, только потому, что не хотѣлъ смущать его стыдливости: вѣдь онъ всегда подсмѣивался надъ Хейкки, какъ надъ ребенкомъ!

Въ этомъ-то и заключалось словно какое-то проявленіе, которое Хейкки чувствовалъ надъ собою. Эта застѣнчивость, эта женственность, отъ которой онъ совсѣмъ было отдѣлался у себя въ деревнѣ, теперь снова овладѣвали имъ и мучили его: вѣдь ни Снельманъ, ни другія великія истори-

ческія личности вовсе не знали этого чувства! Развѣ отъѣздъ изъ родного дома былъ для кого-нибудь изъ нихъ жизненнымъ вопросомъ? Развѣ кто-нибудь изъ нихъ дорожилъ въ такой степени своею ближайшею обстановкою и искалъ сочувствія друзей и товарищей? Для нихъ на первомъ планѣ всегда стояла великая идея; Хейкки же не могъ оставаться равнодушнымъ къ вопросамъ личной жизни, не могъ помириться съ своимъ одиночествомъ: ему было обидно, что Олли его не любитъ, что студенты, встрѣченные имъ на улицѣ, совершенно равнодушно прошли мимо него. Что ему за дѣло до великой идеи и до любви къ родинѣ, когда его самого никто не любитъ.

И Хейкки снова почувствовалъ, что ему остается только одна дорога: смириться, принизиться и усердно приняться за простое, маленькое дѣло, какъ это уже было въ деревнѣ. Это успокоило бы его совѣсть и облегчило бы ему жизнь.

Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было уѣзжать изъ родного угла?

Нѣтъ, вернуться туда онъ не можетъ. Онъ долженъ побѣдить свое малодушіе, долженъ приучить себя къ холодному одиночеству и оставить безцѣльное раздраженіе личного чувства!

* * *

Мимо него проѣхалъ открытый экипажъ, въ которомъ сидѣла Фанни съ Артуромъ. Они его не замѣтили.

Фанни была въ черномъ платьѣ и мало походила на ту, которую онъ видѣлъ въ деревнѣ. Черный цвѣтъ особенно отфѣнялъ ея блѣдность, которая къ ней очень шла.

Нужно же было имъ встрѣтиться именно въ эту минуту! Эта встрѣча рѣшила многое, — и Хейкки тотчасъ же это почувствовалъ. Фанни была именно тѣмъ другомъ, о которомъ Хейкки мечталъ въ своемъ одиночествѣ. Онъ помнилъ ея дружеское рукопожатіе; онъ помнилъ, что она — одна изъ всѣхъ — попыталась заглянуть ему въ душу... Что-то она скажетъ, когда увидитъ его теперь?

Фанни хорошо его понимаетъ; она сказала, что вѣрить въ невидимое сродство душъ; навѣрно, теперь она скажетъ: ну, не права ли я была, когда говорила, что здѣсь вамъ будетъ лучше, чѣмъ въ деревнѣ, гдѣ васъ не понимаютъ?

А онъ, улыбаясь, отвѣтитъ ей: лучше мнѣ можетъ быть только въ одномъ мѣстѣ. — Въ какомъ? — Тамъ, гдѣ вы.

Или что-нибудь въ этомъ родѣ...

* * *

Нѣсколько дней спустя, Хейкки встрѣтилъ Фанни на студентскомъ балу.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ ее на улицѣ, онъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ: въ немъ появилась небывалая до того времени самоувѣренность. Войдя въ знакомую, ярко освѣщенную залу, онъ вспомнилъ Снельмановскій праздникъ и восторженные рѣчи и задумался о себѣ и о товарищахъ. Чего ему нужно? Вѣдь вотъ, умѣютъ же другіе прекрасно устраивать свою жизнь: не печалятся они о томъ, что они—люди маленькіе и незамѣтные; они вѣрятъ въ будущее, и хотя кажутся ничтожными, но въ сердцѣ каждаго изъ нихъ живетъ зародышъ будущаго величія. Хейкки чувствовалъ, что шевелилось въ душѣ каждаго изъ этихъ людей, когда они послѣдно натягивали перчатки на свои неуклюжія руки и, совѣтуясь другъ съ другомъ, поправляли воротнички и галстуки и обдергивали свои фраки. „Я неуклюжъ, не умѣю кланяться, непринужденно держать себя, ловко танцевать; но будущее принадлежитъ мнѣ: всему этому я научусь и буду свободно рассказывать по этой блестящей залѣ; я хочу быть извѣстнымъ въ кругу высшаго общества,—хочу и добьюсь этого!“

Вотъ что думали эти молодые люди. Хейкки пошелъ другимъ путемъ: онъ хотѣлъ завоевать себѣ вниманіе толпы, не унижаясь передъ нею, а наоборотъ,—возвышаясь надъ ней. Все дѣло было только въ томъ, чтобы побороть свою робость; это ему уже удалось на Снельмановскомъ праздникѣ, когда онъ впервые выступилъ ораторомъ. А теперь,—теперь какъ много могъ бы онъ сказать этой толпѣ! Онъ могъ бы привлечь ее къ себѣ,—и всѣ эти люди поняли бы и почувствовали бы его, потому что онъ раскрылъ бы передъ ними самыя завѣтные тайники своего сердца. Онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлался бы общимъ любимцемъ, и на него обратилась бы и любовь толпы, и ея надежды,—и тогда уже никакой подвигъ не былъ бы для него невозможнымъ и даже на смерть онъ пошелъ бы съ восторгомъ, зная, что всѣ будутъ его славить и оплакивать...

„Стремись къ высшей цѣли!“ прозвучалъ въ душѣ его голосъ Снельмана.

Да,—настоящею жизнью живетъ только тотъ, кто живетъ для будущаго! А Фанни и любовь къ ней—все это совсѣмъ иное дѣло.

И всѣ эти люди, которые толпятся теперь въ залѣ, не

обращая на Хейкки никакого вниманія, — всѣ они скоро будутъ жадно слѣдить за каждымъ его движеніемъ, ловить каждое его слово, съ восторгомъ его привѣтствовать.

Концертъ уже начался, но въ залу все еще входили новые гости. Наконецъ, явилась и Фанни вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Всѣ сразу ее замѣтили. Она была, повидимому, въ нѣсколько нервномъ настроеніи и съ недовольнымъ видомъ пробиралась сквозь стоявшую у дверей толпу. Хейкки пошелъ слѣдомъ за нею и снова почувствовалъ приливъ прежней робости и растерянности, отъ которой напрасно старался избавить себя, рисуя, за минуту передъ тѣмъ, блестящую картину своихъ успѣховъ...

Послѣ концерта начались танцы. Хейкки, поборовъ свое смущеніе, рѣшился подойти къ Фанни. Она сидѣла недалеко отъ эстрады, разговаривая съ какимъ-то высокимъ, чернорусымъ господиномъ. Тотъ поклонился и хотѣлъ отойти отъ нея, но она удержала его за руку и о чемъ-то еще спросила. Выждавъ, когда кончится этотъ разговоръ, Хейкки подошелъ ближе и поклонился. Фанни какъ-то странно и серьезно взглянула на него: видимо, она его не узнала. Онъ долженъ былъ напомнить ей свое имя.

— Ахъ, да, — сказала она, словно припоминая что-то изъ очень далекаго прошлаго: — это было во время нашей лѣтней поѣздки!

Она встала и положила руку ему на плечо: его поклонъ она приняла за приглашеніе къ вальсу!

Хейкки и вообще танцевалъ плохо, а на этотъ разъ до того растерялся, что едва могъ сдѣлать одинъ туръ. Фанни это замѣтила, поторопилась поблагодарить его и сейчасъ же подала руку подошедшему къ ней офицеру.

Офицеръ отнялъ ее у Хейкки, точно у гимназиста, слишкомъ рано попавшаго въ общество взрослыхъ людей! И Фанни, покидая Хейкки, даже и не взглянула на него, она только нервно передернула плечами и ласково улыбнулась своему новому кавалеру...

Хейкки былъ совсѣмъ уничтоженъ. Густая краска стыда залила ему все лицо.

И что онъ, въ самомъ дѣлѣ, вообразилъ? Что Фанни все еще помнитъ его и помнитъ разговоръ, происходившій между ними тамъ, на скамейкѣ, на Сосновой горѣ?

Очевидно, теперь настала рѣшительная минута: или бѣжать отъ этого стыда, вырваться изъ этой залы на улицу и

пить, — пить до тѣхъ поръ, пока не замоленеть голосъ совѣсти и не заглохнетъ сознание, — или подавить въ себѣ стыдъ, отложить свою гордость и попытаться еще разъ. Необходимо овладѣть собою: вѣдь отъ этого зависитъ все будущее! Если Фанни теперь не обратитъ на него вниманія, то имъ уже никогда не сблизиться.

А между тѣмъ, Хейкки никогда и ни въ чемъ не былъ такъ твердо увѣренъ, какъ въ томъ, что Фанни должна его полюбить. Эта мысль до такой степени овладѣла имъ, что онъ совсѣмъ позабылъ и о родинѣ, и обо всѣхъ великихъ идеяхъ, какъ будто бы ихъ вовсе и не существовало. Видъ любви къ Фанни для него не было жизни!

Стало быть, объ униженіи, о стыдѣ нечего было и говорить. Онъ долженъ, во что бы то ни стало, встрѣтить Фанни еще разъ, и сегодня же вечеромъ! И она должна вспомнить обо всемъ и снова пережить тѣ минуты, которыя она провела на Сосновой горѣ, внимательно прислушиваясь къ его рѣчамъ.

Теперь или никогда!

* * *

Въ самомъ дѣлѣ, ему удалось въ тотъ же вечеръ еще разъ увидѣть Фанни. Она была въ передней.

— Ахъ, г. Нагорный, — сказала она, увидавъ его, — скажите, пожалуйста, брату, что мы уѣзжаемъ.

Хейкки бросился исполнять порученіе. Артуръ сидѣлъ въ кругу товарищей и, въ свою очередь, попросилъ его передать сестрѣ, что онъ еще не думаетъ уѣзжать.

Фанни поморщилась, но сейчасъ же съ улыбкой поблагодарила Хейкки.

— Такъ вы бросили свою деревню? — спросила она, обвязывая себѣ голову платкомъ.

— Да, бросилъ, — сказалъ Хейкки, и не могъ уже ничего прибавить, потому что она, привѣтливо кивнувъ ему головой, скрылась въ дверяхъ вмѣстѣ съ своей подругой.

Такъ, значить, она вспомнила лѣтній разговоръ. Можетъ быть, она только не хотѣла говорить объ этомъ въ танцевальной залѣ?

Боже, какъ она хороша! въ ея лицѣ видно что-то нервное, — какое-то страданіе свѣтится во взглядѣ ея большихъ глазъ, беспокойно озирающихся вокругъ. Они вспыхиваютъ тѣмъ привѣтливымъ огонькомъ, который доказываетъ, что она способна быстро понять самыя задушевные мысли своего со-

бесѣдника... О, если бы она знала всѣ душевныя тревоги Хейкки, всю его внутреннюю борьбу, она навѣрное полюбила бы его,—полюбила бы то, что составляет самую суть его сердца. Вѣдь не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что они созданы другъ для друга...

Да, нѣтъ сомнѣнія,—когда она его узнаетъ, она его полюбитъ.

Передъ нимъ открылся новый, словно очарованный міръ, съ яркими картинами будущаго счастья, съ чудными звуками любви и радости...

* * *

Когда Хейкки вернулся домой, Олли еще не было дома. Между тѣмъ и на балу его тоже не было; куда же онъ могъ запропасться?

Было уже два часа ночи. Сколько разъ уже Хейкки приходилось дожидаться поздняго возвращенія Олли, съ досадой смотря на его пустую постель и сердясь на него за то, что онъ предпочелъ компанію товарищей бесѣдѣ съ нимъ. Но теперь Хейкки только посмѣивался: теперь это не имѣло для него рѣшительно никакого значенія. Да и въ самомъ дѣлѣ, почему онъ долженъ серьезно смотрѣть на свои отношенія къ товарищу?

Хейкки заснулъ, мечтая о Фанни.

Олли явился только на разсвѣтѣ—и совсѣмъ пьяный. Проснувшись, Хейкки съ досадой отвернулся лицомъ къ стѣнѣ и притворился спящимъ; но Олли это замѣтилъ.

— Да, да, милый другъ,—заговорилъ онъ, не снимая пальто и держа руки въ карманахъ,—да, голубчикъ,—помѣняемся, давай мѣняться: возьми себѣ мою жизнь, а мнѣ отдай свою! У меня нѣтъ дома,—дай мнѣ домъ, а отъ меня возьми все, что хочешь! Я бездомный бродяга! Помѣняемся! In vino veritas!

И, сбросивъ съ себя верхнее платье, онъ грохнулся на кровать и разразился рыданіями.

Такой случай былъ съ нимъ прежде только одинъ разъ. Тогда Хейкки отнесся къ нему очень серьезно и принялся утѣшать его; они всю ночь просидѣли, обнявшись; Олли разливался ручьемъ и проклиналъ свою горькую долю, а Хейкки все придумывалъ чѣмъ бы его успокоить. На другой день Олли стало до нельзя стыдно своей пьяной чувствительности; онъ избѣгалъ разговора съ Хейкки и даже не рѣшался взглянуть ему въ глаза.

Теперь Хейкки почти-что разсердился на изліянія своего пріятели. Притомъ же, его появленіе именно теперь было такъ неумѣстно, такъ рѣзко нарушало новое настроеніе нашего героя. Хейкки не отозвался ни однимъ словомъ, и Олли, поговоривъ еще нѣсколько времени, скоро затихъ и заснулъ.

* * *

Этотъ вечеръ и слѣдовавшая за нимъ ночь имѣли въ жизни Хейкки рѣшительное значеніе. Сознаніе своего безсилія и недостижимости своихъ идеаловъ по прежнему продолжало мучить его, — но теперь оно обуславливалось уже другими причинами. Фанни вовсе не казалась расположенною сблизиться съ нимъ и не выказала никакого желанія узнать его завѣтныя мысли; но это только еще больше его разжигало. Онъ сдѣлался рабомъ своей страсти; у него появились такія качества, которыя его раздражали и были просто несогласимы съ его натурой.

Чтобы добиться сближенія съ Фанни, онъ постарался сблизиться съ Артуромъ, — и это ему удалось, какъ и все, къ чему онъ стремился всѣми силами. Артуръ очень полюбилъ его и ввелъ въ свою семью, словно какую-то новую находку. Въ ихъ домѣ обыкновенно собиралось избранное общество, — постоянные посѣтители разныхъ клубовъ и аристократическихъ салоновъ. Отецъ Артура былъ важный чиновникъ, стариннаго дворянскаго рода, и принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые, несмотря на свое общественное положеніе, были ревностными финноманами и называли себя „демократами“. Въ теоріи онъ былъ очень либераленъ, но на практикѣ вовсе не былъ расположенъ сливаться съ „плебеями“ и терпѣть не могъ, что всякій мастеровой или унтеръ-офицеръ лѣзетъ въ финскій клубъ. Отъ подобной публики, по его мнѣнію, всегда слѣдовало держаться на извѣстномъ разстояніи, такъ какъ она всегда стремится къ фамиллярности. И потомъ, что можетъ быть неприятнѣе напомаженнаго писаря или вырвадившагося во фракъ мастерового?

Собиравшаяся у Артура молодежь толковала объ умственной аристократіи, къ которой должны принадлежать всѣ умственно развитые люди, безъ различія сословій. Крестьянинъ, такъ же какъ и другіе, можетъ быть интеллигентнымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что между крестьянами очень много умныхъ людей; но всѣ тѣ, кто только „примазывается“ къ просвѣщенію, желая только разыгрывать изъ себя образованнаго человѣка, — всѣ такіе люди составляютъ настоящую „чернь“.

Во время этихъ разговоровъ о томъ, что интеллигентные крестьяне должны пользоваться въ обществѣ полною равноправностью съ представителями всѣхъ другихъ сословій, Хейкки чувствовалъ, что говорящіе хотѣли указать на него, какъ на „умственного аристократа“. Онъ вполне присоединился къ ихъ мнѣнію и начиналъ перебирать цѣлую массу людей, указывая на однихъ, какъ на „аристократовъ“, а на другихъ— какъ на „чернь“, а слушатели удивлялись и говорили, что онъ выбираетъ очень удачные примѣры. Ясно было, что они думаютъ о самомъ Хейкки.

Это новое и непривычное общество было для Хейкки совершенно новымъ міромъ. Здѣсь всѣ были проникнуты сознаниемъ того, что они представляютъ собою передовую общественную группу, къ которой всѣ остальные только стремятся, и что одна уже принадлежность къ этой группѣ составляетъ благородную цѣль жизни. Понятно, что всѣ эти люди смотрѣли на „чужихъ“ не иначе, какъ сверху внизъ.

Но, несмотря на то, что они очень радушно приняли Хейкки въ свой кругъ, онъ, все-таки, чувствовалъ въ этомъ обществѣ неловкость и всегда боялся, какъ бы о немъ не подумали, что онъ „примазывается“ или позволяетъ себѣ неумѣстную фамильярность. Въ концѣ-концовъ, весь его умственный аристократизмъ сводился къ умѣнью быть сдержаннымъ и скромнымъ. Онъ вслушивался въ ихъ разговоры, наблюдалъ за ходомъ ихъ мыслей и всегда былъ готовъ сдѣлать какое-нибудь легкое замѣчаніе; но если бы онъ сказалъ хоть одно слово отъ души, если бы онъ безъ разбора сталъ говорить о своихъ внутреннихъ тревогахъ или рассказывать что-нибудь о своей жизни, то, конечно, онъ поступилъ бы неосторожно, потому что въ его словахъ увидѣли бы желаніе стать въ болѣе близкія отношенія съ чуждымъ ему кругомъ.

Однажды Фанни при всѣхъ сказала ему:

— Хейкки, научите меня любить народъ. Признаюсь, я даже не понимаю, какъ можно этого достигнуть... Если нужно любить крестьянъ,—такъ я не знаю, какъ это сдѣлать, потому что между ними у меня нѣтъ ни одного знакомаго, и всѣ они вообще представляются мнѣ какими-то особенными существами!..

Хейкки съ первыхъ же ея словъ вспыхнулъ, какъ огонь: такъ неожиданно напомнила она ему о его крестьянствѣ. Онъ не сказалъ ни слова, и потомъ искусно перевелъ разговоръ на другую тему.

Другой разъ Фанни начала тотъ же разговоръ съ нимъ наединѣ. Она и не догадывалась о томъ, каковой глубокой ироніей звучали ея вопросы и какъ тяжело ему было ихъ выслушивать. Она сама не знала, о чемъ спрашиваетъ, она не знала о существованіи совсѣмъ иной жизни, которой она еще не могла понять, — не знала, кого она спрашиваетъ, — не знала, что Хейкки бросилъ эту жизнь именно для того, чтобы стать ближе къ любимой дѣвушкѣ...

Но Хейкки воздерживался отъ всякаго намека на свои чувства, — и о нихъ никто не догадывался. Только сама Фанни, повидимому, понимала все, но, какъ будто жалѣя Хейкки, не давала ему этого замѣтить. Наединѣ съ нимъ она была холодна, какъ ледъ, а при другихъ относилась къ нему любезно и внимательно. Онъ не могъ понять, отчего это происходитъ, и невозможность болѣе близкихъ отношеній раздражала его.

На лѣто Хейкки былъ приглашенъ семьей Артура въ деревню, въ качествѣ учителя младшихъ братьевъ. Тамъ, въ деревнѣ, Фанни оказалась очень расположенною къ дружескому сближенію съ нимъ: она сдѣлалась такой откровенной и разговорчивой, какою никогда еще не была. Но когда лѣто прошло и всѣ опять переѣхали въ городъ, — все снова измѣнилось. Фанни сдѣлалась прежней холодной недотрогой. Общество Хейкки даже какъ будто раздражало ее; ей было неприятно, что его чувства видимо переходили границу простой дружбы, и она начала сторониться отъ него и въ особенности избѣгать разговоръ наединѣ.

Въ тѣ времена, когда Хейкки еще всецѣло жилъ мечтами о будущемъ, онъ всегда рѣзко смѣялся надъ тѣми взрослыми людьми, которые, влюбившись, бросали всѣ свои дѣла, словно продавали все свое прошлое за улыбку хорошенькой дѣвушки. Теперь онъ самъ сдѣлался во всѣхъ отношеніяхъ такимъ же безразсуднымъ. Всѣ его мечты о великомъ подвигѣ, за который наградою была бы любовь всего народа, разлетѣлись, какъ дымъ; онъ стремился только къ тому, чтобы заслужить любовь Фанни. Народъ, родина, — все обратилось для него въ пустые звуки... У него не осталось никакихъ завѣтныхъ мыслей, кромѣ мысли о Фанни: или ея любовь, или — смерть!

Но для того, чтобы заслужить эту любовь, необходимо было сдѣлаться полноправнымъ членомъ того общества, къ которому принадлежала Фанни, — необходимо занять въ этомъ обществѣ выдающееся положеніе, чтобы имѣть право смотрѣть на другихъ сверху внизъ. И вотъ, Хейкки рѣшилъ во что бы то ни стало этого добиться.

Въ этихъ попыткахъ прошелъ цѣлый годъ. Цѣлый годъ Хейкки жилъ не настоящимъ, а только будущимъ: это были, во-первыхъ, тѣ мечты о будущемъ, которыя давали тонъ и смыслъ всей работѣ, затѣмъ—сомнѣнія, нападавшія на него въ свободное отъ работы время и наводившія на него уныніе и, наконецъ, ближайшее будущее, мысль о которомъ не давала ему покоя,—ожиданіе лѣта.

Лѣто, наконецъ, пришло; но Фанни, къ несчастью, провела почти всю вакацію за границей, и Хейкки оставался въ деревнѣ одинъ.

Затѣмъ, послѣ долгой и тягостной зимы, настало третье лѣто. И оно подходило уже къ концу.

Въ это третье лѣто отношенія между Фанни и Хейкки стали лучше прежняго. Они мало говорили между собой и меньше всего говорили о чувствахъ; но все-таки между ними установилась прежняя дружба и взаимное пониманіе. Хейкки зналъ, что эта нравственная связь легко можетъ разорваться отъ какой-нибудь неосторожности, и потому былъ очень сдержанъ. Если бы можно было навсегда остаться въ деревнѣ и никогда не возвращаться въ беспокойный городъ, онъ считалъ бы себя вполне счастливымъ... Но лѣто уже кончалось, день отъѣзда неумолимо близился. Опять осенніе туалеты, шляпы, перчатки, бульваръ съ музыкой, электрической свѣтъ... Опять эта томительная зима, опять эта надобъвшая и забытая роль, выжиданіе случая поговорить съ Фанни, поймать ея взглядъ или мимолетное слово, — и горькое чувство своей отчужденности...

Вечеромъ, накануне отъѣзда въ городъ, они сидѣли всѣ вмѣстѣ на большой верандѣ, съ которой была видна спокойная поверхность озера и отражавшіяся въ ней красноватая облака. Легкій вѣтерокъ доносилъ изъ сада аромат отцвѣтавшихъ розъ. Солнце уже зашло; рабочіе разошлись по домамъ; скромныя ночныя бабочки время отъ времени залетали на балконъ.

Изъ комнаты слышались звуки фортепьяно. Всѣ сидѣли тихо, не говоря между собою ни слова, въ разныхъ углахъ балкона. У каждаго были свои думы. Фанни сидѣла вдали отъ всѣхъ, опершись локтями на столъ и положивъ голову на руки.

На фортепьяно играла тетка Фанни, длиннолицая старая дѣва. У нея была привычка играть по вечерамъ, и она могла просиживать за музыкой цѣлые часы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружающихъ. Она перебирала клавиши

своими длинными, сухими пальцами, безъ нотъ и безъ свѣта, закрывши глаза и покачиваясь въ тактъ музыки. Въ общемъ она была похожа на Фанни, только гораздо старше ея; ея волосы уже начинали сѣдѣть. Играла она очень хорошо, и, можно сказать, только въ это время и жила настоящею жизнью.

Она любила въ особенности старинную музыку, — боготворила Бетховена и съ благоговѣніемъ играла Шопена и Шумана. Новой музыки — особенно Вагнера — она не одобряла, говоря, что новые композиторы вводятъ въ музыку *слова*, т.-е. элементъ, ей совсѣмъ чуждый, такъ какъ настоящая музыка — искусство безсловесное. Слова въ музыкѣ производятъ такое же впечатлѣніе, какъ нагота — на картинѣ: пробуждая посторонніе инстинкты, то и другое нарушаетъ художественную чистоту. Новѣйшая музыка унизилась до матеріализма; она можетъ выражать только такія чувства, которыя возбуждаются словами; она служитъ чужимъ богамъ...

Младшіе члены семьи не спорили съ нею, хотя иногда и позволяли себѣ немножко ее подразнить, потому что въ такихъ случаяхъ она, желая доказать справедливость своего мнѣнія, обыкновенно играла самыя лучшія, любимыя свои пьесы. И по окончаніи музыки общая бесѣда оживлялась и затягивалась до поздней ночи.

Благодаря этому, Хейкки познакомился понемногу чуть не со всѣми замѣчательнѣйшими музыкальными произведеніями. Музыка производила на него очень сильное впечатлѣніе; нерѣдко, слушая эти звуки, онъ чувствовалъ, что передъ нимъ открывается новый, чуждый міръ, — и его сердце начинало биться сильнѣе, и на глазахъ невольно выступали слезы... Во время музыки онъ не могъ разговаривать; онъ даже не всегда понималъ то, что говорили другіе, и не могъ слѣдить за ихъ мыслями и намеками. Да и они, съ своей стороны, въ это время какъ-будто совсѣмъ забывали о его существованіи.

Такъ было и теперь, въ этотъ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ.

Хейкки сидѣлъ въ сторонѣ отъ другихъ, въ углу веранды, гдѣ музыка была хорошо слышна. У него было какое-то смутное предчувствіе, что въ этотъ вечеръ должно что-то случиться.

Артуръ взялъ скрипку и началъ играть, съ аккомпаниментомъ фортепьяно, „Сны“ Вагнера. Онъ игралъ прекрасно. Пѣвучіе звуки скрипки разносились въ тихомъ вечернемъ воздухѣ и терялись въ таинственной темнотѣ сада.

Что-то неприятное шевельнулось въ сердцѣ Хейкки. Ему показалось, что онъ наслаждается чѣмъ-то запрещеннымъ, чѣмъ-то такимъ, на что ему не дано права, въ этотъ аристократическій вечерній часъ, когда всѣ бѣдные дѣти земли, — пахари, косари, землекопы и пастухи, — всѣ эти „существа иного міра“ — давно уже спятъ, утомленные тяжелой дневной работой, въ своихъ низенькихъ, душныхъ хижинахъ...

И ему почудилось, будто за нимъ стоитъ цѣлая толпа этихъ незваныхъ слушателей, которые, еще не понимая музыки, жадно ловятъ ея звуки, настороживъ уши и отрывъ рты. Глаза у нихъ какъ-то особенно блестятъ, и на лицахъ выражается полное удовольствіе вмѣстѣ съ серьезнымъ и сосредоточеннымъ вниманіемъ. Лица — все знакомыя: все свои, земляки; Лиза и старикъ-отецъ тоже пришли. Нѣкоторые явились, словно въ церковь, съ молитвенниками въ рукахъ, — и всѣ стоятъ неподвижно, въ глубокомъ молчаніи... Бѣдные деревенскіе люди!...

Но вотъ на верандѣ кто-то заговорилъ, — и Хейкки вздрогнулъ и постарался скорѣе, скорѣе избавиться отъ этихъ призраковъ, чтобы никто не увидалъ ихъ здѣсь... Но страхъ его былъ напрасенъ, потому что и о немъ самомъ всѣ окружающіе позабыли, словно его никогда и на свѣтѣ не было. Онъ боялся пошевелиться въ своемъ углу, чтобы не обратить на себя вниманія этихъ людей, среди которыхъ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ, совсѣмъ одинокимъ. Эти люди составляли совсѣмъ особую группу, члены которой могли понимать только другъ друга, да только другъ друга могли, кажется, и любить: они были „существами міра“, а мѣсто Хейкки было не здѣсь, не на этой верандѣ, а тамъ, въ темной глубинѣ сада, среди тѣхъ людей, которые пришли сюда съ молитвенниками...

Да, здѣсь, въ этой семьѣ онъ не только былъ чужимъ, — здѣсь съ пренебреженіемъ и злобой относились къ тому народу, изъ среды котораго онъ вышелъ, и готовы были держать этотъ народъ какъ можно дальше отъ просвѣщенія...

Впрочемъ, отчего бы и не простить этимъ людямъ? Вѣдь ихъ злоба — непрочное чувство! они не вѣдаютъ, что творять, и не виноваты, что выросли въ такихъ условіяхъ. Ихъ убѣжденія могутъ перемѣниться, лишь бы только представился случай горячимъ словомъ подѣйствовать на ихъ сердце и пробудить въ немъ добрыя чувства... Сама же Фанни просила научить ее любить народъ. Она говорила это не ради шутки;

нѣтъ сомнѣнiя, что она чувствуетъ смутное, неопредѣленное влеченiе въ народу, — потребность избавиться отъ этой праздной жизни и быть полезной родинѣ...

Да, конечно, онъ ей поможетъ, отъ всей души, отъ всего сердца! Но не теперь, — а потомъ, когда Фанни будетъ принадлежать ему.

И вдругъ онъ почувствовалъ въ себѣ небывалую смѣлость и увѣренность и, воспользовавшись первой удобной минутой, подошелъ къ Фанни и сказалъ ей:

— Фанни, мнѣ нужно съ вами переговорить. Не пройдемся ли мы по саду?

Она съ удивленiемъ взглянула на него, но потомъ улыбнулась!

— Ого, какой торжественный тонъ!

Набросивъ на плечи платокъ и подавая ему руку, она сказала: „Пойдемте!“

Спускаясь съ лѣстницы, она еще напѣвала мелодiю только что слышанной пьесы. Но въ саду, когда Хейкки остановился и попросилъ ее сѣсть на скамью, она вдругъ замолчала, и Хейкки, не смотря на вечернiй сумракъ, замѣтилъ, что она поблѣднѣла.

— Я знаю, — сказалъ онъ, — что мои слова для васъ будутъ неожиданностью. До сихъ поръ я не рѣшался говорить съ вами объ этомъ, — для меня это было слишкомъ трудно; но теперь я уже не могу откладывать; я прошу самаго короткаго отвѣта на мой вопросъ, такъ что отъ васъ самихъ зависитъ сократить этотъ разговоръ...

Фанни молчала.

— Болѣе чѣмъ кто-нибудь другой, — продолжалъ онъ, — я хотѣлъ бы избавить васъ отъ этой, можетъ быть, неприятной для васъ, минуты. Для меня самого она мучительна. Такъ помогите же мнѣ пережить ее, — скажите прямо и просто: да или нѣтъ.

— Я васъ не понимаю, Хейкки, — сказала она наконецъ, и въ ея голосѣ зазвучала какая-то досада. — Я не знаю, что вамъ нужно отъ меня...

Она отвернулась.

Хейкки вздрогнулъ, выпрямился, провелъ рукою по лбу и сказалъ, медленно выговаривая каждое слово:

— Что мнѣ нужно, — это сказать легко. Я хочу спросить у васъ, любите ли вы...

Фанни испугалась: она еще никогда не видала его такимъ, и впервые почувствовала на себѣ его вліяніе... Она отвѣчала, словно прося прощенія:

— Вы ошибаетесь, Хейкки, если думаете, что я васъ не уважаю... Я никого такъ не цѣню, какъ васъ... Я часто думаю, что я ни съ кѣмъ не могла бы такъ подружиться, какъ съ вами; никто не въ состояніи такъ понять меня, какъ вы, никто не былъ ко мнѣ такъ добръ... Но...

— Но вы все-таки не можете меня любить?

— Любить я еще не могу. Да, Хейкки,—даже и васъ любить я не могу.

— И вы думаете, что никогда не могли бы меня по-любить?

— Да... я... я уже знаю... Можетъ быть, оттого, что мы выросли въ неодинаковыхъ условіяхъ... Но въ васъ есть что-то такое... что-то такое, что дѣлаетъ для меня любовь въ вамъ—невозможною. Ахъ, Хейкки! не сердитесь на меня, вѣдь вы же сами требовали прямого отвѣта,—я не могу, не могу!

* * *

Такъ они и разстались.

Итакъ, Фанни его не любила!

Онъ не сказалъ ей только объ одномъ, что теперь тяжелымъ гнетомъ лежало у него на сердцѣ. Но есть вещи, которыя не выражаются словами. Тутъ дѣло было въ поступкѣ, въ такомъ поступкѣ, который самъ будетъ говорить за себя и откроетъ передъ Фанни его сердце. Да, Фанни всегда будетъ помнить его и эту краткую, но страшную минуту!..

Все это—только вопросъ времени. Не сегодня, такъ завтра, не завтра, такъ послѣзавтра.

Другой вопросъ: какъ это сдѣлать? Но на него отвѣтъ уже ясенъ: конечно—застрѣлиться.

VII.

По возвращеніи въ Гельсингфорсъ, позднею осенью, первымъ дѣломъ Хейкки было розыскать Олли, съ которымъ, какъ и съ другими своими товарищами, онъ въ послѣдніе два года встрѣчался очень рѣдко.

Никто хорошенько не зналъ, гдѣ Олли живетъ. Говорили, что онъ это держитъ въ секретѣ, что онъ рѣшилъ, наконецъ, серьезно заняться наукой и потому, когда бываетъ дома,

предпочитаетъ сидѣть одинъ; но что, впрочемъ, онъ попрежнему часто бываетъ и въ *кабакахъ*. Однако, тамъ Хейкки его не удалось встрѣтить.

Наконецъ, ему посчастливилось достать вѣрный адресъ. Въ холодный и дождливый вечеръ онъ постучался у дверей товарища, въ четвертомъ этажѣ большого каменнаго дома. Олли, повидимому, собиравшійся уходить, отворилъ дверь въ ту же минуту.

— Да это Хейкки!— вскричалъ онъ, отступивъ назадъ съ удивленнымъ видомъ.

— Какъ видишь. Ты живешь одинъ?

— Входи же, входи! Ну, здравствуй, пріятель! Да откуда ты, съ чемоданомъ?

— Изъ деревни, съ уроковъ. Пустишь меня переночевать?

— Вотъ тебѣ диванъ, а вотъ—кровать; выбирай любое.

Онъ сбросилъ съ себя пальто и сталъ помогать Хейкки, выбирая вещи изъ его чемодана. Нѣкоторое время прошло въ молчаніи; но потомъ Олли, внимательно наблюдавшій за товарищемъ, спросилъ его:

— Послушай-ка, Хейкки, да ты здоровъ ли?—и взялъ его за пульсъ.

— Я здоровъ, у меня ничего не болитъ.

И опять оба замолчали.

Никогда еще Олли не относился къ Хейкки съ такой внимательностью. Подозрѣвая, что у него какое-то тяжкое горе, онъ ходилъ около него чуть не на ципочкахъ.

Когда они опорожнили чемоданъ, Хейкки сказалъ:

— Ты, кажется, собирався уходить? Такъ не стѣсняйся, пожалуйста. Ты, вѣдь, видишь, въ какомъ я состояніи,—я теперь говорить не могу...

Олли совсѣмъ не зналъ, что ему дѣлать.

— Ты, можетъ быть, усталъ, Хейкки?—спросилъ онъ:— Такъ я пришлю дѣвушку постлатъ тебѣ постель,—лягъ, усни.

— Ахъ, нѣтъ,—отвѣчалъ Хейкки,—я и самъ постелю. Лучше сважи дѣвушкѣ, чтобы она не входила сюда весь вечеръ. Я хотѣлъ бы остаться одинъ,—понимаешь, Олли?

Олли, собиравшійся уходить, остановился, съ безпокойствомъ осмотрѣлся вокругъ, снова внимательно поглядѣлъ на чемоданъ Хейкки и потомъ нѣсколько разъ тихо прошелся взадъ и впередъ.

Хейкки стоялъ у окна, смотря на темную улицу и какъ будто ожидая, скоро ли Олли уйдетъ.

Олли подошелъ къ нему, взялъ его за руку и хотѣлъ что-то сказать, но, видимо, былъ такъ смущенъ этимъ своимъ порывомъ участія къ товарищу, что не могъ сказать ни слова. Хейкки замѣтилъ, что его поблѣднѣвшія губы дрожали и что вообще онъ находился въ сильномъ волненіи. Навѣрное, это случилось съ нимъ въ первый разъ въ жизни. Наконецъ, онъ сказалъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Хейкки, по крайней мѣрѣ, не дѣлай этого теперь!

Хейкки, въ отвѣтъ, только пожалъ ему руку. Олли выбѣжалъ изъ комнаты, словно чего-то стыдясь...

Хейкки глубоко вздохнулъ. Его лицо прояснилось, и на губахъ появилась даже какъ будто улыбка.

Да въ самомъ ли дѣлѣ это былъ Олли? Олли разчувствовался, — онъ, который всегда былъ готовъ издѣваться надъ „сентиментами“ и никогда не терялъ хладнокровія! И вдругъ...

Участіе со стороны Олли! Да что же могло быть утѣшительнѣе для Хейкки? А что, если Хейкки расскажетъ ему все, выложитъ передъ нимъ всю свою душу, все свое горе? можетъ быть, тогда Олли даже заплачетъ!

Правда, Хейкки однажды уже видѣлъ его плачущимъ; но то было совсѣмъ другое: Олли въ то время былъ просто пьянъ, и для слезъ едва ли даже и была другая причина.

Но если онъ не почувствуетъ всей силы скорби Хейкки? Ну, что жъ? послѣ смерти товарища онъ яснѣе пойметъ все дѣло — и эта смерть, навѣрное, заставитъ его погрузить и смягчить его сердце...

* * *

Когда Олли вернулся домой, онъ нашелъ Хейкки лежащимъ въ постели. На стулѣ стояла зажженная лампа и ярео освѣщала его. Въ первую минуту Олли сильно испугался. Онъ послѣшнѣ подошелъ къ кровати и прислушался. Хейкки дышалъ глубоко и ровно: онъ спалъ.

Лицо Олли просвѣтлѣло. Онъ тихо сѣлъ въ кресло, вытянулся и долго сидѣлъ, не двигаясь.

Вотъ уже скоро три года, какъ они разстались. Олли зналъ только, что Хейкки всегда очень прилежно занимался наукой; но какою, именно, — это въ точности ему не было извѣстно. По всей вѣроятности, — философіей. Потому Олли сталъ догадываться, что Хейкки влюбленъ.

По внѣшности онъ нисколько не измѣнился, — остался совершенно такимъ же, какъ прежде. Такъ же, какъ прежде,

спать онъ теперь и такъ же, какъ прежде, Олли сидѣлъ передъ нимъ въ креслѣ, вернувшись ночью домой. Лампа была поставлена на стулѣ, — тоже по давнишней привычкѣ Хейкки, никогда не оставлявшаго ее на ночь на столѣ.

Въ лицѣ Хейкки была, впрочемъ, замѣтна нѣкоторая перемена: его черты стали какъ будто тоньше, носъ заострился и виски обозначались рѣзче. На этомъ лицѣ были какъ будто замѣтны слѣды продолжительныхъ страданій... Впрочемъ, общій складъ лица остался тотъ же, что и прежде. Олли обратилъ вниманіе на его прическу: та же небрежность, тѣ же длинныя пряди волосъ. Въ особенности забавна, была одна изъ нихъ: она спускалась ниже другихъ, свернувшись кольцомъ, на шею, и обыкновенно закрывала низенькій отложной воротничекъ рубашки. Эти пряди волосъ придавали лицу Хейкки какой-то своеобразный видъ, и въ то же время выдавали его крестьянское происхожденіе.

Олли впервые замѣтилъ эту оригинальную особенность прически своего товарища. Сидя въ креслѣ, онъ долго и чрезвычайно внимательно смотрѣлъ на Хейкки.

На спинку стула былъ брошенъ сѣрый пиджакъ, — „вѣчный“ пиджакъ, который Олли видѣлъ на Хейкки уже три года. Когда-то онъ назывался праздничнымъ и надѣвался только въ „торжественныхъ“ случаяхъ; но это время, видимо, уже давно миновало: локти поистерлись и складки, сдѣланныя временемъ, обозначились рѣзко; очевидно, въ послѣдніе мѣсяцы этотъ праздничный костюмъ обратился уже въ ежедневный.

Олли улыбнулся, взявъ пиджакъ и началъ внимательно его разсматривать. Въ его воротникѣ былъ маленькій изъянъ, придававшій ему какой-то странный видъ: именно, воротникъ сзади былъ вырѣзанъ слишкомъ низко, такъ что изъ-подъ него былъ видѣнъ почти весь воротничекъ рубашки, а спереди поднимался слишкомъ высоко. Съ тѣхъ поръ, какъ Олли зналъ Хейкки, на послѣднемъ всегда были такіе пиджаки, — вѣроятно, потому, что онъ заказывалъ ихъ у дешеваго портного, и всегда у одного и того же.

Олли подошелъ къ платяному шкапу, отворилъ его и вынулъ оттуда старательно обернутую простынею новенькую черную визитку. Взглянувъ на нее съ видомъ знатока, онъ сталъ мѣрять ее вмѣстѣ съ пиджакомъ Хейкки: и ширина плечъ, и длина талии оказались совершенно одинаковыми; можно было держать пари, что визитка придется на Хейкки какъ разъ впору, точно на него шитая.

Олли снова завернул ее въ простыню, но уже не повѣсилъ въ шкапъ, а положилъ на столъ. Потомъ раздѣлся, легъ въ постель и потушилъ лампу.

* * *

Утромъ, когда Хейкки проснулся, погода перемѣнилась и солнце весело свѣтило въ окна. Олли, полуодѣтый, стоялъ возлѣ кровати и смотрѣлъ на него.

Все время, пока Хейкки одѣвался, они не сказали другъ другу ни слова. Хейкки совсѣмъ не могъ начать разговора, зная, что ему будетъ и тяжело, и стыдно пускаться въ сердечныя изліянія. Онъ чувствовалъ, что Олли уже догадался обо всемъ, до мельчайшихъ подробностей, и готовъ дать случившемуся безжалостное названіе: для Хейкки этотъ случай имѣлъ громадное, глубокое значеніе, котораго онъ не могъ разъяснить сразу, въ одинъ присѣсть; а Олли, навѣрное, устранилъ бы всѣ пространныя объясненія и сказалъ бы просто: „словомъ, голубчикъ, тебѣ подали салазки!“

Наконецъ, Олли прервалъ молчаніе:

— Эге, братецъ, да твой костюмчикъ порядочно-таки поистерся. Я его помню давнымъ-давно.

Не получивъ отвѣта, онъ продолжалъ:

— Ты могъ бы мнѣ сдѣлать большое одолженіе. Купи у меня вотъ эту визитку, — она ко мнѣ вовсе не идетъ...

И показавъ ему визитку, очевидно, заботясь о томъ, чтобы какъ можно болѣе отдалить разговоръ о сердечныхъ дѣлахъ.

— Если это будетъ одолженіемъ, — такъ изволь; но у меня сейчасъ нѣтъ денегъ, — сказалъ Хейкки.

— Объ этомъ и не заботься: мнѣ теперь не нужно. Ну-ка, примѣрь.

Визитка оказалась впору какъ нельзя лучше: ни одной складочки! Но Хейкки въ этихъ вещахъ ничего не смыслилъ. Взглянувъ въ зеркало, онъ даже испугался.

— Нѣтъ, голубчикъ, это ко мнѣ совсѣмъ нейдетъ, какъ въ коровѣ сѣдло!

Но Олли ничего и слушать не хотѣлъ. Онъ только поворачивалъ товарища то направо, то налево, и затѣмъ, отойдя на нѣсколько шаговъ, вскричалъ: „Великолѣпно! превосходно! я такъ и думалъ! Да изъ тебя выйдетъ совсѣмъ другой человекъ! Подними-ка голову немножко выше, — взгляни черезъ плечо, — вотъ такъ! Восхитительно!“

— Да ты съ ума сходишь, Олли!

— А надѣнь-ка вотъ этотъ воротничекъ!

Хейкки пристегнулъ поданный ему стоячій воротничекъ.

— Посмотри-ка въ зеркало. Вотъ, я такъ и зналъ, что тебѣ некуда дѣвать свои кудри!

Хейкки началъ было снимать воротничекъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не снимай, — лучше сними свою шевелюру: надо, братецъ, разстаться съ этими священными прядями волосъ!

Хейкки, точно дитя, поддавался всеѣмъ прихотямъ товарища, который, съ своей стороны, старался быть какъ можно веселѣе, чтобы разогнать его горе. И горе, въ самомъ дѣлѣ, затихло...

Они пообедали въ отдѣльномъ кабинетѣ большого ресторана. Послѣ обѣда, когда подали кофе и ливеры, у Хейкки явилось желаніе поговорить по душѣ. Олли охотно и съ участіемъ выслушалъ его и затѣмъ съ обычною откровенностью высказалъ свое мнѣніе: во всеѣмъ виноватъ только самъ же Хейкки, — виноватъ тѣмъ, что смотритъ на жизнь слишкомъ по-дѣтски, слишкомъ сентиментально. Онъ никогда не былъ настоящимъ мужчиной, — всегда жилъ какъ-то ни съ чѣмъ несообразно. А между тѣмъ, мужество именно и заключается въ томъ, чтобы быть мужчиной и перестать ребячиться. „Послушайся меня“, сказалъ онъ: „я буду твоимъ руководителемъ, и вѣрь, что все пойдетъ хорошо“.

Хейкки молчалъ, но въ глубинѣ души чувствовалъ справедливость этого пріятельскаго выговора.

— Ну, теперь пойдемъ въ парикмахеру, — сказалъ Олли.

— Куда хочешь, — отвѣчалъ Хейкки, и въ ту же минуту почувствовалъ, что Олли принялъ его слово, какъ отвѣтъ на всякіе другіе вопросы.

Они отправились прямо къ парикмахеру, который, по распоряженію Олли, срѣзалъ машинкою все кудри Хейкки и остригъ его какъ нельзя короче. Теперь эти кудри валялись на полу, и мальчикъ смелъ ихъ въ одну кучу съ другими, чужими волосами, темными и свѣтлыми...

Внѣшній видъ Хейкки до такой степени измѣнился, что онъ, взглянувши на себя въ зеркало, даже испугался. Форма черепа рѣзко обозначилась, носъ, ротъ, глаза получили какое-то особенное выраженіе; уши словно сдѣлались больше и торчали по обѣ стороны головы, подпертой высокимъ стоячимъ воротничкомъ. Хейкки не рѣшался въ такомъ видѣ выйти на улицу; онъ скорѣе готовъ былъ спрятать голову въ мѣшокъ и

провалиться сквозь землю. Но, въ великому для него утѣшенію, въ парикмахерскую вошли два господина, остриженные совершенно такъ же, какъ и онъ, съ такими же ушами и воротничками. Это были гельсингфорскіе „львы“, представители самой послѣдней моды и законодатели вкуса. Одинъ изъ нихъ нечаянно задѣлъ стоявшаго передъ зеркаломъ Хейкки, но сейчасъ же извинился съ такой любезностью, что Хейкки покраснѣлъ отъ смущенія.

Уходя, Олли надѣлъ войлочную шляпу Хейкки, а ему оставилъ свой цилиндръ, не слушая никакихъ возраженій. Хейкки, волей-неволей, повиновался.

Когда они вышли на улицу, проходившая мимо красивая дѣвушка пристально посмотрѣла на Хейкки. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ оглянулся; въ то же время и она оглянулась на него и улыбнулась.

Прежде всѣхъ встрѣчные обыкновенно смотрѣли на Олли; теперь же предметомъ общаго вниманія сдѣлался Хейкки.

Наступилъ темный осенній вечеръ. На улицахъ загорѣлся газъ, на бульварѣ ярко вспыхнули электрическіе фонари. Толпа гуляющихъ тихо двигалась по длинной аллеѣ и главнымъ улицамъ, надъ которыми стоялъ веселый, оживленный гулъ. Товарищи пошли къ капеллѣ. Тамъ играла музыка и всѣ мѣста были заняты публикой; отовсюду слышался беззаботный говоръ и смѣхъ. Они поднялись наверхъ и повернули направо. Хейкки поборолъ свою обычную застѣнчивость и чувствовалъ себя гораздо лучше прежняго, не смотря на то, что высокой воротничекъ стягивалъ ему шею и подпиралъ голову. Многіе изъ встрѣчавшихся мужчинъ съ любопытствомъ смотрѣли на него: видимо, онъ производилъ впечатлѣніе своимъ блестящимъ цилиндромъ и щегольской визиткой, виднѣвшейся изъ-подъ разстегнутаго пальто.

Среди слушавшихъ концертъ была и Фанни съ семействомъ. Но Хейкки не сдѣлалъ движенія, чтобы подойти къ нимъ, а только приподнял шляпу.

Въ верхней залѣ оказалась цѣлая толпа пріятелей Олли, съ которыми Хейкки до сихъ поръ вель только шапочное знакомство. Они заняли почти всѣ столики и шумно болтали между собою. Всѣ они были въ цилиндрахъ; только на одномъ была обыкновенная шляпа. Этого Хейкки зналъ ближе, чѣмъ другихъ: это былъ Эмиль.

Увидавъ Хейкки, онъ вскочилъ съ мѣста.

— Ба! Хейкки! Добро пожаловать! Да какимъ ты сталъ франтомъ, я едва тебя узналъ!

Эмиль привѣтствовалъ его такъ шумно, что Хейкки стало неловко среди мало знакомыхъ ему людей. Эмиль говорилъ всегда такъ громко и безцеремонно, словно всѣ окружающіе его были членами одной и той же семьи. Сдержаннаго и холоднаго отношенія къ людямъ онъ вовсе не признавалъ и чувствовалъ себя совершенно одинаково какъ среди своихъ, такъ и среди чужихъ, называя всѣ вещи по именамъ и съ первой же встрѣчи предлагая выпить „на ты“.

Къ счастью, Эмиль оставался около Хейкки недолго. Онъ отыскалъ въ жилетномъ карманѣ какую-то бумажку, взглянулъ на нее, кивнулъ товарищамъ головою и исчезъ въ толпѣ.

Остальные приняли Хейкки совсѣмъ иначе: они по очереди привставали съ мѣста, здороваясь съ нимъ, и внимательно слушали, что онъ говорилъ, словомъ, относились къ нему очень вѣжливо и любезно; при этомъ они, видимо, были имъ очень заинтересованы, точно въ первый разъ его видѣли. Хейкки ясно видѣлъ, что они составили себѣ о немъ совершенно ложное понятіе, какъ о человѣкѣ свѣтскомъ, который всякую свою фразу произнесетъ не иначе, какъ съ отгѣнкомъ легкой проиіи надъ свѣтомъ и людьми; потому-то они и прислушивались къ нему такъ внимательно. Хейкки это видѣлъ, но не хотѣлъ выводить ихъ изъ заблужденія: зачѣмъ? ну, и пусть составятъ себѣ ложное понятіе, соотвѣтственно его измѣнившейся внѣшности.

Когда онъ замѣтилъ, что они къ нему присматриваются, ему стало ясно, чѣмъ именно онъ обращаетъ на себя ихъ вниманіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ пришла охота еще болѣе усилить это впечатлѣніе,—явиться инымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ,—совсѣмъ другимъ человѣкомъ, начиная съ мелочей и кончая самымъ важнымъ, начиная съ манеры брать стаканъ, или поворачивать голову или улыбаться, и кончая мнѣніями объ общественныхъ вопросахъ и о дорогахъ для него идеяхъ. Образцомъ для этой новой картины долженъ былъ послужить идеаль окружающихъ его людей, къ которому всѣ они всѣми силами стремились.

Хейкки взялъ предложенную ему сигару, закурилъ ее такъ, какъ это дѣлали „идеальные“ люди, и во время разговора старался иногда удерживать ее въ зубахъ. Что касается до идей, то онъ прежде всего постарался произвести впечат-

лѣніе человѣка съ солидными убѣжденіями. Съ этою цѣлью надо было говорить сдержанно и ни въ какомъ случаѣ не воодушевляться предметомъ разговора. Въ особенности же слѣдовало избѣгать „мальчишества“ и не позволять себѣ вмѣшиваться въ чужой разговоръ и перебивать его. О собственныхъ стремленіяхъ также не слѣдовало ничего говорить; но выражаться такъ, чтобы слушателямъ было видно, что они имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, серьезно заинтересованнымъ общественными дѣлами. Никто не долженъ былъ знать, какова именно та цѣль, къ которой этотъ человѣкъ стремится, но всѣ должны были видѣть, что онъ къ чему-то стремится. Горячія рѣчи о „народной идеѣ“ и о „родинѣ“ могли бы только совсѣмъ скомпрометтировать его; напротивъ, слѣдовало поставить на видъ, что подобные возгласы умѣстны только на сходкахъ каеихъ-нибудь гимназистовъ и улыбаться, пожимая плечами, когда рѣчь заходила о людяхъ, еще позволяющихъ себѣ такое ребячество.

Хейкки самому стало нравиться такое „идеальное“ поведеніе, въ особенности, когда онъ убѣдился, что возбуждаетъ общее любопытство. Ему стало какъ-то особенно легко на сердцѣ. Передъ нимъ развернулась новая, еще небывалая до сихъ поръ, картина будущаго, гораздо болѣе близкаго и легче достижимаго, чѣмъ всѣ прежнія мечты. Нервѣтливо улыбаясь, онъ чокался черезъ столъ съ своими собесѣдниками и гналъ прочь эти прежнія, ребяческія фантазіи... Оли былъ правъ!

Мимо стола прошла Фанни съ своими спутниками. Хейкки всталъ и приподнял шляпу. Фанни нерѣшительно приостановилась, словно ожидая, что онъ протянетъ ей руку, — и вспыхнула, какъ огонь, когда онъ этого не сдѣлалъ.

* * *

Возвращаясь домой вмѣстѣ съ Оли, Хейкки замѣтилъ, что товарищъ говоритъ съ нимъ совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде: теперь они стали другъ другу гораздо ближе. Они весело шли, взявшись подъ руку. О сердечныхъ мученіяхъ не было и помину.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НЕРАЗУМНОЕ ЖЕЛАНІЕ.

К. Мандесъ.

I.

Босикомъ, съ растрепанными волосами, проходилъ мимо жоролевскаго дворца бродяга. Это былъ златоудрый юноша чудной красоты: огромные черные глаза блестѣли, какъ звѣзды, а губы были свѣжи, какъ лепестки розы послѣ дождя. Солнце точно любовалось имъ и ярче обливало своимъ горячимъ свѣтомъ его жалкія лохмотья, чѣмъ атласъ, бархатъ и парчу рыцарей и дамъ, собравшихся у главнаго входа дворца.

— О, какъ она прекрасна!—воскликнулъ вдругъ бродяга, остановившись.

Онъ увидѣлъ у окна принцессу Розалинду. И дѣйствительно, трудно было встрѣтить на землѣ что-нибудь прекраснѣе ея. Безмолвно, съ поднятыми какъ бы къ небу руками, онъ остался бы такъ стоять до вечера, если бы часовой не прогналъ его съ бранью.

Онъ ушелъ, опустивъ голову. Ему казалось, что все померкло вокругъ: потемнѣла дорога, поблекли цвѣты, и само солнце будто умерло. Онъ присѣлъ подъ дубомъ у опушки лѣса и заплакалъ.

— О чемъ ты, дитя мое?—спросила его какая-то старуха, согнувшаяся подъ связкою сухихъ сучьевъ.

— Какая мнѣ польза въ томъ, что я расскажу тебѣ о своемъ горѣ. Ты ничѣмъ не можешь мнѣ помочь, добрая женщина.

— Ошибаешься,—отвѣчала старуха.

И съ этими словами она выпрямилась во весь ростъ, и передъ юношей предстала прекрасная молодая женщина, одѣтая въ серебряное платье, съ головой, украшенной цвѣтами и драгоценными камнями.

— О прекрасная волшебница!—воскликнуть нищій, бросившись на колѣни, — сжался надъ моимъ несчастіемъ. Я увидѣлъ въ окнѣ дворца дочь короля и съ тѣхъ поръ мое сердце не принадлежитъ мнѣ болѣе. Я чувствую, что никогда не полюблю другой женщины, кромѣ нея.

— Хорошо,—отвѣчала волшебница,—это еще не большое горе.

— Какое же можетъ быть для меня большее? Я умру, если не женюсь на ней.

— Кто жъ тебѣ мѣшаетъ? Розалинда еще не невѣста.

— Но взгляни на мои лохмотья и босыя ноги, я вѣдь нищій.

— Ну, такъ что же? Это не мѣшаетъ быть любимымъ тому, кто самъ искренно любитъ. Это вѣчная и чудная истина. Король и королева съ презрѣніемъ оттолкнуть тебя, придворные будутъ насмѣхаться надъ тобой, но если твое чувство глубоко, то Розалинда будетъ имъ тронута, и когда ты, гонимый слугами, затравленный собаками, убѣжишь въ слезахъ и въ отчаяніи, она придетъ къ тебѣ и счастливая, вся зардѣвшись, будетъ просить тебя принять ее.

Юноша покачалъ головой, не вѣря, что такое чудо можетъ случиться.

— Берегись,—сказала волшебница,—любовь не любитъ сомнѣнія въ своемъ могуществѣ и можетъ случиться, что ты жестоко заплатишься за свое невѣріе. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ ты страдаешь, я хочу помочь тебѣ. Пожелай чего-нибудь, я исполню.

— Я желалъ бы быть самымъ могущественнымъ въ мірѣ принцемъ, чтобы жениться на принцессѣ, которую я обожаю.

— Ахъ, отчего ты лучше не идешь прямо къ ея окнамъ и не споешь ей пѣсню любви? Но, дѣлать нечего, я обѣщала исполнить твое желаніе. Только я должна предупредить тебя объ одномъ: когда ты перестанешь быть тѣмъ, что ты есть, никакой волшебникъ, никакая фея, даже я сама, не въ состояніи будутъ вернуть тебѣ твой прежній видъ. Разъ ты сдѣлаешься принцемъ, ты останешься имъ навсегда.

— Неужели жъ ты думаешь, что супругу принцессы Розалинды придетъ когда-нибудь охота снова просить милостыню?

— Желаю тебѣ счастья,—сказала волшебница, вздохнувъ.

И она коснулась своимъ жезломъ плеча бродяги. Мигомъ превратился онъ въ блестящаго принца. Верхомъ, въ блестящемъ вооруженіи, онъ ѣхалъ во главѣ отряда воиновъ, которые трубили въ трубы.

II.

Такой могущественный принц не могъ встрѣтить дурного приѣма при дворѣ. Его приняли съ величайшей предупредительностью и пышностью. Въ честь его цѣлую недѣлю давались балы, и празднества смѣняли другъ друга. Но принцъ совсѣмъ не думалъ о нихъ: всѣ мысли его день и ночь поглощены были Розалиндой. Когда онъ видѣлъ ее, сердце его таяло отъ умиленія; ея голосъ звучалъ для него небесной музыкой, и онъ замиралъ отъ восторга, когда въ танцахъ касался ея руки. Одно его огорчало: та, которую онъ обожалъ, казалось, не обращала на него вниманія. Чаще всего она была печально задумчива. Принцъ попрежнему твердо держался своего намѣренія жениться на ней, и, конечно, родители Розалинды не подумали даже отказать отъ такой выгодной партіи для нея. Итакъ, недавній бродяга сдѣлается мужемъ прекраснѣйшей въ мірѣ принцессы! Такое счастье чуть не свело его съ ума. На привѣтствіе короля онъ отвѣчалъ какими-то ужимками и гримасами, совсѣмъ не подходившими къ его высокому положенію, и еще немного, онъ пустился бы въ плясъ отъ радости на глазахъ у всѣхъ придворныхъ. Увы! такая радость продолжалась недолго. Едва Розалинда услышала о согласіи родителей, какъ въ обморокъ упала на руки своихъ фрейлинъ. И когда она пришла въ себя, то, ломая руки и задыхаясь отъ рыданій, объявила, что не хочетъ выходить замужъ, и сворѣе убьетъ себя, чѣмъ сдѣлается женою принца.

III.

Въ отчаяніи, несчастный женихъ, вопреки этикету, вошелъ въ комнату, куда унесли принцессу, и, упавъ на колѣни передъ ней, воскликнулъ:

— О, жестокая! возьмите назадъ слова, которыя приводятъ меня въ отчаяніе!

Она медленно открыла глаза и тихо, но твердо отвѣчала:

— Принцъ, ничто не измѣнитъ моего рѣшенія. Я никогда не буду вашей женой.

— Какъ! вы безжалостно разбиваете преданное вамъ сердце! Какое же преступленіе совершилъ я, чтобъ заслужить такую казнь? Вы сомнѣваетесь въ моей любви? Вы боитесь, что я когда-нибудь разлюблю васъ? Ахъ, если бы вы могли читать въ моемъ сердцѣ, у васъ исчезли бы всякіе страхи и

сомнѣнія. Моя любовь такъ сильна, что достойна даже вашей несравненной красоты. И если васъ не тронуть мои мольбы, одна только смерть залечитъ мои раны. Верните мнѣ надежду, принцесса, или я умру у вашихъ ногъ.

Слова потокомъ лились изъ его устъ. Въ нихъ было все, что можетъ самое сильное горе внушить любящему сердцу. Розалинду тронули его слова.

— Несчастный принцъ, — сказала она, — если мое сочувствіе можетъ служить вамъ утѣшеніемъ, я охотно выскажу его вамъ, тѣмъ болѣе, что я сама страдаю не менѣе васъ.

— Что вы хотите этимъ сказать, принцесса?

— Увы! если я отказалась отъ вашей руки, то это только потому, что я сама безнадежно люблю молодого бродягу, который проходилъ однажды босой, съ всклокоченными волосами, мимо моего дворца, взглянулъ на меня разъ и не возвращался болѣе!

Пер. С. Брагинская.

Объ отношеніи естественныхъ наукъ къ знанію вообще *).

(Ueber das Verhältniss der Naturwissenschaften zur Gesamtheit der Wissenschaft).

Г. Гельмгольца.

Въ настоящее время могло бы казаться, что взаимныя отношенія всѣхъ наукъ между собою, въ силу которыхъ мы соединяемъ эти послѣднія подъ общимъ названіемъ Universitas litterarum, слабѣе, чѣмъ когда-либо. Мы видимъ, что современные ученые погружены въ изученіе деталей, занимающихъ такія обширныя области, что величайшій энциклопедистъ не въ состояніи удержать въ своей памяти больше ограниченнаго участка современной науки. Лингвистъ послѣднихъ трехъ столѣтій совершенно удовлетворялся изученіемъ латинскаго и греческаго языковъ и развѣ только для непосредственно практическихъ цѣлей онъ изучалъ нѣсколько европейскихъ языковъ. Въ настоящее время сравнительное языковѣдѣніе ставитъ себѣ задачей ознакомленіе со *всѣми* языками *всѣхъ* человѣческихъ племенъ, для того, чтобы вывести отсюда законы образованія языка. Даже въ предѣлахъ *классической* филологіи теперь болѣе не ограничиваются изученіемъ только тѣхъ сочиненій, которыя, благодаря своей художественности, яркости мысли, или глубинѣ содержанія сдѣлались образцами поэзіи и прозы во всѣ вѣка. Теперь знаютъ, что каждый потерянный отрывокъ древняго писателя, каждая замѣтка педантичнаго грамматика или византійскаго придворнаго поэта, каждый сломанный надгробный памятникъ римскаго чиновника, найденный въ какомъ-нибудь глу-

*) Рѣчь эта произнесена въ Гейдельбергскомъ университетѣ 22 ноября 1862 года, слѣдовательно 32 года тому назадъ, но все же и до сихъ поръ не утратила своего глубокаго значенія. Краткія біографическія свѣдѣнія о Гельмгольтцѣ были помѣщены въ октябрьской книжкѣ нашего журнала; подробную характеристику и оцѣнку значенія въ исторіи науки этого выдающагося ученаго нашего вѣка мы дадимъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ.

хомъ углу Венгріи, Испаніи или Африки, можетъ быть, содержать въ себѣ какія-нибудь важныя указанія. И вотъ другой рядъ ученыхъ занимается собираніемъ и приведеніемъ въ систему всѣхъ остатковъ классической древности. Прибавимъ сюда изученіе историческихъ источниковъ, пересмотръ бумагъ, хранящихся въ архивахъ, собираніе замѣтокъ, разсѣянныхъ въ мемуарахъ, собраніяхъ писемъ и біографіяхъ, разборъ іероглифовъ и клиновидныхъ надписей, постоянно возрастающіе по своему объему систематическіе перечни минераловъ, растений и животныхъ, какъ нынѣ живущихъ, такъ и доисторическихъ—и передъ нами развернется перспектива знаній, отъ которой можетъ закружиться голова. Во всѣхъ этихъ наукахъ область изслѣдованія продолжаетъ расширяться въ той же степени, въ какой совершенствуются способы наблюденія, и не видать конца этому. Зоологъ прошлыхъ столѣтій большей частью вполнѣ удовлетворялся, описавши зубы, наружные покровы, строеніе конечностей и прочіе внѣшніе признаки какого-нибудь животнаго. *Анатомъ* ограничивался анатоміей человѣка, насколько она была ему доступна при помощи ножа, пилы, долота или, наконецъ, посредствомъ инъекціи сосудовъ. Изученіе человѣческой анатоміи считалось чрезвычайно обширнымъ и труднымъ предметомъ. Теперь не ограничиваются болѣе грубой анатоміей человѣка, область которой совершенно справедливо считается уже исчерпанной, а присоединяютъ сюда *сравнительную анатомію*, т. е. анатомію всѣхъ животныхъ и *микроскопическую анатомію*, однимъ словомъ, науки съ несравненно болѣе широкимъ содержаніемъ.

Четыре элемента древности и средневѣковой алхиміи разрослись въ современной химіи до 64 основныхъ тѣлъ. Но не только увеличилось число простыхъ тѣлъ, а и методы полученія изъ нихъ сложныхъ соединеній сдѣлали такіе успѣхи, что выдѣлилась отдѣльная наука—*органическая химія*, занимающаяся исключительно соединеніями углерода съ водородомъ, кислородомъ, азотомъ и нѣкоторыми другими простыми тѣлами.

Выраженіе: «сколько звѣздъ на небѣ» употреблялось въ прежнія времена, когда рѣчь шла о цифрѣ, превосходящей всѣ наши представленія. Плиній былъ того мнѣнія, что намѣреніе Гиппарха (*sem etiam Deo improbat*) сосчитать звѣзды и опредѣлить ихъ мѣста, граничить съ дерзостью. И не смотря на это, въ указателяхъ звѣздъ, изготовленныхъ до XVII столѣтія безъ помощи телескоповъ, находимъ отъ 1.000 до 1.500 звѣздъ отъ первой до пятой величины. Въ настоящее время астрономы заняты расширеніемъ этихъ каталоговъ и внесеніемъ въ нихъ звѣздъ до 10-й величины, что дастъ въ общей сложности около 200.000 непо-

движныхъ звѣздъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этихъ изслѣдованій оказалось открытіе большого числа новыхъ планетъ. Въ 1781 году ихъ было извѣстно только 6, а въ настоящее время—75.

Обозрѣвая эту гигантскую дѣятельность во всѣхъ областяхъ знанія, мы невольно изумляемся и готовы воскликнуть вмѣстѣ съ хоромъ въ Антигонѣ:

«Многое удивительно, но нѣтъ ничего удивительнѣе чело­вѣка».

Кто можетъ при такихъ условіяхъ охватить всю совокупность знанія, удержать въ своихъ рукахъ всѣ отдѣльныя нити и ориентироваться въ нихъ? Естественно вытекающее отсюда слѣдствіе состоитъ прежде всего въ томъ, что каждый изслѣдователь въ отдѣльности вынужденъ избрать для себя все болѣе суживающуюся область изслѣдованій и можетъ имѣть лишь неполныя свѣдѣнія о сосѣднихъ областяхъ. Намъ теперь смѣшно слышать, что въ XVII столѣтіи Кепплеръ былъ приглашенъ въ Грецъ профессоромъ математики и морали, или что въ началѣ XVIII столѣтія Берггафъ въ Лейденѣ занималъ одновременно кафедры ботаники, химіи и клинической медицины, куда входила въ то время, конечно, и фармація. Теперь для этихъ предметовъ намъ нужно, по меньшей мѣрѣ, четыре, а въ хорошо обставленныхъ университетахъ, даже восемь, лекторовъ.

Я тѣмъ болѣе считаю возможнымъ обсудить здѣсь вопросъ о взаимной связи между различными науками, что самъ принадлежитъ къ изслѣдователямъ естественныхъ наукъ, противъ которыхъ въ послѣднее время раздавалось особенно много обвиненій въ изолированности и отчужденности отъ прочихъ наукъ, соединенныхъ между собою общими историческими и филологическими изслѣдованіями. Подобное отчужденіе дѣйствительно обнаруживалось въ теченіе извѣстнаго времени и мнѣ кажется, что оно развилось, главнымъ образомъ, подъ влияніемъ Гегелевской философіи. Въ концѣ прошлаго столѣтія, подъ влияніемъ ученія Канта, еще не существовало подобнаго раздѣленія; наоборотъ, эта философія стояла на одной почвѣ съ естественными науками, что лучше всего доказывается собственными работами Канта въ области естественныхъ наукъ, въ особенности же его космогонической теоріей, опирающейся на законъ притяженія Ньютона и получившей въ слѣдствіи всеобщее признаніе подъ именемъ теоріи Лапласа. Критическая философія Канта имѣла своей цѣлью только провѣрку источниковъ и основаній нашего знанія и установленіе масштаба умственной работы по отношенію къ отдѣльнымъ наукамъ. Положеніе, выведенное а priori, какъ результатъ чистаго мышленія, могло служить, по его ученію, лишь правиломъ для метода мышле-

нія, но не могло имѣть никакого положительнаго и реальнаго содержанія. Гегелевская философія тождества была смѣлѣе. Она исходила изъ той гипотезы, что дѣйствительный міръ, природа и человѣческая жизнь являются результатомъ мышленія творческаго духа, сущность котораго тождественна съ человѣческимъ. Поэтому, человѣческій разумъ могъ, повидимому, и безъ руководства внѣшняго опыта, только путемъ собственной внутренней дѣятельности, прослѣдить мысли творческаго духа. Въ этомъ смыслѣ философія тождества поставила себѣ цѣлью а priori построить главнѣйшіе результаты всѣхъ наукъ. Это могло оказаться болѣе или менѣе удачнымъ по отношенію къ религіи, праву, государству, языку, искусству, исторіи, однимъ словомъ, ко всѣмъ тѣмъ наукамъ, сущность которыхъ развивается, главнымъ образомъ, изъ психологической основы, и которыя извѣстны подъ общимъ названіемъ умозрительныхъ.

Гегель въ своихъ попыткахъ разрѣшить эту задачу нашелъ себѣ существенную поддержку въ глубокомъ философскомъ пониманіи исторіи и науки со стороны философовъ и поэтовъ непосредственно предшествовавшей ему эпохи. Ему оставалось только привести въ порядокъ и соединить между собою эти данныя для того, чтобы получить систему, весьма интересную во многихъ отношеніяхъ. Она вызвала энтузіазмъ среди большинства образованныхъ современниковъ, питавшихъ преувеличенныя надежды на разрѣшеніе глубочайшихъ загадокъ человѣческой жизни, тѣмъ болѣе, что смыслъ системы затемнялся своеобразнымъ абстрактнымъ языкомъ и, вѣроятно, былъ понятъ лишь немногими изъ его читателей.

То обстоятельство, что построеніе главнѣйшихъ результатовъ умозрительныхъ наукъ оказалось болѣе или менѣе удачнымъ, отнюдь не служило доказательствомъ вѣрности гипотезы идентичности, изъ которой исходила философія Гегеля. Рѣшительнымъ пробнымъ камнемъ для нея могли быть только факты природы. Само собою понятно, что въ умозрительныхъ наукахъ должны были обнаруживаться слѣды дѣятельности человѣческаго духа и хода его развитія. Но если природа дѣйствительно отражаетъ въ себѣ результаты мышленія творческаго духа, подобнаго человѣческому, то относительно простѣйшія формы и явленія природы должны были тѣмъ легче подойти подъ эту систему. Но здѣсь именно стремленія философіи тождества потерпѣли полное пораженіе. Натуръ-философія Гегеля казалась, по крайней мѣрѣ, естествоиспытателямъ совершенно бессмысленной. Изъ многихъ выдающихся естествоиспытателей того времени не нашлось ни одного, который принялъ

бы идеи Гегеля. Но такъ, какъ съ другой стороны, для Гегеля было чрезвычайно важно встрѣтить признаніе именно въ этой области, то съ его стороны послѣдовала необыкновенно страстная и ожесточенная полемика, направленная, главнымъ образомъ, противъ Ньютона, перваго и величайшаго представителя научнаго изслѣдованія природы. Философы обвиняли естествоиспытателей въ ограниченности, а послѣдніе, въ свою очередь, обвиняли ихъ въ безтолковости. Тогда естествоиспытатели начали придавать особенное значеніе тому, чтобы ихъ работы были свободны отъ всякаго философскаго вліянія и скоро дѣло дошло до того, что многіе изъ нихъ—даже выдающіеся люди—начали отвергать философію, признавая ее не только бесполезной, но даже прямо вредной.

Почти такіе же результаты, хотя и совершенно инымъ путемъ, получились въ концѣ концовъ и въ умозрительныхъ наукахъ. Во всѣхъ отрасляхъ науки—въ религіи, государствѣ, правѣ, искусствѣ, языкѣ появились горячіе поборники гегелевской философіи и каждый изъ нихъ стремился преобразовать свою область въ смыслѣ этого ученія и поскорѣе собрать на пути отвлеченнаго мышленія плоды, составлявшіе до сихъ поръ лишь результатъ продолжительной и кропотливой работы. Такимъ образомъ, въ теченіе извѣстнаго времени поддерживалась рѣзкая рознь между естественными науками съ одной стороны и умозрительными—съ другой, причемъ первыя верѣдко даже не признавались науками.

Правда, эта рознь скоро утратила свой первоначальный острый характеръ. Цѣлый рядъ быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ блестящихъ открытій и техническихъ примѣненій въ области естественныхъ наукъ показалъ всѣмъ ихъ необыкновенную плодотворность и заставилъ внушить къ себѣ уваженіе. Скоро и въ остальныхъ областяхъ знанія добросовѣстные изслѣдователи фактовъ тоже выступили противъ слишкомъ смѣлаго полета спекулятивнаго мышленія. вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя, однако, отрицать и благотворнаго вліянія этихъ философскихъ системъ; мы не можемъ не признать, что со времени Гегеля и Шеллинга вниманіе изслѣдователей въ различнѣйшихъ областяхъ умозрительныхъ наукъ начало усиленнѣе направляться на ихъ духовное содержаніе и цѣль, чѣмъ это, можетъ быть, имѣло мѣсто въ предыдущія столѣтія; великая работа этой философіи была, слѣдовательно, не совсѣмъ напрасна.

По мѣрѣ того, какъ эмпирическое изслѣдованіе фактовъ начало снова выступать на первый планъ и въ остальныхъ наукахъ, стала ослабѣвать также рознь между ними и естественными науками. Однако, хотя эта рознь и проявилась съ преувеличенной силой вслѣдствіе вліянія названныхъ философскихъ системъ, нельзя все-

таки не признать, что такое различіе существуетъ и что оно вытекаетъ изъ самой сущности вещей. Оно обуславливается отчасти различіемъ въ самомъ родѣ умственной дѣятельности, отчасти же въ содержаніи естественныхъ и умозрительныхъ наукъ. Физику будетъ нѣсколько затруднительно разъяснить филологу или юристу запутанный естественный процессъ, потому что у нихъ нѣтъ необходимаго для этого навыка въ пользованіи геометрическими и механическими представленіями. Съ другой стороны, эстетикъ и теологъ найдутъ, что естествоиспытатель обнаруживаетъ слишкомъ большую склонность къ механическимъ и матеріалистическимъ объясненіямъ, которыя покажутся имъ тривіальными и расхолодятъ ихъ чувство. Филологъ и историкъ, тѣсно связанные съ юристомъ и теологомъ общимъ изученіемъ филологическихъ и историческихъ наукъ, будутъ удивлены равнодушіемъ естествоиспытателя къ литературнымъ сокровищамъ, простирающимся въ болѣе чѣмъ должной степени даже на исторію его собственной науки. Наконецъ, нельзя отрицать, что умозрительныя науки имѣютъ прямое отношеніе къ драгоцѣннѣйшимъ интересамъ челоѣческаго духа, между тѣмъ какъ предметомъ естественныхъ наукъ служитъ вышній, безразличный матеріалъ, котораго мы, повидимому, не можемъ обойти только вслѣдствіе его практической пользы, и который, можетъ быть, и не представляетъ непосредственнаго значенія для образованія ума.

При такомъ положеніи вещей, когда наука раздѣлилась на безконечное число вѣтвей и развѣтвленій, когда между ними проявляется рѣзко выраженная рознь, когда ни одинъ умъ не въ силахъ обхватить знаніе въ цѣломъ или даже значительной его части, возникаетъ вопросъ: благоразумно ли соединять ихъ всѣ въ одномъ и томъ же учрежденіи? Не является ли соединеніе четырехъ факультетовъ въ одинъ общій университетъ лишь остаткомъ среднихъ вѣковъ? Ниже слѣдующее краткое разсмотрѣніе покажетъ намъ, насколько необходима подобная связь не только въ формальномъ отношеніи для сохраненія научной рабочей силы, но и въ матеріальномъ отношеніи—для споспѣшествованія результатамъ этой работы.

Прежде всего два слова о формальномъ отношеніи. Я сказалъ бы, что соединеніе различныхъ наукъ необходимо для сохраненія здороваго равновѣсія умственныхъ силъ. Каждая отдѣльная наука требуетъ, преимущественно, дѣятельности извѣстныхъ умственныхъ способностей и соотвѣтственно этому развиваетъ ихъ путемъ упражненія. Но всякое одностороннее развитіе влечетъ за собою извѣстныя опасности; оно дѣлаетъ челоѣка неспособнымъ къ тѣмъ

родамъ дѣятельности, въ которыхъ онъ менѣе упражнялся, ограничивается передъ его умственнымъ взоромъ пониманіе общей связи, въ особенности же легко можетъ вызвать сомнѣніе. Когда человѣкъ замѣчаетъ, что онъ лучше выполняетъ извѣстный родъ умственной работы, чѣмъ другіе люди, то легко забывается, что онъ не въ состояніи зато выполнить многое изъ того, что другіе умѣютъ дѣлать лучше его—а преувеличенное мнѣніе о себѣ есть величайшій и опаснѣйшій врагъ всякой научной дѣятельности. Какъ много талантливыхъ людей лишены, всего болѣе необходимой для ученаго, способности критически относиться къ самому себѣ, или же совершенно опустили руки, потому что считаютъ сухую, кропотливую работу ниже своего достоинства и стремились только создать гениальныя комбинаціи идей или сдѣлать такія открытія, которыя произвели бы переворотъ въ мірѣ! Сколькіе изъ нихъ кончили свою жизнь озлобленными мизантропами, потому что не добились признанія со стороны людей, которое пріобрѣтается цѣнной работы и успѣховъ, а не расточается передъ влюбленнымъ только въ себя гениемъ. И чѣмъ изолированнѣе отдѣльная личность, тѣмъ легче ей угрожаетъ подобная опасность, между тѣмъ какъ, наоборотъ, ничто не дѣйствуетъ такимъ оживляющимъ образомъ, какъ необходимость съ напряженіемъ всѣхъ силъ добиваться признанія со стороны такихъ людей, которые сами заслуживаютъ полнаго признанія.

Если мы произведемъ сравненіе между родами умственной дѣятельности по различнымъ отраслямъ знанія, то соотвѣтственно каждой изъ нихъ получатся извѣстныя различія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что каждому выдающемуся таланту присуще особое индивидуальное направленіе ума, дѣлающее его преимущественно способнымъ именно къ его дѣятельности. Стоитъ только сравнить работы двухъ изслѣдователей, занимающихся одновременно въ тѣсно соприкасающихся одна съ другой областяхъ для того, чтобы убѣдиться, что чѣмъ это болѣе выдающиеся люди, тѣмъ рѣзче выражена ихъ умственная индивидуальность и тѣмъ менѣе каждый изъ нихъ былъ бы способенъ произвести работу другого.

Я упомянулъ уже объ огромной массѣ матеріала, представляемаго нашими науками. Прежде всего ясно, что чѣмъ больше объемъ этого матеріала, тѣмъ болѣе точная и совершенная организція и распредѣленіе требуется для того, чтобы не затеряться въ лабиринтѣ учености. Чѣмъ совершеннѣе систематизація, тѣмъ большее можетъ произойти накопленіе частныхъ безъ ущерба для общей связи. Мы теперь только потому можемъ совершить такъ

многое въ области частныхъ, что наши предшественники научили насъ организаціи знанія.

Эта организація состоитъ прежде всего въ томъ вѣншемъ механическомъ порядкѣ, который мы находимъ въ нашихъ каталогахъ, лексиконахъ, справочныхъ указателяхъ, литературныхъ обзорахъ, годовыхъ отчетахъ, собраніяхъ законовъ, естественноисторическихъ системахъ и т. д. При помощи этихъ пособій достигается прежде всего лишь то, что тѣ знанія, которыя не хранятся непосредственно въ памяти, могутъ быть разысканы немедленно, какъ только въ нихъ представится надобность. При помощи хорошаго лексикона гимназистъ можетъ теперь достигнуть въ пониманіи классиковъ многого такого, что представляло трудности для Эразма, несмотря на всю его начитанность. Сочиненія подобнаго рода образуютъ какъ бы основной фондъ научнаго имущества человѣчества, процентами съ котораго оно пользуется; его можно сравнить съ капиталомъ, обращеннымъ въ земельную собственность. Подобно землѣ, изъ которой состоитъ почва, и знаніе, заключенное въ каталоги, лексиконы и указатели, имѣетъ мало привлекательный видъ; непосвященный не знаетъ и не цѣнитъ труда и затратъ, вложенныхъ въ эту ниву; работа пахаря безконечно кропотлива, медленна и тяжела. Но если работа лексикографа и систематика и требуетъ такого же неутомимаго и упорнаго труда, какъ работа пахаря, то отнюдь не слѣдуетъ все-таки думать, что это работа низшаго достоинства, такая же сухая и механическая, какой она выглядитъ въ готовомъ, отпечатанномъ видѣ. Каждый отдѣльный фактъ долженъ быть найденъ путемъ внимательнаго наблюденія, подвергнуть провѣркѣ и сравненію, существенное должно быть отдѣлено отъ второстепеннаго—все это, очевидно, можетъ выполнить только тотъ, кто вполне освоился съ цѣлью, во имя которой собираются всѣ эти данныя, съ внутреннимъ содержаніемъ соответствующей науки и съ ея методами, и для такого человѣка каждый отдѣльный фактъ предстанетъ въ его связи съ цѣлымъ и получить свой особый интересъ. Поступательный ходъ науки оказываетъ свое вліяніе и на подобныя сочиненія; что лучше всего доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что безпрестанно приходится составлять новыя лексиконы, новыя естественноисторическія системы, новыя собранія законовъ, новыя звѣздные каталоги. Въ этомъ выражается прогрессирующее развитіе искусства метода и организаціи знанія.

Но наше знаніе не должно оставаться только въ формѣ каталоговъ; уже одно то обстоятельство, что мы должны хранить его въ этой формѣ, показываетъ, что мы умственно не одолѣли его. Недостаточно знать факты; наука возникаетъ лишь тогда, когда

открываются ея законы и причины. Логическая переработка даннаго матеріала состоитъ прежде всего въ томъ, что мы соединяемъ все сходное и подводимъ его подъ одно общее понятіе. Подобное понятіе включаетъ въ себѣ множество частныхъ и заступаетъ ихъ мѣсто въ нашемъ сознаніи. Мы называемъ его родовымъ понятіемъ, когда оно вмѣщаетъ въ себѣ множество существующихъ предметовъ, и закономъ, когда оно обнимаетъ собою множество явленій. Если я нашелъ, что всѣ млекопитающія, т. е. всѣ теплокровныя животныя, производящія на свѣтъ живыхъ дѣтенышей, вмѣстѣ съ тѣмъ дышатъ легкими, имѣютъ двѣ сердечныя полости и, по меньшей мѣрѣ, три слуховыя косточки, то мнѣ нѣтъ надобности запомнить существованіе этихъ анатомическихъ особенностей отдѣльно для обезьяны, лошади, собаки и кита. Общее правило вмѣщаетъ въ себѣ массу отдѣльныхъ случаевъ и заступаетъ ихъ мѣсто въ сознаніи. Когда я высказываю законъ переломленія свѣтовыхъ лучей, то этотъ законъ включаетъ въ себѣ не только случаи, гдѣ лучи падаютъ подъ различнѣйшими углами на плоскую водную поверхность, но включаетъ вообще всѣ случаи, гдѣ свѣтовые лучи какого бы то ни было цвѣта падаютъ на поверхность любой формы, отграничивающую любую прозрачную среду. Слѣдовательно, этотъ законъ включаетъ въ себѣ дѣйствительно безконечную массу случаевъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности невозможно было бы удержать въ памяти. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что этотъ законъ примѣнимъ не только къ тѣмъ случаямъ, которые наблюдали мы сами или кто-нибудь другой, но что его можно примѣнить и къ новымъ, еще не подвергнувшимся наблюденію случаямъ и предсказать эффектъ переломленія лучей—и что мы не ошибемся въ нашихъ ожиданіяхъ. Точно также, если мы найдемъ неизвѣстное, еще неизслѣдованное въ анатомическомъ отношеніи млекопитающее, то мы можемъ предположить со степенью вѣроятности, граничащей съ увѣренностью, что у этого животнаго есть легкія, двѣ сердечныя полости и три или болѣе слуховыхъ косточекъ.

Итакъ, соединяя данныя опыта и образуя понятія, будутъ ли это родовыя понятія или законы, мы не только придаемъ нашему знанію форму, благодаря которой имъ легко можно пользоваться и сохранять его, но мы также расширяемъ его, имѣя возможность примѣнять найденныя правила и законы ко всѣмъ сходнымъ, еще не найденнымъ случаямъ.

Всѣ названныя случаи такого рода, что соединеніе отдѣльныхъ случаевъ въ понятія не предстojается никакихъ трудностей и сущность всего процесса совершенно ясна. Но въ сложныхъ случаяхъ не такъ-то легко отдѣлить сходное отъ несходнаго и соеди-

нить его въ рѣзко обособленномъ понятіи. Предположимъ, что мы знаемъ извѣстнаго человѣка за честолюбиваго; мы можемъ предсказать съ большимъ вѣроятіемъ, что этотъ человѣкъ, поставленный въ необходимость дѣйствовать при извѣстныхъ условіяхъ, послѣдуетъ своему честолюбію и изберетъ извѣстный способъ дѣйствій. Но мы не можемъ ни опредѣлить съ полной достовѣрностью, почему можно узнать честолюбиваго человѣка, ни сказать—какимъ жѣриломъ можно измѣрять его честолюбіе, ни сказать съ опредѣленностью, какая степень честолюбія требуется для того, чтобы при соотвѣтствующихъ условіяхъ придать дѣствіямъ человѣка соотвѣтствующее направленіе. Мы, слѣдовательно, производимъ сравненіе между поступками человѣка, которые мы имѣли случай наблюдать и между поступками другихъ людей, дѣйствовавшихъ подобнымъ образомъ при подобныхъ условіяхъ, и выводимъ отсюда наше заключеніе о результатахъ будущихъ поступковъ, можетъ быть, даже сами того не сознавая, что наше предсказаніе основывается на описанномъ сравненіи. Въ этомъ случаѣ наше сужденіе вытекаетъ изъ извѣстнаго психологическаго чутья, а не изъ сознательныхъ умозаключеній, хотя въ существенныхъ чертахъ умственный процессъ здѣсь тотъ же самый, какъ и въ томъ случаѣ, когда мы приписываемъ неизслѣдованному млекопитающему существованіе легкихъ.

Этотъ послѣдній видъ индукціи, которая не можетъ быть доведена до законченной формы логическаго умозаключенія, до построенія законовъ, играетъ въ человѣческой жизни чрезвычайно обширную роль. На немъ покоится все развитіе воспріятій нашихъ органовъ чувствъ, что особенно ярко доказывается изслѣдованіемъ такъ называемыхъ обмановъ чувствъ. Когда, напр., въ нашемъ глазу нервныя окончанія раздражаются толчкомъ, то у насъ создается представленіи о появленіи свѣта въ полѣ зрѣнія, потому что мы въ теченіи всей жизни всегда чувствовали раздраженіе въ волокнахъ нашего зрительнаго нерва только въ томъ случаѣ, когда въ полѣ зрѣнія появлялся свѣтъ, и привыкли отождествлять ощущеніе волоконъ зрительнаго нерва съ появленіемъ свѣта въ полѣ зрѣнія. Тотъ же видъ индукціи играетъ существенную роль во всѣхъ психологическихъ процессахъ, благодаря необычайной запутанности вліяній, обусловливающихъ образованіе характера и возникновеніе минутнаго душевнаго настроенія человѣка. А такъ какъ мы приписываемъ себѣ свободную волю, т. е. способность дѣйствовать по собственному побужденію, не будучи вынуждены къ тому строгимъ и неотвратимымъ закономъ причинности, то мы тѣмъ самымъ вообще совершенно отвергаемъ возможность выводить по

крайней мѣрѣ, часть проявленій нашей душевной дѣятельности изъ безусловно дѣйствующаго закона.

Этотъ видъ индукціи, въ противоположность *логической*, вырабатывающей рѣзко опредѣленные общія положенія, можно было бы назвать *художественной* индукціей, потому что она проявляется всего ярче въ выдающихся художественныхъ произведеніяхъ. Существенная доля художественнаго таланта состоитъ въ умѣннѣ передать внѣшніе признаки характера или настроенія словами, образами, красками или звуками и угадывать чутьемъ, безъ руководства какими-либо опредѣленными правилами, каково должно быть дальнѣйшее развитіе душевныхъ состояній. Наоборотъ, тамъ гдѣ мы замѣчаемъ, что работа художника совершалась сознательно, по общимъ правиламъ и отвлеченнымъ понятіямъ, его твореніе производитъ на насъ впечатлѣніе бѣдности и тривіальности и не вызываетъ нашего восторга. Творенія же великихъ художниковъ воспроизводятъ передъ ними картины характеровъ и настроеній съ яркостью, богатствомъ индивидуальными чертами и жизненностью, почти превосходящими дѣйствительность, такъ какъ здѣсь отсутствуютъ моменты, могущіе нарушить впечатлѣніе.

Если мы станемъ разсматривать рядъ наукъ по отношенію къ способамъ, которыми онѣ пользуются для полученія своихъ результатовъ, то сейчасъ же обнаружится различіе между естественными и умозрительными науками. Естественныя науки по большей части въ состояніи довести свои индукціи до рѣзко выраженныхъ общихъ правилъ и законовъ, умозрительныя же науки преимущественно имѣютъ дѣло съ сужденіями на основаніи психологическаго чутья. Такъ, напр., историческія науки прежде всего должны удостоверить въ томъ, насколько заслуживаютъ довѣрія источники, изъ которыхъ передаются факты; послѣ того, какъ установлены факты, начинается слѣдующая, болѣе трудная и важная задача—разобраться въ часто весьма запутанныхъ и сложныхъ мотивахъ дѣйствій народовъ и индивидуумовъ; то и другое рѣшается главнымъ образомъ психологическимъ чутьемъ. Филологическія науки, поскольку онѣ занимаются разъясненіемъ и исправленіемъ дошедшихъ до насъ текстовъ, исторіей литературъ и искусствъ, должны уловить смыслъ, который хотѣлъ придать писатель своимъ словамъ, они должны исходить изъ правильнаго взгляда какъ на индивидуальность автора, такъ и на духъ языка, на которомъ онъ писалъ. Все это случаи художественной, а не собственно логической индукціи. Здѣсь сужденіе можетъ быть сдѣлано только тогда, когда въ памяти имѣется наготовѣ большое количество отдѣльных, сходныхъ между собою фактовъ, которые можно привести немед-

ленно въ соотношеніе съ возникающимъ въ данную минуту вопросомъ. Поэтому, однимъ изъ первыхъ требованій для этого рода наукъ является хорошая память. Дѣйствительно, многіе изъ знаменитыхъ историковъ и филологовъ возбуждали удивленіе своихъ современниковъ силой своей памяти. Конечно, для изученія этихъ наукъ недостаточно одной только памяти—нужна еще способность быстро схватывать и выдѣлять сходныя черты, тонко развитое пониманіе душевныхъ движеній человѣка, пониманіе, котораго трудно было бы достигнуть безъ извѣстной теплоты чувства и интереса къ наблюденію душевныхъ состояній. Въ то время, какъ повседневныя сношенія съ людьми даютъ намъ основу для этого психологическаго пониманія, изученіе исторіи и искусства обогащаютъ и дополняютъ его, потому что оба они показываютъ намъ дѣйствія людей при болѣе необыкновенныхъ условіяхъ и даютъ возможность судить обо всемъ объемѣ силъ, скрытыхъ въ нашей душѣ.

Названные отдѣлы знанія, за исключеніемъ грамматики, не доходятъ до формулировки общихъ, безусловныхъ законовъ. Законы грамматики установлены человѣческой волей, хотя и не были выработаны по заранѣе обдуманному плану, а развились постепенно, по мѣрѣ надобности. Поэтому, для того, кто изучаетъ языкъ, они являются законами, постановленіями, установленными чужимъ авторитетомъ.

Къ историческимъ и филологическимъ наукамъ примыкаютъ *теологія* и *юриспруденція*, предварительныя и вспомогательныя знанія которыхъ относятся преимущественно къ области первыхъ двухъ. Общіе законы, съ которыми мы встрѣчаемся въ богословскихъ и юридическихъ наукахъ, суть тоже *постановленія*, законы, установленные чужимъ авторитетомъ для поступковъ въ нравственномъ и юридическомъ отношеніи, а не такіе законы, которые, подобно естественнымъ, заключали бы въ себѣ обобщеніе множества фактовъ.

Изученіе грамматики и права представляетъ извѣстныя преимущества для образованія ума въ томъ отношеніи, что довольно равномерно упражняются различныя стороны умственной дѣятельности. Поэтому-то въ школьномъ образованіи европейскихъ народовъ занимаетъ такое большое мѣсто изученіе чужихъ языковъ и грамматикъ. Родной языкъ и тѣ изъ иностранныхъ языковъ, которые изучаешь на практикѣ, не требуютъ сознательнаго логическаго мышленія; зато они могутъ развивать чувство художественной красоты. Оба классическіе языка, греческій и латинскій, подобно большинству древнихъ языковъ, имѣютъ то преимущество,

что, благодаря полнымъ и яснымъ флексіямъ, весьма точно обозначаютъ грамматическія отношенія между собою словъ и фразъ. При долгомъ употребленіи языки шлифуются, грамматическія опредѣленія для быстроты и краткости сокращаются и теряютъ вслѣдствіе этого свою опредѣленность. Это ясно обнаруживается при сравненіи современныхъ европейскихъ языковъ съ латинскимъ; всего больше такой шлифовкѣ подвергся англійскій языкъ.

Полную противоположность филолого-историческимъ наукамъ по отношенію къ роду умственной дѣятельности представляютъ естественныя науки. Правда, и здѣсь есть нѣкоторыя области, гдѣ инстинктивное чувство аналогій—извѣстное художественное чутье играютъ нѣкоторую роль. Характерно и то, что художникъ, а именно Гёте, далъ толчокъ къ сравнительно анатомическимъ изслѣдованіямъ соотвѣтственныхъ органовъ у различныхъ животныхъ и къ ученію о метаморфозѣ листьевъ въ царствѣ растений и что онъ указалъ направление, которое приняла съ тѣхъ поръ сравнительная анатомія. Но даже и въ тѣхъ областяхъ естественныхъ наукъ, которыя имѣютъ дѣло съ непонятными еще дѣйствіями жизненныхъ процессовъ, въ общемъ гораздо легче найти общія положенія и понятія. чѣмъ въ тѣхъ наукахъ, гдѣ мы должны основывать наше сужденіе на анализѣ душевной дѣятельности. Всего рѣзче, однако, обнаруживается особый характеръ естественныхъ наукъ въ тѣхъ отдѣлахъ ихъ, гдѣ разработана экспериментальная и математическая сторона, главнымъ образомъ въ области чистой математики.

Существенное отличіе этихъ наукъ состоитъ, мнѣ кажется, въ томъ, что здѣсь сравнительно легче соединить отдѣльные случаи, подвергнутые наблюденію и опыту въ общіе, безусловно дѣйствующіе и чрезвычайно обширные, законы, между тѣмъ какъ именно въ умозрительныхъ наукахъ этотъ процессъ представляетъ непреодолимыя препятствія. Въ математикѣ общія положенія, выставлемыя ею какъ аксіомы, такъ немногочисленны, такъ безконечно обширны и такъ непосредственно очевидны, что вовсе не нуждаются въ доказательствахъ. Вспомнимъ только, что вся чистая математика (арифметика) развивается изъ трехъ аксіомъ:

«Двѣ величины порознь равныя третьей равны между собою».

«Если къ двумъ равнымъ величинамъ прибавить одну и ту же величину, онѣ будутъ равны между собою».

«Если къ двумъ равнымъ величинамъ прибавить неравныя величины, онѣ будутъ неравны между собою».

Такъ же немногочисленны аксіомы геометріи и теоретической механики. Названныя науки развиваются изъ этихъ немногихъ

*

положеній такимъ образомъ, что заключенія изъ нихъ примѣняются къ постепенно усложняющимся случаямъ. Арифметика не ограничивается сложениемъ разнообразнѣйшихъ агрегатовъ конечнаго числа величинъ, въ высшемъ анализѣ она показываетъ, какъ складывать даже безконечный рядъ слагаемыхъ, величина которыхъ возрастаетъ или убываетъ по различнѣйшимъ законамъ, т. е. какъ рѣшать задачи, которыя никогда не могли бы быть рѣшены прямымъ путемъ. Здѣсь мы видимъ сознательную логическую дѣятельность нашего ума въ ея наиболѣе чистой и совершенной формѣ и научаемся цѣнить всю вѣрность и плодотворность этой умственной работы.

Послѣднее еще рѣзче выступаетъ въ прикладныхъ математическихъ наукахъ, къ которымъ относится и физическая астрономія. Съ тѣхъ поръ, какъ Ньютонъ вывелъ изъ механическаго анализа движенія планетъ, что вся вѣсомая матерія обладаетъ силой притяженія обратно пропорціональной квадрату разстоянія, этого простого закона достаточно для того, чтобы вполне и съ величайшей точностью вычислить движеніе планетъ какъ въ будущемъ, такъ и въ отдаленномъ прошедшемъ, если только даны мѣсто, скорость и масса отдѣльныхъ тѣлъ нашей системы для любого момента. Болѣе того, мы опредѣляемъ, что вліянію той же силы подвержены и движенія двойныхъ звѣздъ, разстояніе которыхъ такъ велико, что нужны годы для того, чтобы свѣтъ ихъ могъ достигнуть до насъ.

Открытіе закона притяженія представляетъ самый поразительный результатъ, на который когда-либо была способна логическая сила человѣческаго ума. Я не хочу этимъ сказать, что никогда не было людей съ такой же или даже съ большей силой отвлеченнаго мышленія, чѣмъ у Ньютона или прочихъ астрономовъ, частью подготовившихъ, частью воспользовавшихся его открытіемъ. Но никогда еще не представлялся такой подходящій матеріалъ, какъ запутанныя и сложныя движенія планетъ, вызывавшія въ прежнія времена у необразованныхъ зрителей лишь астрологическія суевѣрія, а теперь подведенныя подъ законъ, который оказался въ состояніи выяснитъ точнѣйшимъ образомъ мельчайшія частности ихъ движеній.

По этому величайшему образцу развился цѣлый рядъ другихъ отраслей физики, изъ которыхъ слѣдуетъ назвать въ особенности оптику и ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ. При отысканіи общихъ законовъ природы опытные науки имѣютъ то несравненное преимущество передъ науками, ограничивающимися простымъ наблюденіемъ, что онѣ произвольно могутъ измѣнять

условія, при которыхъ получается извѣстное явленіе и, слѣдовательно могутъ ограничиться лишь не большимъ числомъ характерныхъ случаевъ для того, чтобы найти законъ. Вѣрность закона, конечно, должна быть проверена и въ болѣе сложныхъ случаяхъ. Послѣ того какъ были найдены вѣрные методы, физическія науки стали дѣлать сравнительно быстрые успѣхи. Онѣ не только дали намъ возможность заглянуть въ первобытныя эпохи, когда міровая туманность начинала сгущаться въ звѣздныя тѣла, онѣ не только дозволили намъ опредѣлить химическія составныя части солнечной атмосферы, онѣ научили насъ пользоваться силами окружающей природы и подчинить ихъ себѣ.

Изъ сказаннаго ясно, на сколько умственная дѣятельность въ этихъ областяхъ знанія отличается отъ рассмотрѣнной уже нами.

Въ математикѣ вовсе не требуется удерживать въ памяти отдѣльные факты, въ физикѣ — лишь весьма немногіе. Предположенія, основанныя на воспоминаніи сходныхъ случаевъ, конечно, могутъ оказаться полезными для того, чтобы навести на вѣрный путь, но пріобрѣтаютъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если привели къ строго формулированному и точному закону. По отношенію къ природѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ строгой причинностью, не допускающей никакихъ исключеній. Поэтому мы и обязаны искать до тѣхъ поръ, пока мы не найдемъ законовъ, дѣйствующихъ безусловно, безъ какихъ-либо исключеній; только въ этой формѣ наши знанія пріобрѣтаютъ побѣдоносную силу надъ временемъ, пространствомъ и силами природы.

Подобнаго рода трудъ требуетъ большого упорства и осторожности; онъ совершается обыкновенно лишь крайне медленно. Существенное условіе для методическаго успѣха мышленія состоитъ въ томъ, чтобы мысль сосредоточивалась на одномъ пунктѣ, не отвлекаемая никакими второстепенными соображеніями. Знаменитый логикъ, Стюартъ Милль, говоритъ, что, по его убѣжденію, индуктивныя науки сдѣлали въ новѣйшее время больше для успѣха логическихъ методовъ, чѣмъ философія. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что ни въ какой другой области знаній ошибка въ ходѣ мыслей не обнаруживается такъ легко невѣрными результатами, какъ въ этихъ наукахъ, гдѣ результаты умственной работы по большей части могутъ быть подвергнуты прямому сравненію съ дѣйствительностью.

Высказывая мнѣніе, что въ разработанныхъ математически отдѣлахъ естественныхъ наукъ разрѣшеніе научныхъ задачъ пошло ближе къ цѣли, чѣмъ въ прочихъ наукахъ, я отнюдь не хочу тѣмъ самымъ умалить значеніе послѣднихъ. Если естествен-

ныя науки и обладаютъ большимъ совершенствомъ научной формы, то зато умозрительныя науки имѣютъ то преимущество, что предметомъ ихъ является болѣе богатый матеріалъ, ближе стоящій къ интересамъ людей и ихъ чувствамъ, а именно человѣческой духъ въ его различныхъ стремленіяхъ и многообразной дѣятельности. На этихъ наукахъ лежитъ болѣе высокая и болѣе трудная задача, но ясно, что для нихъ не долженъ пройти незамѣченнымъ примѣръ тѣхъ отдѣловъ знанія, которые дальше ушли впередъ въ формальномъ отношеніи, благодаря тому, что матеріалъ ихъ представляетъ меньше трудностей для разработки. Онѣ могутъ учиться у этихъ послѣднихъ методу и черпать ободреніе въ богатствѣ ихъ результатовъ. Мнѣ кажется, что наше время дѣйствительно заимствовало кое-что у естественныхъ наукъ. Безусловное уваженіе къ фактамъ и добросовѣтность въ ихъ собираніи, извѣстное недоувѣріе ко всему кажущемуся, стремленіе повсюду найти причинность и предполагать ее—всѣ эти черты, отличающія нашу эпоху отъ предыдущихъ, говорятъ въ пользу подобнаго вліянія.

Вотъ и все, что касается различныхъ, взаимно дополняющихъ другъ друга сторонъ умственной дѣятельности въ различныхъ отрасляхъ знанія.

Знаніе само по себѣ не составляетъ цѣли человѣка на землѣ. Хотя науки и вызываютъ къ дѣятельности лучшія силы человѣческаго духа, но тотъ, кто занимается наукой только ради пріобрѣтенія знаній, едва ли выполняетъ свое назначеніе на землѣ. Только дѣятельность даетъ человѣку достойное существованіе; поэтому цѣлью его должно быть или практическое примѣненіе знанія, или же обогащеніе науки, которое имѣетъ своимъ результатомъ прогрессъ человѣчества.

Знаніе—сила. Это положеніе ни въ одну эпоху не проявилась съ большей наглядностью, чѣмъ въ нашу. Мы заставили неорганическія силы природы подчиниться потребностямъ человѣческой жизни и цѣлямъ человѣческаго духа. Примѣненіе пара увеличило силу человѣка въ тысячи и милліоны разъ; ткацкія и прядильныя машины взяли на себя работу, единственнымъ достоинствомъ которыхъ было—притупляющее мозгъ однообразіе. Сообщенія между людьми и вытекающіе изъ нихъ матеріальные и духовные результаты возрасли въ такой степени, которой даже нельзя было себѣ представить. Но не только машины, умножившія силы человѣка, не только пушки и броненосцы, не только запасы жизненныхъ средствъ и денегъ составляютъ основу, на которой покоится могущество націи,—политическая и юридическая организація государства, моральная дисциплина единичныхъ лицъ—вотъ что даетъ

перевѣсь образованнымъ націямъ надъ необразованными, заставляя послѣднія или принять культуру, или подвергнуться неизбѣжному уничтоженію.

Поэтому каждая нація, руководствуясь даже только внѣшними цѣлями самосохраненія, не говоря уже о высшихъ идеальныхъ требованіяхъ, заинтересована не только въ развитіи естественныхъ наукъ и ихъ технического примѣненія, но также и въ работкѣ политическихъ, юридическихъ и этическихъ наукъ и всѣхъ историческихъ и филологическихъ знаній, являющихся вспомогательными пособіями для нихъ. Выше уже было упомянуто о все возрастающемъ раздѣленіи и организациі научнаго труда. Дѣйствительно, люди науки образуютъ въ вѣкоторомъ родѣ организованную армію, дѣйствующую на пользу всей націи и большей частью по ея полномочію и на ея средства, старающуюся умножить знанія, служащая для поднятія промышленности, увеличенія богатства, улучшенія жизни, политической организациі и нравственнаго развитія индивидуумовъ. Правда, здѣсь не можетъ быть рѣчи о непосредственной пользѣ. Все, что разъясняетъ намъ сущность силъ природы или человѣческаго духа имѣетъ свою цѣнность и въ свое время можетъ принести пользу—по большей части тамъ, гдѣ этого всего менѣе ожидаешь. Кому могло придти въ голову, когда Гальвани приводилъ въ соприкосновеніе ноги лягушки съ разнородными металлами и получалъ при этомъ сотрясеніе, что черезъ 80 лѣтъ Европа будетъ покрыта сѣтью проволокъ, по которымъ съ быстротой молніи будутъ передаваться извѣстія изъ Мадрида въ Петербургъ въ силу того же процесса, первыя проявленія котораго наблюдалъ названный анатомъ! Въ его рукахъ, а впоследствии также и въ рукахъ Вольты, электрическіе токи давали лишь крайне незначительную силу, для проявленія которой нужны были самыя тонкіе способы наблюденія. Если бы эти опыты были оставлены на томъ основаніи, что они не обѣщали никакой пользы, то въ физикѣ недоставало бы важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ связующихъ звеньевъ между разнородными силами природы. Когда молодой Галилей, будучи студентомъ въ Пизѣ, наблюдалъ во время богослуженія качающуюся лампаду и убѣдился сравненіемъ съ ударами своего пульса, что продолжительность колебаній не находится въ зависимости отъ величины розмаховъ, то кто могъ тогда предвидѣть, что это открытіе сдѣлаетъ возможнымъ измѣреніе времени помощью часовъ съ маятниками съ такой точностью, которая казалась невысказанной въ то время, и что она дастъ возможность моряку, заброшенному бурей въ отдаленнѣйшія воды земли, опредѣлить, подъ какимъ градусомъ долготы онъ находится!

Кто при изученіи науки преслѣдуетъ лишь непосредственно практическую пользу, тотъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ никогда не достигнетъ своей цѣли. Совершенное знаніе и пониманіе силъ природы и духа—вотъ все, чего можетъ достигнуть наука. Единичный изслѣдователь находитъ свою награду въ новыхъ открытіяхъ, въ новыхъ побѣдахъ мысли надъ враждебной матеріей, въ красотѣ систематизированной области знаній, въ которой видна духовная связь между отдѣльными частями, гдѣ одно вытекаетъ изъ другого и все вмѣстѣ носитъ на себѣ слѣды господства духа. Онъ находитъ себѣ награду въ сознаніи, что и онъ внесъ свою лепту въ нарастающій капиталъ знанія, на которомъ основывается господство человѣчества надъ силами, враждебными духу.

Въ этомъ отношеніи всѣ науки имѣютъ одну общую цѣль—доставить духу господство надъ міромъ. Въ то время, какъ умозрительныя науки непосредственно стремятся къ тому, чтобы сдѣлать богаче и интереснѣе содержаніе умственной жизни, естественныя науки косвенно имѣютъ въ виду ту же цѣль, стремясь все болѣе и болѣе освободить человѣка отъ той зависимости, въ которой онъ находится по отношенію къ внѣшнему міру. Каждый единичный изслѣдователь работаетъ въ своей области, избирая себѣ тѣ задачи, къ разрѣшенію которыхъ онъ чувствуетъ себя наиболѣе способнымъ въ силу своей умственной организаціи и своего образованія. Каждый единичный работникъ долженъ помнить, что только совокупныя усилія всѣхъ могутъ подвинуть впередъ великое дѣло, и поэтому долженъ излагать результаты своихъ работъ въ доступной, по возможности, формѣ. Лѣтописи науки полны фактами, доказывающими взаимодѣйствіе между самыми отдаленными, повидимому, областями. Историческая хронологія зачастую опирается на астрономическихъ вычисленій солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, указанія на которыя содержатся въ древнихъ историческихъ сочиненіяхъ. И обратно, многія важныя астрономическія данныя, напримѣръ, время обращенія нѣкоторыхъ кометъ, основаны на свѣдѣніяхъ, дошедшихъ до насъ въ древнихъ историческихъ сочиненіяхъ. Общее языковѣдніе даетъ указанія о древнихъ родственныхъ отношеніяхъ, раздѣленіяхъ и переселеніяхъ племенъ въ доисторическія времена и о степени культуры, на которой они находились въ моментъ раздѣленія, потому что въ позднѣйшихъ языкахъ находятся общія названія тѣхъ предметовъ, которые эти племена уже умѣли называть въ то время. Такимъ образомъ, изученіе языковъ является для насъ источникомъ историческихъ свѣдѣній о такихъ эпохахъ, отъ которыхъ не со-

хранилось никакихъ другихъ историческихъ документовъ. Укажемъ еще на помощь, которую оказываетъ анатомія искусству ваянія, или археологіи, изслѣдующей древнія скульптурныя произведенія. Если въ заключеніе мнѣ дозволено будетъ упомянуть о своихъ собственныхъ работахъ, то я укажу на то, что физика звука и фізіологія звуковыхъ ощущеній дадутъ возможность построить основы нашей музыкальной системы, каковая задача преимущественно относится къ области эстетики.

Я коснулся здѣсь лишь въ немногихъ словахъ самыхъ рѣзкихъ примѣровъ взаимодействія между самыми отдаленными областями знанія. Что касается родственныхъ отдѣловъ науки, то взаимная связь между ними такъ очевидна, что я считаю лишнимъ останавливаться на ней.

Итакъ, слѣдовательно, каждый долженъ смотрѣть на себя, какъ на работника, участвующаго въ общемъ великомъ дѣлѣ, которое затрагиваетъ благороднѣйшіе интересы всего человѣчества, а не стремиться только къ тому, чтобы удовлетворять свою любознательность, преслѣдовать собственныя выгоды или блистать своими способностями. Великая задача университетовъ и состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать живую связь между всѣми изслѣдователями и всѣми отраслями знанія, какъ между собою, такъ и по отношенію къ ихъ общей цѣли.

Пер. А. М.

НА БАБЬЕМЪ ХУТОРЪ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЖИЗНИ СЪВЕРНАГО Кавказа).

I.

Въ степи надвигалась гроза. Огромная, темная туча, медленно ползла по небу, заволакивая его отъ края и до края. Низко спустилась она, окутала землю мракомъ, — степь потемнѣла. Съ крикомъ пронеслась стая испуганныхъ галоевъ и пропала гдѣ-то въ безконечной дали. Заяцъ, закинувъ уши на спину, перебѣжалъ дорогу. Налетѣлъ вихорь, завертѣлъ, закрутилъ, поднялъ кверху сухіе стебли и листья травъ и, свирѣпо играя ими, гналъ ихъ далеко, далеко... Зашумѣла высокая трава и припала въ землѣ, какъ дитя къ груди родной матери. Молнія разсѣкла небо, грянулъ громъ, полилъ косой, проливной дождь. Широкіе раскаты грома отдавались по степи съ такою силой и мощью, съ какою не могли бы соперничать всѣ пушки, мортиры и митральезы всѣхъ странъ и народовъ со всѣми своими новѣйшими усовершенствованіями, грянувшія разомъ.

Между тѣмъ вихорь понесся дальше. На мгновеніе онъ остановился передъ маленькимъ домикомъ съ соломенной крышей и со всего размаха ворвался въ открытое окно. Въ домикѣ всѣ переполошились. Маленькая старушка въ бѣломъ чепцѣ и темной шали, крестясь и нашептывая „да воскреснетъ Богъ“, поспѣшно закрывала окна. Старыя руки ея тряслись отъ волненія и страха, и никакъ не могли справиться съ покосившейся рамой, не прилегавшей вплотную къ своему мѣсту.

— Горпина! Дарья! Омельянъ!..—звала она встревоженнымъ голосомъ,—ой! сбѣгайте кто-нибудь, закройте окна, не случилось бы бѣды!..

Едва успѣли закрыть окна, какъ крупныя капли дождя съ гуломъ и свистомъ забарабанили по стекламъ и зашелестили по крышѣ.

— Ой, Господи! Ой, царица небесная!—и старушка заметалась по комнатѣ,—спаси, помилуй, сохрани и странника въ пути, и рыбака въ морѣ!.. Ну и громъ!.. А вѣтеръ-то, вѣтеръ такъ и свиститъ, такъ и воетъ...

— Счастье твое, Катруся, что на „хвѣлочку“ раньше прѣбхала, перепугалась бы въ степи съ дѣтворой одна-одиношенька!..—обратилась она вдругъ къ молодой женщинѣ, сидѣвшей въ этой же комнатѣ на старомъ потертомъ диванѣ. Она сидѣла неподвижно, уставившись, задумчивымъ, безстрастнымъ взглядомъ въ противоположный уголъ. Ясно было, что хотя она и глядитъ, но ровно ничего не видитъ и не замѣчаетъ; повидимому, она даже не слышала ударовъ грома, а если и слышала, то они казались ей ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило въ ея душѣ.

А дождь, съ шумомъ разсѣвая воздухъ, хлесталъ что было мочи; завывалъ вѣтеръ, гремѣлъ громъ; казалось, будто тысячеголовый сказочный змѣй летитъ съ гиканьемъ и свистомъ, стenanьемъ и воемъ, отъ котораго „темныя лѣса колеблются, листья съ деревьевъ осыпаются, рѣки изъ береговъ выливаются“. И маленький, безпомощный домикъ, затерянный въ необозримой степи, трепеталъ и содрогался всѣмъ своимъ дряхлымъ тѣломъ...

— Катруся, а Катруся! Что съ тобою? Отчего будто „хмара“ черная на тебя набѣжала?! —спросила старушка. Она сѣла рядомъ съ нею и взяла ее за руку. Молодая женщина вздрогнула.

— Маменька, голубочка,—внезапно заговорила она нервнымъ, взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ;—маменька, родная моя, не прогоняйте меня, пожалѣйте, куда я съ дѣтми пойду одна-одиношенька?..

Она закрыла лицо руками и заплакала.

— Господь съ тобою, Каруся, чего ты?! Я тебѣ мать родная, а развѣ мать прогонитъ свое дитя. Живи у насъ на хуторѣ, Богъ дастъ, хлѣба на всѣхъ хватить.

Сильный ударъ грома не далъ ей закончить, она остановилась на полусловѣ и набожно перекрестилась.

За перегородкой заплакалъ ребенокъ. Каруся встала и пошла его успокаивать. Старушка, глядя ей вслѣдъ, тихо качала головою. Хорошая это была старушка. Ея большіе,

ясные, голубые глаза смотрѣли печально, но ласково; душевная чистота, наивность, дѣтская вѣра, свѣтились въ нихъ; блѣдныя, съезжившіяся и немного запавшія губы что-то шептали; бѣлые, какъ снѣгъ, волосы, выглядывали изъ-за оборокъ чепца. Она сидѣла на диванѣ все въ томъ же положеніи, обвернувшись темною шалью, и теперь также растерянно смотрѣла передъ собою, какъ незадолго передъ тѣмъ ея дочь. Это были тѣже глаза, тоже выраженіе.

Напротивъ, у стѣны, стояла кровать съ высокимъ пуховикомъ и съ грудой пуховыхъ подушекъ; у окна столъ, покрытый цвѣтною скатертью; въ правомъ углу образъ Скорбящей Божьей Матери, передъ которымъ, по обѣщанію, всегда горѣла неугасимая лампада. На дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Раскаты грома становились все глуше и глуше; дождь уже съ меньшею силою барабанилъ въ окна и крышу.

— Та-а-къ! — послышался за перегородкой чей-то грубый голосъ, — хватило совѣсти! Отъ живого мужа притащиться къ матери, шутка? четверо дѣтей, сама пятая!! Да тутъ и мѣста нѣту! Сами кой-какъ перебиваемся!

— Перестань, Дарья! — противъ обыкновенія громко сказала старушка, стараясь придать своему голосу строгій отъѣнокъ.

— Не твое дѣло, а мое! Не твой хуторъ, а мой! Я тутъ хозяйка!

— Хозяйка?! Много въ васъ толку! Когда-бъ не я да не Дарья, такъ и куры васъ загребли бы!.. — возразилъ чей-то другой менѣе грубый голосъ.

— Ужъ и правда, хватило совѣсти!..

Черезъ нѣсколько времени вошла Катруся.

— Расскажи мнѣ, дочка, про Василья, бросила ты его, что ли? Или промежъ васъ кошка черная пробѣжала?

— Эхъ, маменька, не я его бросила, а онъ меня!

Она сѣла рядомъ со старушкой.

— Первые три года мы жили хорошо, а тамъ что было, что только было, родная моя! Сталъ водку пить, драться да хорошенькихъ любить... Только стали надо мной люди смѣяться. Дьячиха и говоритъ: „дура, дура, чего ты только смотришь, Василій-то твой что дѣлаеть, а ты молчишь, вся станица надъ тобой смѣется“. Какъ сказала она мнѣ это, такъ сердце у меня захолонуло... Стала выговаривать ему, — прибилъ, пьянствовалъ цѣлую недѣлю, съ станичнымъ атаманомъ подрался, въ писаряхъ онъ въ ту пору служилъ, такъ его съ писарей

и прогнали. Переѣхали мы въ городъ, еще хуже того пошло... Денегъ нѣту, мѣста нѣту, а ему и горя мало,—напьется, какъ стелька, ругается да дерется... Господи, сколько муки перенесла!

Бабушка слушала, качала головой и при каждомъ сильномъ порывѣ вѣтра крестилась и шептала: „Господи, помилуй, Господи, помилуй!“

— Только приходитъ онъ разъ въ обѣдъ домой тверезый. Ну, думаю, опаматовался! Сѣлъ, молчить и на меня изподлобья смотреть. Я къ нему, какъ къ доброму: Васенька, не хочешь ли кушать? Щи со свининкой у меня сегодня! Подала я ему все, какъ слѣдуетъ, сама присѣла къ столу. Гляжу, ѣсть хорошо... Отлегло у меня отъ сердца. Глянула я ему прямо въ глаза, да и говорю: Васенька, какъ-никакъ, а подумать пора и о мѣстѣ,—дѣти, вѣдь, у насъ!.. Какъ-хватить онъ кулакомъ объ столъ, миски забѣгали, да какъ гаркнетъ: „Пошла ты къ чорту, вѣдьма! Чтобъ и духу твоего здѣсь не было! Ъзжай къ матери!“ Не стерпѣла и я, гдѣ и голосъ взялся: „Къ матери?! Ея, что ли, дѣло твоихъ дѣтей кормить!“ А онъ схватилъ ножъ да ко мнѣ: „Зарѣжу-у!“ Прибѣжали сосѣди, розняли насъ. Съ переполоху, видно, въ ту же ночь я захворала. Голова огнемъ горить... Сердце колотится, ровнѣо на части разрывается; ни рукой, ни ногой двинуть силы нѣту... Не далъ онъ мнѣ и въ память придти. На другой день, утромъ, ходитъ по хатѣ, молчить. Я лежу, тяжко мнѣ, а и стонать боюсь. Только подходитъ онъ къ полкѣ, взялъ ножикъ и говоритъ: „Долго ли ты валяться будешь?! Ъзжай къ матери! Ты, говоритъ, жизнь мою заѣла, безъ тебя меня давно въ архіерейскіе пѣвчіе взяли бы... Всѣ говорятъ, что голосъ у меня хорошій. А не пойдешь, зарѣжу, вотъ этимъ самымъ ножомъ зарѣжу!“ И ко мнѣ съ ножомъ подступаетъ... Ничего я ему не сказала, собралась и поѣхала, не сердитесь, родная вы моя, ужъ я все для васъ, все для васъ...

Спазма сдавила ей горло, и она не договорила.

Слезы катились по впалымъ щекамъ старушки, губы съжились еще больше. Она положила свою руку на плечо дочери и сказала:

— Эхъ, Катря! Катря! Говорила тебѣ, не иди за него,—не послушалась! Полюбились тебѣ черные очи да черный усъ. Говорила, иди за дьячка Потала, какой смиренный, почтительный былъ дьячокъ, и въ церкви „апостола“ хорошо читаль... Не то, что твой извергъ...

— Нѣтъ, не говорите такъ, маменька, не говорите!! Люблю я его, больше себя, больше дѣтей люблю,—со страстью въ голосѣ сказала Катруся и порывисто поднялась съ мѣста.

— Какъ повернется, какъ взглянетъ, какъ поведетъ бровью, глянешь,—лучше его и нѣтъ человѣка!!.. А какъ затянетъ пѣсню!..

Она прислонилась къ стѣнѣ, сложила на груди руки и влажнымъ, блестящимъ взглядомъ смотрѣла передъ собою, будто припоминая что-то, будто къ чему-то прислушиваясь...

— Будетъ, Катруся, полно! Думками горю не поможешь... Никто, какъ Богъ, Его святая воля!..

Старушка стала на колѣни передъ образомъ. Она молилась всегда очень долго. Кромѣ установленныхъ молитвъ, она обыкновенно еще и сама импровизировала свои молитвы, подходящія къ ея нуждамъ и настроенію. Въ этотъ вечеръ она три раза повторяла: „утихомирь, Господи, душу раба твоего Василія, прости ему всѣ его согрѣшенія... направь его...“

Послѣ молитвы Катруся поцѣловала руку матери и тихонько вышла, осторожно прикрывъ за собой дверь. Старушка легла въ постель, но долго еще вздыхала, переворачиваясь съ боку на бокъ.

А вѣтеръ бушевалъ цѣлую ночь, звонилъ въ ставни убогаго домака, трепалъ соломенную крышу, завывалъ и злился, когда встрѣчалъ на пути какое-нибудь препятствіе; когда же ничто не мѣшало ему, онъ летѣлъ свободно, точно надъ всѣмъ смѣясь. Смѣялся надъ горемъ и радостью, слезами и первымъ поцѣлуемъ...

II.

Среди ровной, гладкой степи, въ полосѣ сѣвернаго Кавказа, стоялъ „Бабій хуторъ“. Такъ прозвали его окрестные казаки и арендаторы за исключительное преобладаніе въ немъ женскаго элемента. Онъ принадлежалъ Маріи Потаповнѣ Горобчыхъ, той самой старушкѣ, съ которой мы уже немного знакомы. Повойный мужъ Маріи Потаповны, природный кубанскій казакъ, былъ убитъ горцами при покореніи Кавказа въ чинѣ хорунжаго. Вдова и дѣти были надѣлены за его заслуги участкомъ земли десятинъ въ двѣсти*). Выдавъ за-

*) Подобными надѣлами, а зачастую и гораздо большими, въ двѣ и даже три тысячи десятинъ, было надѣлено значительное число должностныхъ лицъ. Это обстоятельство повлекло за собою крупныя недоразумѣнія. Еще со вре-

мужъ своихъ трехъ дочерей, Марія Потаповна, по ея выраженію, „умыла руки“; построила себѣ на своемъ участѣ домикъ и навсегда поселилась въ немъ, разчитывая прожить въ тишинѣ и покоѣ тѣ немногіе годы, какіе остались на ея долю. Она страстно привязалась къ своей землѣ и втайнѣ такъ гордилась ею, какъ не гордится, я думаю, миллионеръ своими миллионами, или какою-нибудь владѣтельный князь своими безконечными владѣніями. Очень часто въ хорошую погоду она уходила въ поле; сначала ея походка бывала медленной и неровной, но вскорѣ она становилась твердой и увѣренной, глаза разгорались огнемъ довольства и счастья, а въ головѣ мелькала неотвязная мысль, такъ льстившая ея самолюбію: „это вѣдь я по своей землѣ иду, по своей, по своей!“ И съ гордостью глядѣла она на степь, покрытую высокой, пахучей травой, до того высокой, что лошадей, когда ихъ выгоняли на пастбу, почти не видно было въ травѣ, на золотыя поля колосистой ржи, на распаханныя нивы... Въ эти минуты, по своей осанкѣ и выраженію, Марія Потаповна живо напоминала бабушку-королеву тѣхъ отдаленныхъ пастушескихъ временъ, когда короли сами обрабатывали землю, а королевы сами ходили на рѣку за водой. Почти всю землю Марія Потаповна по мелочамъ отдавала въ аренду большею частью переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній, которые, спасаясь отъ малоземелья, ищутъ счастья на окраинахъ Россіи. Цѣлыми массами толкуются они въ новомъ для нихъ краю, нѣкоторые, при благоприятныхъ условіяхъ, находятъ здѣсь осѣдность въ качествѣ арендаторовъ, а то и простыхъ работниковъ; другіе же, какъ „вѣчный жидъ“, идутъ дальше, а куда—и сами не знаютъ. Хвораютъ, мрутъ, уцѣлѣвшіе Христовымъ именемъ возвращаются на родину. Все это очень грустная и очень извѣстная исторія! Плату за пользованіе землей Марія Потаповна получала натурой: сѣномъ, овсомъ, пшеницей, просомъ—въ заранѣе условленномъ количествѣ. Съ небольшой семьей жить еще было можно. Но, какъ на бѣду, семья все росла да росла. Сначала переселилась къ ней овдовѣвшая

менъ Екатерины II-й кубанскіе казаки привыкли смотрѣть на свою землю, какъ на неотъемлемую собственность. Земля считалась «войсковою», т. е. принадлежностью казачьяго войска, но никакъ не отдѣльныхъ лицъ. Каждый казакъ имѣлъ право косить и пахать, гдѣ онъ хотѣлъ и сколько хотѣлъ; земли было много и съ избыткомъ на всѣхъ хватало. Новые порядки ограничили первоначальное казачье право. Казаки были недовольны, но современемъ должны были покориться, лишь изрѣдка проявляя теперь свое недовольство въ видѣ потравъ, захватовъ помѣщичьяго сѣнокоса, запашекъ помѣщичьей земли и т. п. мелкихъ земельныхъ неурядицъ.

старшая дочь Дарья; черезъ годъ вторая дочь Гарпина, и не одна, а съ мужемъ и тремя дѣтьми: мужу не повезло въ торговлѣ, онъ и задумалъ поправить свои дѣла на землѣ тещи. Все хозяйство старшая дочь забрала въ свои руки; вторая же дочь, тихая и недалекая, служила только отголоскомъ Дарьи во всѣхъ спорахъ и столкновенияхъ, какіе приходилось всѣмъ имъ вести съ арендаторами и сосѣдными казаками. Зять, Иванъ Андреевичъ, былъ человѣкъ богобоязненный, любившій пересыпать свою рѣчь текстами изъ священнаго писанія. На первыхъ порахъ онъ съ жаромъ принялся было за хозяйство, но послѣ первой же перепалки съ Дарьей, плюнулъ и ушелъ въ сосѣдній уѣздный городъ, гдѣ нанялся церковнымъ сторожемъ, оставивъ жену съ дѣтьми на хуторѣ.

Въ семьѣ не было ровно никакого единства, никакого согласія; каждый, какъ говорится, „тащилъ“ въ свою сторону, вовсе не заботясь объ общихъ нуждахъ. Не было и рѣчи о томъ, чтобы починить домикъ или службы. По этому поводу Дарья про себя разсуждала такъ: какъ маменька умретъ, то землю дѣлить придется, хату продавать да поровнѣ дѣлить, зачѣмъ же ее чинить, лучше я тѣ деньги себѣ „сховаю“. И она „ховала“; подъ половицей у печки у нея былъ свой тайничокъ, куда она припрятывала рублевки и трехрублевки, такъ какъ отчета у нея никто не спрашивалъ. Домикъ между тѣмъ давно уже покосился, крыша обветшала, но, несмотря на то, что и всѣ другія постройки стояли не особенно бодро, и что во всемъ этомъ крохотномъ хозяйствѣ не замѣтно было сильной мужской руки, хуторъ, при бѣгломъ взглядѣ на него, не производилъ удручающаго впечатлѣнія и не наводилъ на невеселыя мысли о несовершенствахъ и неурядицахъ нашей жизни. Домикъ, казалось, говорилъ самымъ добродушнымъ образомъ: „ну, что жъ, я покосился, но нисколько не съѣтую на это, и этакъ-то еще долго простою, войдите, пожалуйста!“

И вамъ невольно хотѣлось войти въ него.

Около дома было воткнуто въ землю нѣсколько жердинъ, по которымъ легко и красиво вился зеленый хмель; съ жердинъ онъ перевѣшивался на крышу, отъ времени поросшую темно-зеленымъ бархатнымъ мохомъ, и ползъ по ней, образуя затѣйливыя гирлянды. Нѣсколько яблонь и вишенъ росли подлѣ дома, нѣсколько грядъ съ неизмѣнными подсолнечниками, тыквами и огурцами, раскинулись въ полномъ беспорядкѣ, вскопанныя кое-какъ на скорую руку. За дворомъ

высился большой стогъ сѣна съ шестомъ на верхушкѣ. Еще дальше блестѣла на солнцѣ поверхность небольшого „ставка“ (пруда); черезъ ставоеъ протекала рѣчонка Яга, терявшаяся затѣмъ гдѣ-то въ степи. Подъ стогомъ обыкновенно почивалъ заслуженный пестъ Рябедъ, съ сбившимся, какъ войлокъ, хвостомъ и болтающимися ушами. Единственная корова чувствовала себя въ своемъ хлѣвѣ недурно, а толстобокая кобыла, прозванная „Куцой“ за свой короткій хвостъ, который почему-то никогда не отросталъ, не имѣла понураго вида, и тоже ничѣмъ не выражала своего неудовольствія. За лошадю присматривалъ дѣдусъ Емельянъ, старый служивый изъ севастопольскихъ героевъ, потерявшій одинъ глазъ при оборонѣ этого города. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ случайно забрелъ на „Бабій хуторъ“, прося милостыни. Марья Потаповна, увидѣвъ на его груди много медалей и орденовъ, такъ странно выдѣлявшихся на нищенскихъ лохмотьяхъ, заинтересовалась имъ, напоила его, накормила; старикъ разговорился, разсказалъ про „страженіе“, про „хранцуза“ и „англичана“. Марья Потаповна растрогалась, вспомнила и о своемъ покойномъ воинѣ, вздохнула и даже всплакнула немного.

— Оставайся-ка, дѣдусъ, у меня на хуторѣ, — сказала она, — ну, хоть за Куцымъ приглянешь, конь у меня куцый, а вучерь будетъ кривой, одно въ одному, чтобъ коню не въ обиду!

И дѣдусъ остался, представляя въ лицѣ своемъ единственнаго мужчину на „Бавьемъ хуторѣ“. Благодарность Емельяна не имѣла границъ и, желая еще болѣе отѣннить свое уваженіе и преданность, онъ называлъ Марью Потаповну не иначе, какъ „ваше благородіе“.

Такъ и жили они изо дня въ день, довольствуясь тѣмъ, что давала имъ жизнь, безъ особыхъ запросовъ и требованій. Одно только обстоятельство нарушало спокойствіе хутора — это мысль о разбойникахъ. Еще со временъ покоренія Кавказа сохранилось много легендъ о набѣгахъ горцевъ, о томъ, какъ они раззорали казацкія станицы, людей уводили въ плѣнъ, угоняли скоть.

И хотя многое съ тѣхъ поръ перемѣнилось, горцы уже потеряли свой первобытный хищный характеръ, но Марья Потаповна все еще жила по старинѣ подъ страхомъ нападенія мѣлическихъ разбойниковъ и взбунтовавшихся черкесовъ.

Какъ бы для разнообразія, между сестрами иногда вспыхивали ссоры изъ-за тысячи разныхъ мелочей.

— А-а-а!.. себѣ купила козловые полусапожки, а мнѣ юфтовыя!—протестовала Горпина. Дарья въ такихъ случаяхъ или высокомѣрно молчала, или же, если бывала не въ духѣ, принималась такъ кричать и браниться, призывая всѣхъ злыхъ духовъ на голову сестры, что послѣдняя сама бывала не рада, что „зацѣпила“ ее. Горпина съ ожесточеніемъ уходила изъ комнаты, не позабывъ сказать на прощанье:

— У! зелье! Не даромъ тебя арендатели „бѣсовой бабой“ окрестили!..

→ Ха-ха-ха!—злобнымъ хохотомъ разражалась Дарья, и долго еще продолжала отчитывать и кричать, хотя бы въ комнатѣ уже никого больше не было.

— Уже завелись!—воскликнула Марья Потаповна. Лѣтомъ она сейчасъ же уходила въ поле, а зимою набирала въ ротъ святой воды и прыскала въ Дарью, стараясь такимъ образомъ остановить потокъ ея краснорѣчія. Удивительнѣе всего, что такое средство всегда оказывалось дѣйствительнымъ. Дарья растирала мелкія брызги по своему раскраснѣвшемуся лицу и постепенно успокаивалась. Но подобныя сцены бывали не часто, и Горпина, и Марья Потаповна старались не раздражать Дарью и во всемъ ей уступали. Вдругъ неожиданный прїѣздъ Катруси вселыхнулъ тину ихъ всенедней жизни, поставилъ рядъ непріятныхъ вопросовъ передъ мысленными очами Дарьи, и даже Горпины... Затосковала Марья Потаповна, печалась о судьбѣ своей любимой Катри... И старый дѣдусь Емельянъ вздыхалъ, покачивая лысой головой и мигая подслѣповатымъ глазомъ.

— Ну, а куда теперь похоть, ваше благородіе, хлѣбушка-то теперя на всѣхъ не хватить! Куда моя сума дѣвалась, лѣшій ее возьми!..

И онъ копошился въ своей коморѣ, отыскивая пропавшую суму.

III.

На другой день раньше всѣхъ поднялась Дарья.

— Вставайте, вставайте! Громадыть (сѣно грабить) треба!—говорила она, расталкивая Горпину и Катрю.

— Швыдче! Швыдче! И ты, соломенна писарьша, не выспаться къ намъ прїѣхала, и тебѣ дѣло найдется!

Марья Потаповна попробовала было вступиться за Катрю, говоря, что ей слѣдовало бы еще отдохнуть съ дороги.

— Отдохнуть съ дороги?! Подывитесь люди добры!—съ негодованіемъ вскричала Дарья и подняла руки вверху, будто и въ самомъ дѣлѣ призывая въ свидѣтели людей добрыхъ...

— Или она другого роду! Или у нея руки медовы! Или у нея грошей куры не клюютъ! Она будетъ сидѣть, а мы на нее работать! Четверо дѣтей рты пораскрывали, сама пята... Такъ мы жъ не „крѣпачки“!..

— Не крѣпачки, не крѣпачки!—вторила Горпина, появляясь платкомъ, уже готовая идти на работу.

Встрѣтивъ такой дружный отпоръ, старушка сразу отступилась.

Закинувъ грабли на плечи, сестры отправились. До сѣнокоса нужно было пройти версты съ двѣ. Яркое, горячее солнце взошло надъ степью. Оно выплыло какъ-то вдругъ, внезапно, и степь сразу измѣнилась. Кто могъ бы повѣрить теперь, глядя на нее, что въ ней когда-либо проносятся грозы, вихри, ураганы. Вокругъ было тихо—ни вѣтерка, ни звука. Въ высокой травѣ сверкали брилліантовые росинки, играя на солнцѣ тысячами огней и переливовъ. Небо чистое, безоблачное, синее, какъ море, только еще болѣе глубокое и недосыгаемое, оно высилось надъ степью съ тѣмъ величественнымъ покоемъ, для котораго не найдется сравненій на человѣческомъ языкѣ... Не прошли они и половины дороги, какъ Дарья остановилась, заслонила глаза рукою отъ солнца и подозрительно стала вглядываться въ степную даль, откуда доносилось лязганье косъ и гулъ множества голосовъ. Дарья ничего не сказала, но глаза ея блеснули недобримъ огонькомъ. Она сдвинула брови и прибавила шагу. На широкомъ дугу выстроились въ рядъ человѣкъ двадцать косцовъ. Они косили дружно, молодцовато гикая и выкрикивая за каждымъ взмахомъ косы; трава ложилась правильными рядами, косцы подвигались впередъ, ни на іоту не отставая и не опережая другъ друга, такъ что въ общемъ получался только одинъ размѣренный взмахъ двадцати могучихъ рукъ.

— Казаки! Казаки! Наша трава! Наша!—не своимъ голосомъ вскричала Дарья,—разбойники!!

Но никто изъ казаковъ не обратилъ ровно никакого вниманія на ея крикъ. Нѣкоторые лишь усмѣхнулись въ бороду и продолжали свое дѣло съ прежнимъ рвеніемъ и порядкомъ.

— На нашей землѣ косите!—кричала Дарья,—наша межа по рѣку Ягу! Пошли къ чорту съ нашей земли!

— А де вінъ живе?—хладнокровно спросилъ одинъ изъ

казаковъ, выступая изъ перваго ряда и подходя къ Дарьѣ. Онъ заломилъ на бекрень свою барашковую шапку, подбоченился и вызывающе глядѣлъ на свою противницу. Та, не долго думая, вцѣпилась обѣими руками въ бороду казака...

— Ой, караулъ!! Ратуйте добры люди, баба навязалась!—съ отгѣнкомъ комическаго страха въ голосѣ вскричалъ молодой казакъ и отпихнулъ Дарью отъ себя съ такою силою, что та отлетѣла отъ него на довольно значительное разстояніе, сжимая въ рукѣ влокъ темныхъ волосъ. Гомерическій хохоть разнесся по степи. Казаки побросали косы и столпились въ одну кучу. Остроты, одна другой язвительнѣе, посыпались со всѣхъ сторонъ.

— Хоть ты и „бісова“, а все-таки баба,—сказалъ одинъ казакъ съ открытой высокой, волосатой грудью,—и не тобѣ спориться съ нами! Земля наша, Катерина намъ подарувала!

— А покажите бумагу!—выкрикнула Дарья, вся краснѣя отъ волненія.

— Ось тобѣ бумага!—сказалъ, подбѣгая, другой казакъ, и подставилъ ей кулакъ подъ самый носъ.

— Въ Сибирь васъ, на каторгу! Буду жаловаться, не оставлю,—вопила Дарья,—разбойники! Изверги! Чтобъ вамъ ни дна, ни покрывки! Чтобъ и кони ваши подошли отъ сиротской травы!.. Чтобъ и вы сами попухли! Чтобъ и дѣтямъ вашимъ и внукамъ добра не было! Буду жаловаться! Въ городѣ разберутъ,—въ острогъ посадятъ! У-у-у, каторжные...

Казаки смѣялись, чѣмъ еще болѣе раздражали взбѣшенную Дарью. Она продолжала выкрикивать, все болѣе и болѣе ускоряя темпъ, бормоча какія-то безсвязныя слова, сильно жестикулируя и подступая все ближе и ближе къ казакамъ. Платокъ у нея съѣхалъ съ головы, волосы растрепались, лицо горѣло.

— А, ну-ка, Андрій, попугай бабу... А де у насъ ружье?! Андрій взялъ ружье и выпалилъ холостымъ зарядомъ. Перепуганная Дарья при дружномъ всеобщемъ хохотѣ, напутствуемая выстрѣлами, бросилась бѣжать домой что было духу. Горпина и Катря послѣдовали ея примѣру. Прибѣжавъ домой, Дарья сейчасъ же велѣла Омельяну запрягать Куцаго въ легкій возокъ, служившій, главнымъ образомъ, для поѣздокъ въ городъ, а сама, не теряя ни минуты, достала изъ сундука свое самое парадное платье изъ зеленого люстрина съ двумя оборками, старинную, черную бархатную кофту съ длинной бахромой и синій шелковый платокъ съ желтыми разводами,

и стала одѣваться. Лицо ея при этомъ приняло строгое, недоступное и въ то же время торжественное и дѣловое выраженіе. Она одѣвалась молча, молча нѣсколько разъ принималась натирать мыломъ свое красное лицо, молча приглаживала волосы, и лишь одно тяжелое, прерывистое дыханіе выдавало ея внутреннее состояніе. Всѣ домашніе съ изумленіемъ и любопытствомъ смотрѣли на всѣ эти приготовленія; но никто не рѣшался спросить, что все это значить. Наконецъ, Горпина не выдержала.

— Ты въ городъ, чі куды? — спросила она несмѣлымъ заискивающимъ голосомъ.

— Уже „закудыкала“! *) Сказано дурна! Добра не будеть! — огрызнулась Дарья, твердой и рѣшительной походкой направляясь къ возу. Въ этотъ день досталось Куцому, какъ никогда: онъ на своей спинѣ извѣдалъ дурное настроеніе своей хозяйки и даже прибавилъ шагу, что съ нимъ рѣдко случалось.

Ужъ не въ первый разъ происходили подобныя происшествія на „Бавьемъ хуторѣ“, но никогда еще не совершались они съ такой безцеремонностью. Дарья рѣшила жаловаться. Марія Потаповна возложила на нее большія надежды, предполагая, что „Дарья, хотя и въ городѣ, а никому спуску не дастъ, всѣмъ тамъ отъ нея на орѣхи достанется“.

Прошло нѣсколько дней, а главная управительница и гроза „Бабьяго хутора“ не возвращалась. Наконецъ, какъ-то вечеромъ Куцый притащилъ возокъ съ Дарьей къ дому и остановился, вполне увѣренный на этотъ разъ въ томъ, что дальше его не погонять.

— Мое вамъ почтеніе!! Чі живы, чі здоровы?! — весело говорила она, входя въ хату и кланяясь въ поясъ. Глаза ея блестя, на щекахъ игралъ густой румянецъ, станъ держался прямо, голова игриво склонялась на бокъ. Это было то легкое и пріятное опьяненіе, когда человѣкъ не прочь и поплясать, и пѣсню спѣть и, кажется, если бы въ это время раздались гдѣ-нибудь по близости звуки какого-либо плясваго мотива, то Дарья не выдержала бы и, подбоченясь, пошла бы притоптывать каблуками и тонкимъ голосомъ выводить дразнящіе переливы плясовой пѣсни.

---

*) У малороссовъ существуетъ примѣта: если кто-нибудь собирается по дѣлу, то никогда не слѣдуетъ спрашивать: куда? Не то можно «закудыкать», послѣдствіемъ чего будетъ неудача.

— Чи живеньки—здоровеньки?!—повторила она, обводя присутствующих веселымъ, жизнерадостнымъ взглядомъ.

— Чего ты?!—сказала Марья Потаповна, удивленно косясь въ сторону Дарьи.

— А то, что въ воскресенье гости къ намъ пожалуютъ. Сватовъ дожидайте!..

Всѣ остолбенѣли...

— Кого жъ ты просватала?!...

— Кого?! вже не васъ! Сама замужь пойдю!

Лица всѣхъ вытянулись. Но въ эту рѣшительную минуту Марья Потаповна, несмотря на свою кротость и подчиненное положеніе, почувствовала, что она все-таки мать и глава семьи, что она должна же сказать что-нибудь; что она не должна допустить такого легкомысленнаго шага.

— Побойся Бога,—сказала она, безпомощно разводя руками,—тебѣ на пятый десятокъ повернуло!.. Сдурѣла ты, что ли, на старости лѣтъ?..

— Можетъ, и сдурѣлъ кто, да не я! Что жъ, я не за молоденькаго! Человѣкъ „поштенный“, достаточный, на шестомъ десяткѣ! Вдовецъ, а дѣтей нѣту!..

— Эхъ, дочка, дочка! Правду старые люди ваютъ: „у вдовы два норовѣ, а у вдівца нема-й кінца“ *). Я думала, ты за діломъ въ городъ поѣхала!..

— За діломъ!? Мало я по вашимъ дѣламъ по городу бѣгала! Топала, топала по городу! У самого старшаго начальства была. Что съ ними дѣлать!? Одного дома нѣту, другой на крестинахъ, третій смѣтается, четвертый говоритъ: дожидайтесь генеральной межи. А когда она будетъ, и самъ не знаетъ. Зло меня взяло! А теперь хозяйнѣ на хуторѣ будетъ, мужчина! Казакамъ на остраску!

Такъ въ этотъ вечеръ отъ нея больше ничего и не добились.

IV.

Въ воскресенье, въ обѣденную пору, къ „Бабьему хутору“ подѣхала таратайка. Вся она была окована желѣзомъ и окрашена синей масляной краской. Лошадь сытая, въ прочной, хозяйственной, упряжи. При первомъ взглядѣ и на лошадь, и на таратайку, сейчасъ же приходило въ голову, что, какъ то, такъ и другое, непременно должно принадле-

*) У вдовы два норова, а у вдівца нѣтъ и конца.

жать человѣку домовитому, почтенному и серьезному. Ничего не было лишняго, — все было основательно, практично и прочно. Изъ таратайки медленно вылѣзъ высокій, худощавый человѣкъ въ сѣромъ, грубаго сукна, пиджакѣ и черномъ картузѣ. Его темные, съ сильной просѣдью, волосы были острижены въ скобку; борода напоминала козлиную; носъ, довольно длинный, слегка пригибался къ верхней губѣ, отчего во всей фізіономіи было что-то птичье, глаза глядѣли пронизательно и увѣренно. Онъ привязалъ лошадь къ тыну, затѣмъ опять подошелъ къ таратайкѣ, досталъ какой-то свертокъ и направился къ дому. Принарядившаяся Дарья суетилась около самовара, Марья Потаповна сидѣла за столомъ.

— Будьте здоровы, Дарья Ивановна, мое вамъ „поштеніе“, Марья Потаповна! — сказалъ пріѣзжій, снимая картузъ и низко кланяясь.

— И мое вамъ почтеніе! — весело затараторила Дарья, — а я васъ уже давно дожидаясь, самоварчикъ поставила... Садитесь, садитесь! Чайку съ дороги выпейте!..

— Нѣтъ, Дарья Ивановна, вы моего „карактера“ еще не знаете; у меня такое заведеніе: кончу дѣло, тогда ѣмъ и пью, а не кончу — въ ротъ ничего не возьму...

Онъ сѣлъ на стулъ и вопросительно взглянулъ на Марью Потаповну. Старушка молчала и какъ-то растерянно кивала головою, а Дарья легонько толкала ее локтемъ въ бокъ, будто приглашая обратить вниманіе: „каковъ, молъ, каковъ!“

— Почтеннѣйшая Марья Потаповна, — продолжалъ между тѣмъ гость, — мы съ Дарьей Ивановной уже столбовались, онѣ вѣдь не маленькія, не дѣвица, могутъ дѣла и безъ мамашеньки кончать... Есть у меня тутъ одна зацѣпочка! Сказать вамъ по правдѣ, купилъ я недавно участочекъ земли рядомъ съ вашей, бокъ-о-бокъ, что у „Кривой балки“... Благословите насъ, маменька, отрѣжьте намъ десятинь этакъ съ пятьдесятъ рядомъ съ моимъ участкомъ, оно мнѣ сподручно будетъ!..

Марья Потаповна взволновалась. Отдать землю, землю, это дѣтище и утѣшеніе, кормилицу... Нѣтъ, этого она не могла сдѣлать.

— Не буду дѣлить, не буду... Послѣ моей смерти какъ знаютъ...

— Маменька, — вѣрачивымъ голосомъ продолжалъ гость, — а я вамъ уже и подарочекъ привезъ, чернаго люстринцу на платьѣ, — вотъ извольте получить!..

И онъ подалъ ей свертокъ.

— Такъ ударимъ по рукамъ, что ли?!

— Нѣтъ! Не буду дѣлать, не буду!—сказала Марья Потаповна, и потушилась.

— Да вѣдь онъ у васъ въ совершенныхъ лѣтахъ,—возвышая голосъ и подымая указательный палецъ въ сторону Дарьи, говорилъ онъ,—имъ и по закону полагается получить малую толику изъ наслѣдія ихъ покойнаго родителя!..

Марья Потаповна угнетенно молчала.

— А противъ закона нельзя идти-сь!..

— Ахъ, какой вы, Ѳеодоръ Игнатьевичъ,—вмѣшалась Дарья,—а еще умнымъ человѣкомъ считается; чего безпокойтесь, изъ-за чего горячку порете?! Долго ли маменькѣ на семь свѣтъ жить осталось! Годикъ, другой протянетъ, а тамъ наша воля будетъ! Чего вы?!..

Ѳеодоръ Игнатьевичъ на минуту задумался.

— Такъ-то оно, такъ,—сказалъ онъ наконецъ.—По рукамъ, что ли?..

— По рукамъ, Ѳеодоръ Игнатьевичъ, по рукамъ, не безпокойтесь, я свое всегда стребую!..

Черезъ недѣлю сыграли свадьбу. Вѣнчались въ городѣ. Свадьбу сыграли непышную: и женихъ, и невѣста были люди немолодые, и, какъ люди расчетливые, ограничились тѣмъ, что послѣ вѣнца устроили на хуторѣ самый скромный ужинъ и уѣхали въ городъ. Поселиться съ тещей новый зять отказался на-отрѣзъ...

Наступила тишь да гладь, да Божья благодать. Радовалась и Марья Потаповна, и Катря, и Горпина, однимъ словомъ, всѣ, начиная съ хозяйки и кончая Емельяномъ и Куцымъ. Марья Потаповна даже удивлялась, какъ это она сначала отговаривала Дарью отъ этого брака! А теперь и Дарья нѣтъ, и земля осталась... Чего же еще надо?! Съ арендаторами начались самыя благодущныя отношенія; они платили, сколько хотѣли и когда хотѣли. Но что до этого? Зато все было тихо, согласно и спокойно!.. Одна лишь Катря часто втихомолку плакала, худѣла, блѣднѣла и съ каждымъ днемъ становилась все задумчивѣе и задумчивѣе.

— И чего это ты по немъ сохнешь?—часто говорила ей мать.—Плюнь ты на него!..

— Улюбилась у своего прудыуса*), якъ чортъ у суху вербу!..—неизмѣнно замѣчала Горпина.

*) Франта.

— Оставьте, маменька, не говорите такъ! Отъ вашихъ словъ мнѣ еще тяжелѣе на сердцѣ,—говорила Катря и уходила изъ комнаты.

Она ему давно уже „все“ простила. Ни днемъ, ни ночью не находила покоя, думала, предполагала: гдѣ-то онъ теперь? Поступилъ ли въ архіерейскіе пѣвчіе? Хорошо ли ему безъ нея? Вспоминаетъ ли о ней? А что, если вспоминаетъ?! А можетъ быть, есть другая? Но развѣ кто-нибудь на свѣтѣ можетъ любить его больше, нежели любить она?! Богъ дастъ, придетъ время, вспомнитъ онъ о ней, вспомнитъ и прилетитъ за нею, и заживутъ они такъ дружно и согласно, какъ не жили и въ первые дни послѣ свадьбы... А то забыть?!.. И горько ей становилось, и она готова была наложить на себя руки отъ одной этой мысли... А можетъ быть, онъ тамъ теперь одинъ-одинешенекъ, безъ мѣста, безъ денегъ, голодный, холодный... И ей хотѣлось бѣжать отсюда къ нему, утѣшить его, приголубить... Разъ она полоскала бѣлье въ рѣкѣ. Колотила валькомъ, что было силы; брызги летѣли во всѣ стороны, пузыри по водѣ вздувались и лопались. Рѣчка катила свои маленькія волны все дальше и дальше, туда „къ нему“, какъ казалось Катрѣ; солнце заходило тоже въ ту сторону. Степной, вечерній вѣтеръ навѣвалъ многое, отчего усиленно начинало биться сердце. И она работала валькомъ еще сильнѣе и напряженнѣе, чтобы заглушить въ себѣ все то, что наболѣло и что душило ее, какъ тяжелый камень.

Вдругъ кто-то тихонько окликнулъ ее по имени:

— Катря!..

Но она не оглянулась. Она привыкла уже къ тому, что въ послѣднее время ей все чудилось, будто ее кто-то кличетъ. Она заставила себя не оглянуться и продолжала свое дѣло еще съ большимъ рвеніемъ.

— Катря!!—послышалось опять, нѣсколько громче.

Катря не вытерпѣла, оглянулась,—и валець выпалъ у нея изъ рукъ, и въ глазахъ потемнѣло. Не сошла ли она съ ума?! Не во снѣ ли она видитъ?! Передъ нею стоитъ „онъ“, онъ самый и говоритъ:

— Здравствуй же, Катря, здравствуй!..

Когда у Катри улеглось немного первое волненіе отъ этой неожиданной встрѣчи, она сѣла на берегу, и онъ повелъ длинную рѣчку. Онъ былъ и въ самомъ дѣлѣ очень красивый мужчина. Черные, блестящіе глаза, черные усы и брови, темные, волнистые волосы, они такъ и заколыхались мягкими прядями по вѣтру,

когда онъ снялъ свою барашковую шапку и сталъ разглаживать рукой свой высокій, бѣлый лобъ. Катря заглядѣлась на мужа.

— Я вѣдь и самъ не радъ, что я такой „скаженный“ *)! Что жъ? Ничего съ собой сдѣлать не могу... А безъ тебя, все-таки, скучно. Никто не умѣетъ мнѣ угодить такъ, какъ ты. Никто. Какъ ты уѣхала, я сейчасъ такого трезвону задамъ, вѣсь чертямъ тошно стало... Гдѣ только меня не было?. Черезъ недѣлю этакъ, я опохмѣлся, приодѣлся получше и пошелъ къ регенту—въ пѣвчіе проситься... А онъ, каналья этакій, голосъ испробовать—испробовалъ, а принять не принялъ! Ясное дѣло! Изъ зависти, подлая его душа, побоялся, что я его на высокихъ мѣстахъ перетяну...

Катря слушала, боясь проронить хоть одно слово, а слезы, помимо ея воли, катились по ея щекамъ. И знаетъ вѣдь она, что онъ не любитъ, когда она плачетъ! А вотъ не удержать ихъ, постылыхъ, такъ и текутъ, и текутъ.

— Да и то надо сказать,—продолжалъ Василій,—и голосу у меня въ ту пору настоящаго не было, какой ужъ голосъ послѣ гульбы да пьянства... Только знаешь что, Катря, задумалъ я это дѣло бросить. Дѣти вѣдь у насъ. И мнѣ уже четвертый десятокъ пошелъ. Пора намъ „хозяйновать“... Скажи напередъ, ты должно уже все матери про меня рассказала?..

Онъ испытующе взглянулъ на Катрю. Она виновато опустила глаза.

— Ну, такъ и есть, все „разлибзовала“... Сякой, такой, молъ, у меня мужъ. А развѣ хорошая жена такъ когда скажетъ?! Эхъ, ты!—съ искренней горечью въ голосѣ сказалъ онъ и махнулъ рукой.

— Видитъ Богъ, Васенька, я тогда сама не своя была; какъ прогналъ ты меня съ дѣтьми—все у меня въ головѣ помѣшалось... Прости ты меня!..

Она схватила его руку и поцѣловала.

— Ну, тогда не знаю, какъ и быть?!—сказалъ онъ, видимо тронутый.—А я, видишь ли, что надумалъ, хотѣлъ у маменьки просить, пусть она отрѣжетъ намъ участочекъ земли, только какъ слѣдуетъ, по закону, „въ пріймы“ я не пойду... И стали бы мы съ тобой „хозяйновать“! Никуды я больше не пошелъ бы, построили бы себѣ хуторъ и жили бы, какъ и люди...

— Катря! Вечерять!..—послышался голосъ Марьи Потаповны. Василій быстро схоронился за вербы.

*) Сумасшедшій.

— Ступай! Скажи, что я тутъ, а потомъ меня влиكنешь!..

Стемнѣло, звѣзды зажглись на небѣ; крупныя и блестящія, онѣ какъ-то особенно выдѣлялись на темносинемъ фонѣ южной ночи, и мигали, и вспыхивали, и переливались разными огнями. По вѣтру откуда-то изъ глубины степи донеслось ржанье и храпъ коней, выгнанныхъ на ночь въ поле. Старый Рябко, для острастки, на всякій случай, залаялъ хриплымъ, дребезжающимъ лаемъ, и смолкъ...

Василій лежалъ на спинѣ и думалъ, какъ-то онъ поведетъ свое хозяйство, какія будутъ у него поля, огороды; какъ онъ устроить здѣсь настоящій рай, лишь бы согласилась теща.

— Скорѣй, скорѣй!—говорила на ходу Катря, радостная и сіяющая. Марья Потаповна радовалась не меньше дочери тому, что Богъ, наконецъ, услышалъ ея молитвы и „воротилъ Василю на путь истины“. Василій подошелъ къ ней и поцѣловалъ у нея руку.

— Ну, садись, садись! Ахъ, ты „дзыга, дзыга“ *)! Хорошо еще, что съ повинною пришелъ! А Катря по тебѣ сохла, какъ былина въ полѣ! Эхъ! Василій, Василій, въ кого ты таковой уродился, нехорошо ты живешь, жизнь твоя за грѣхъ тебѣ на томъ свѣтѣ зачтется.

— Будетъ! Не отчитывайте! Самъ хорошо знаю.

— А знаешь и все, какъ слѣдуетъ, чувствуешь, такъ брось худыя дѣла, брось пьянство, возмись за умъ, не мучь ни жены, ни дѣтей! Ищи мѣста... А можетъ, ты уже и нашель, а теперъ надумался и за женой пріѣхалъ?!

Василю слегка покорило. Въ глазахъ забѣгали огоньки.

— Надуматься-то я надумался, да только по другому. Хочу васъ, маменька, просить: отдѣлите намъ участочекъ земли, какъ слѣдуетъ, по закону... И будемъ съ Катрею хозяйновать... Брошу я тогда худыя дѣла! Вотъ хоть передъ образомъ побожиться.

Онъ всталъ передъ образомъ и три раза перекрестился широкимъ крестомъ, опять сѣлъ и внимательно слѣдилъ за выраженіемъ лица старушки.

Нѣсколько времени оба молчали.

— Нѣтъ, Василій, нечего по пустому „балакать“! Гдѣ тебѣ хозяиномъ быть,—сказала наконецъ Марья Потаповна, качая головою;— зачѣмъ божиться?! Только понапрасну Бога гнѣвить. Не будетъ добра! О-охъ, не будетъ!

*) Волчокъ.

Василій вспыхнулъ.

— Такъ вы и кресту моему не вѣрите?! Что я, жидъ по вашему, что ли?

— Нѣтъ, не будетъ добра, чувствуетъ мое сердце, что не будетъ...

— Нечего въ ступѣ воду толочь, говорите толкомъ, дадите земли или нѣтъ?—сказалъ онъ и приподнялся.

— Ты, Василій, не сердись, а дать тебѣ земли не могу, нѣту моей вѣры, нѣту...

— А почему такъ?—вызывающе вскричалъ Василій.

— А потому,—сказала Марья Потаповна съ внезапно охватившею ее смѣлостью и рѣшимостью;—потому, что ты того и не стоишь... Ты Катрю чуть на тотъ свѣтъ не загналъ, черезъ тебя она и день и ночь слезами умывается, черезъ тебя въ щелку высохла...

— А!.. Такъ вы попрекать, попрекать меня, Василія Голушку!.. У-у!.. Бабье поганое!..—закричалъ Василій, сдвигая свои черныя брови...

— А то развѣ тебѣ медомъ языкъ намазать, да въ ноги поклониться за всѣ твои дѣла поганья, безпутныя...

— Замолчи, старая вѣдьма!!.. — еще громче вскричалъ Василій.

— Много я тебѣ молчала, теперь не замолчу, а за то, что ты стараго человѣка ругаешь, пусть тебѣ на томъ свѣтъ сгадается...

Василій выпрямился во весь свой могучій ростъ.

— Такъ не дашь?!!

— Не дамъ.

— Такъ вотъ же тебѣ! Вотъ тебѣ! Чтобъ помнила Голушку... Вотъ тебѣ!!..

И, потерявъ всякое самообладаніе, онъ рванулся къ Марьѣ Потаповнѣ и своими мощными кулаками сталъ наносить ей удары, куда попало.

— Вотъ тебѣ, старая вѣдьма, за твои злыдни! Что?! Не дашь земли? Не дашь? Не дашь?..

Марья Потаповна безпомощно упала на лавку и почти лишилась чувствъ. Въ эту минуту вбѣжала Катря, смертельно блѣдная и растерянная. Она — какъ держала въ рукахъ только что слѣпленный вареникъ, такъ съ нимъ и вбѣжала.

— Вася, Васенька!! Брось! Оставь! На, бей меня, меня бей! Не тронь маменьку!..—говорила она задыхаясь, хватая Василія за плечо. Онъ ограничился лишь тѣмъ, что на ходу

даль ей здороваго тумака и стремительно вышелъ изъ комнаты, пробурчавъ хриплымъ голосомъ:

— У-у!.. Тихоня! Язва!..

V.

Марья Потаповна захворала. Прошло нѣсколько дней, она все еще не могла оправиться. Она лежала на кровати, от-вернувшись къ стѣнѣ, не хотѣла никого видѣть и почти не принимала пищи. Особенно она не выносила присутствія Кятри и ея дѣтей. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, такимъ образомъ, сдѣлалась Горпина. Долго ломала она голову, какъ бы вылѣчить старушку, и наконецъ придумала. Съ видомъ, полнымъ достоинства отъ взятой на себя обязанности, она опустилась на колѣни передъ образомъ Скорбящей Божьей Матери. Долго молилась, потомъ встала на стулъ, сняла неугасимую лампадку и, со всѣми предосторожностями, чтобы она не погасла, подошла къ кровати.

— Во имя отца и сына и св. духа!..—сказала она.—Маменька, а, маменька! Послушайте меня, выпейте изъ лампадки!..

Марья Потаповна съ трудомъ приподнялась, перекрестилась и медленно, медленно и осторожно стала пить деревянное масло, съ вѣрою глотая его, какъ самое дѣйствительное цѣлебное средство.

Но, не смотря и на многіе другіе домашніе способы лѣченія, ей становилось все хуже и хуже. Временами она впадала въ какое-то забытье съ открытыми глазами, что-то говорила, отъ кого-то отбивалась. Дали знать Дарьѣ. Та съ мужемъ не заставила себя долго ждать. На парѣ добрыхъ лошадей въ той же самой таратайкѣ подкатили они къ хутору.

Дарья внимательно всмотрѣлась въ осунувшееся и помертвѣвшее лицо больной и сказала, обращаясь къ мужу:

— Кончается!—и сказала такимъ тономъ, будто хотѣла выразить: „ну, что? Не на мое ли вышло?!

— Кто кончается?—полуоткрывая глаза, спросила больная.—Онъ кончается?! Кара Божья на него пришла?!

— Слушайте, маменька!—строго сказала Дарья и взяла ее за руку,—вамъ уже не жить! Вамъ исповѣдаться да причаститься надо!..

Больная ничего не сказала, только безпомощно шевельнула рукой, и опять закрыла глаза. Послали за священникомъ.

— Мамашенька!—врадчивымъ голосомъ сказалъ Федоръ Игнатьевичъ,—вамъ уже того люстрину не носить, отдайте его намъ!..

— Та-й-возьми!.. — протянула старушка, и опять впала въ забытье.

— Ключи отъ сундука! Ключи отъ сундука!..—засуетилась Дарья. Отыскали матерію.

— А эта икона моя!..

И Дарья полѣзла было на стулъ, чтобы снять свою икону. Катря рѣзко остановила ее:

— И не стыдно тебѣ! Умреть и возьмешь! Какъ-таки человекъ безъ образа умирать будетъ!..

— Маменька, а маменька! А корову мині?—нагнувшись надъ матерью говорила Горпина.

— Та-й, тоби!..—слабо отвѣтила Марья Потаповна.

— Маменька, а маменька! А самоваръ?!

— А шубу новую?

— А Куцаго?..

— А подушки?..

— А постель?..

И незамѣтно въ домикѣ поднялась большая суета. Дарья и Горпина бѣгали по комнатамъ, шарили по всѣмъ угламъ; что можно было спрятать, прятали въ карманы, а надъ важной большой вещью поднимали споръ, припоминая ея самую подробную генеалогію, и такимъ путемъ доказывая, кому она по настоящему должна принадлежать.

Священникъ засталъ въ домѣ полнѣйшій разгромъ. Больная то закрывала, то открывала глаза, но не говорила ни слова.

Когда окончился обрядъ, ей сразу стало лучше, глаза прояснились и по лицу разлилось какое-то блаженное спокойствіе.

— Дайте чаю!— сказала она.

Ея не сразу слышали.

— Чаю!..

И вдругъ она быстро, порывисто соскочила съ постели, и какъ была въ одной рубахѣ, подбѣжала къ столу, сама налила себѣ стаканъ чаю и выпила залпомъ. Но тутъ она зашаталась, ее подхватили и уложили въ постель. Силы ея начали быстро падать. Всѣ собрались въ комнатѣ. Было тихо. Никто не принималъ уже больше никакихъ споровъ; шептались лишь о томъ, что слѣдовало бы теперь подходить подъ благословеніе; но ни-

кто не рѣшался подойти первымъ. Батюшка съ причетникомъ сидѣли у стола и пили чай. Наконецъ, батюшка отставилъ отъ себя пустой стаканъ, цвѣтнымъ платкомъ вытеръ потъ, катившійся крупными каплями съ морщинистаго лба, и подошелъ къ кровати.

— Не соблаговолите ли учинить приличное пожертвованіе на храмъ Божій,—началь онъ кроткимъ, умильнымъ голосомъ;—не позабудьте и священнослужителей въ щедротахъ вашихъ, дабы мы не забыли васъ въ молитвахъ своихъ. Мы будемъ совершать погребеніе ваше, служить по васъ панихиды и вѣчное поминовеніе... Ужели даромъ?! Мы отъ души желаемъ слышать ваше назначеніе отъ васъ самихъ, изъ устъ вашихъ...

Обоначивъ свою рѣчь, священникъ опять вытеръ потъ съ лица и, склонивъ голову на бокъ, терпѣливо ждалъ какихъ-либо послѣдствій своей рѣчи. Марья Потаповна съ большимъ усиліемъ открыла глаза и тихо, тихо сказала:

— Похороните меня на моей землѣ!..

Она собиралась еще что-то сказать, но въ эту минуту распахнулась дверь, и на порогѣ показался Василій. Большую подбросило на постели, будто отъ электрическаго удара. Колѣни поднялись вверху, руки сдѣлали полукругъ въ воздухѣ и упали, голова запрокинулась назадъ, глаза широко раскрылись, грудь высоко вздымалась, и воздухъ вылеталъ изъ полукрытаго рта съ хрипѣньемъ и шумомъ. Началась агонія. Умиращую накрыли темной кисеей, и больше никто уже не обращалъ на нее вниманія. Дарья прежде всего сняла со стѣны свою икону, схватила самоваръ и шубу, и поспѣшила съ мужемъ уѣхать. Горпина бранилась ей вслѣдъ, кричала, бѣгала, суетилась, шарилась по узламъ и сундукамъ, и долго не могла успокоиться.

На третій день старушку похоронили недалеко отъ хутора, какъ она того и хотѣла. На похоронный обѣдъ собралось много родныхъ и знакомыхъ, и много нищей братіи. Для послѣднихъ, подъ открытымъ небомъ, на землѣ, разостлали рядна, усадили всѣхъ и угощали, чѣмъ Богъ послалъ. Для первыхъ былъ устроенъ настоящій обѣдъ изъ нѣсколькихъ перемѣнъ и съ выпивкой. Въ началѣ обѣда всѣ чувствовали себя немного натянуто, но къ концу у всѣхъ развязались языки, и пошли шутки, прибаутки и споры.

— А я ту дорогу запашу!—кричалъ арендаторъ Павло, чистокровный полтавецъ.

— А намъ изъ-за тебя „на воздухахъ“ летать что ли?!—кричалъ ему въ отвѣтъ другой, великороссъ по происхожденію.

— Я тобі зроблю, шо въ носу заколѣ!..

— Выпейте еще, выпейте!—выкрикнула раскраснѣвшаяся Дарья;—надо чисто оболо посуды ходить, маменька покойница—чистеха была!

— А правда, что твой мужъ изъ хлыстовщины?—спросилъ Дарью одинъ, совсѣмъ уже захмѣлѣвшій, арендаторъ.

— Изъ такихъ же, какъ и ты, изъ тѣхъ, что „горилку“ хлыщутъ!..

— А когда землю дѣлать?—спросилъ Василій.

— Вамъ арендатель требуется?—спросилъ юркій мужичонка, подсаживаясь въ Василю.

— Земля! Что такое земля?!—внезапно заговорилъ Иванъ Андреевичъ, благочестивый мужъ Горпины; языкъ его уже плохо дѣйствовалъ, но онъ этимъ нисколько не смущался, и продолжалъ:

— И на стѣнахъ земля и подъ ногами земля, кругомъ земля! А все мало!.. Арендатель! Что такое арендатель?!

— А вонъ тамъ,—и онъ торжественно поднялъ руку къ потолку,—есть одинъ настоящій арендатель, арендатель всему міру!..

— Теперь зятя должны купить своимъ женамъ по шелковому платью! Теперь у нихъ жены съ приданнымъ!—игриво щебетала Дарья.

— И куплю, и куплю!—сказалъ Василій, дергая за рукавъ Катрю.

А тутъ же, недалеко отъ хутора, у края дороги, возвышалась свѣжая могила. У могилки стоялъ дѣдусъ Емельянь съ сумой за плечами и растерянно вертѣлъ въ рукахъ свою шапку...

Степанъ Бондарчукъ.

Полувѣковая годовщина смерти Ивана Андреевича Крылова.

(9 ноября 1844 года — 9 ноября 1894 года).

Девятаго ноября текущаго, 1894, года исполняется полвѣка со смерти писателя - баснописца, своеобразнаго и единственнаго, котораго знаетъ вся грамотная Россія, и котораго басни извѣстны наизусть и ребенку, и старцу. Кто онъ былъ, что за оригинальный человѣкъ, прожившій сорокъ лѣтъ холостякомъ, на своей казенной квартирѣ въ Публичной библиотекѣ, знаютъ изъ его многочисленныхъ біографій, полныхъ анекдотовъ, изъ народныхъ чтеній, и недавно изданной г. Павленковымъ его біографіи, составленной Г. Бриллиантомъ, хотя никто еще до сихъ поръ не написалъ его обстоятельной біографіи. Все забыто изъ его сочиненій, писанныхъ за полвѣка его литературной дѣятельности; однѣ 202 его басни, написанныя за 40 лѣтъ (въ среднемъ по пяти басенъ въ годъ), остались наслѣдіемъ потомства, и вызываютъ къ усиленному чтенію его памяти *).

Родившись за четыре года до его смерти, «дѣдушку Крылова» узналъ я еще ребенкомъ, и да позволятъ мнѣ читатели нашего журнала, въ поминальный день 9 ноября, припомнить кое-что о моемъ отношеніи къ писателю.

1846 г.—Я, болѣзненный ребенокъ, еще не умѣющій читать, сижу на колѣняхъ отца. Онъ читаетъ мнѣ наизусть басенку, и я заучиваю ее съ его словъ, повторяя за нимъ, стараясь уловить его голосъ и тонъ, а на завтра самъ говорю ему басню. Онъ выслушиваетъ меня, повторяетъ передо мной басню, и я усваиваю произношеніе, а онъ, лично знавшій «дѣдушку», мнѣ, ребенку, рассказываетъ о немъ; и какъ я люблю «дѣдушку», какъ жалѣю о его смерти,

---

*) Желающихъ ознакомиться съ ихъ историческимъ и біографическимъ значеніемъ отсылаемъ къ интересной книгѣ покойнаго В. О. Кеневича— «Біографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова».

даже плачу у его могилы, на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, куда везутъ меня поклониться «дѣдушкѣ»...

1847 г. — Я уже бойко читаю, и мнѣ купили книжку басенъ «дѣдушки». Я зачитываюсь ими, и самъ заучиваю ихъ наизусть, а отецъ учитъ читать ихъ... Читаемъ и вмѣстѣ: онъ — одно лицо, я — другое.

1851 г. — Я поступилъ въ 1-ю Петербургскую гимназію въ 1 классъ. Подготовленъ я плохо, но бойко читаю и знаю множество басенъ. Намъ часто диктуютъ ихъ, заставляють разсказывать своими словами, учить наизусть. Знаніе ихъ наизусть и умѣнье читать обращаютъ на меня вниманіе учителя и товарищей. Меня заставляютъ говорить ихъ.

1860 г. — Я уже студентъ Петербургскаго университета. Кружкомъ товарищей основали мы ежедневную бесплатную Василеостровскую школу для бѣдныхъ дѣтей. Я въ ней — учитель объяснительнаго чтенія. И вотъ опять тотъ же «дѣдушка». Я читаю и объясняю дѣтямъ басни: они заинтересованы, просятъ меня читать еще и еще, сами учатъ ихъ охотно наизусть, и на нихъ учатся языку. Басни ихъ занимають: они и смѣются, и разсуждаютъ надъ ними...

1863 г. — Я уже кандидатъ Петербургскаго университета, но еще не официальный учитель, и живу почти исключительно литературой. Покойный педагогъ Ѳ. Ѳ. Резенеръ, завѣдывавшій тогда журналомъ «Учитель», помня мои уроки въ школѣ на басняхъ, совѣтуетъ мнѣ написать статью о нихъ, освѣтивъ ихъ значеніе въ извѣстной группѣ. Я пишу статью для «Учителя» — *Воспитательное значеніе басенъ Крылова*, и выбираю циклъ басенъ о трудѣ.

1864—1867 г. — Я уже официальный учитель въ только что преобразованной изъ корпуса 1-й Военной гимназіи, гдѣ встрѣчаюсь, какъ съ сослуживцемъ, съ первымъ и единственнымъ у насъ знатокомъ Крылова, преподавателемъ русскаго языка и словесности, Владиславомъ Теофиловичемъ Кеневичемъ, моимъ руководителемъ при первыхъ шагахъ учительской дѣятельности, впоследствии другомъ. Уже нѣсколько лѣтъ специально занимался онъ біографическимъ и историческимъ объясненіемъ басенъ, и у него, Кеневича, научился я, какъ пользоваться языкомъ Крылова на урокахъ грамматики, какъ развивать на тѣхъ же басняхъ вкусъ и выразительное чтеніе, какъ работать надъ всестороннимъ изученіемъ писателя.

1868 г. 2 февраля день знаменательный въ исторіи образованія русскаго юношества. Въ этотъ день торжественно празд-

новалось во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи столѣтіе рожденія Крылова литературными вечерами. Это былъ второй такой юбилейный вечеръ, послѣ перваго въ 1866 г., въ честь столѣтія Карамзина,—вечера, затѣяннаго 1-й Военной гимназіей и положившаго начало образовательнымъ литературнымъ вечерамъ для юношества. Съ какой радостью привѣтствовала хоромъ и аплодисментами молодежь увѣнчаніе бюста; какъ славно читали передъ многочисленной публикой ученики басни, какъ старались мы, преподаватели, возможно интереснѣе и задушевнѣе объяснить въ своихъ рѣчахъ передъ нашими юношами значеніе писателя. Чудный это былъ вечеръ!

Неоднократно потомъ, вотъ уже впродолженіи болѣе двадцати шести лѣтъ съ того времени, много разъ читалъ я, разбиралъ и обучалъ грамматикѣ нѣсколько поколѣній ученицъ и учениковъ именно на басняхъ Крылова; сколько разъ приходилось мнѣ за это время читать эти басни и солдатамъ, и народу, на такъ-называемыхъ народныхъ чтеніяхъ съ волшебнымъ фонаремъ, и всюду онѣ возбуждали интересъ и имѣли успѣхъ и у мальхъ, и у большихъ, которые, какъ и дѣти, просили почитать домой «дѣдушкину книжку». Это ли не успѣхъ писателя, не его величайшая гордость? Это ли не доказательство его народности и живучести въ потомствѣ? Лѣтъ пять назадъ, въ одной изъ городскихъ думскихъ школъ Петербурга, по окончаніи чтенія, подошелъ ко мнѣ сѣдой, какъ лунь, старикъ, и, протянувъ мнѣ руку, сказалъ: — «Спасибо! все тутъ написано, какъ надо, на пользу, Ивановъ Андреевичемъ; я и его самого видывалъ!»—эти слова для меня живой примѣръ, какъ чтитъ баснописца народъ.

Такъ сопровождалъ Крыловъ меня, какъ учителя, всю мою жизнь; популяренъ и плодотворенъ по своему доброму вліянію кажется онъ мнѣ и въ школахъ, и среди народа вообще.

Писано о немъ было много, и о жизни, и о басняхъ; біографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова — В. О. Кеневича—матеріалъ неоцѣненный. Академія наукъ добросовѣстно издала въ особомъ обширномъ сборникѣ матеріалы для Крыловской біографіи и критики. Но, не смотря на все это, личность оригинальнѣйшаго старца, можно сказать, совсѣмъ не ясна. Самъ онъ былъ челоуѣкъ лѣнливый, очень самолюбивый и щекотливый относительно своей личности, но крайне не любившій говорить что-либо о себѣ и о своемъ прошломъ, и иронически относившійся къ просмотру его біографій, составляемыхъ при жизни его почитателями. Онъ не только что не велъ своихъ автобіографическихкихъ замѣтокъ, но, при безпечности, по смерти не оставилъ

*

ни своихъ, ни чужихъ писемъ, между тѣмъ какъ находился онъ въ близкихъ связяхъ чуть не со всѣми литературными и государственными людьми своей долговременной жизни. Умираетъ онъ почти семидесяти-семи-лѣтнимъ старцемъ; жизнь его рѣзко дѣлится на два періода: первый до 1812 г., когда онъ видѣлъ очень много горя, писалъ для театра, содержалъ типографію, издавалъ журналъ, «Почта Духовъ», несомнѣнно богатый сатирическимъ смысломъ, даже, какъ говорятъ, въ своей типографіи напечаталъ извѣстное Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, Радищева; былъ страстнымъ игрокомъ въ карты, жилъ учителемъ въ домѣ опальнаго магната, князя Голицына. Второй періодъ съ 1812 г., когда Крыловъ, устроившись библиотечаремъ въ Императорской Публичной библиотекѣ, прожилъ на одной и той же квартирѣ болѣе 30 лѣтъ, почти до самой смерти, вращаясь въ литературныхъ и административныхъ кружкахъ и окруженный всеобщимъ вниманіемъ и почетомъ, когда онъ стоялъ очень близко не только къ представителямъ литературы и высокопоставленнымъ лицамъ, но даже и къ самому Двору. О первомъ періодѣ, о которомъ и самъ Крыловъ не любилъ вспоминать, не осталось почти ровно ничего, и, вѣроятно, весь онъ для біографіи его невозвратно потерянъ; отъ второго—его, можетъ быть, осторожные, а то и лѣнливые и мало-любопытные, современники почти ничего не сохранили; въ двухъ подробныхъ біографіяхъ академиковъ Лобанова и П. А. Плетнева въ сущности нѣтъ ничего, кромѣ анекдотовъ о томъ, какъ Крыловъ любилъ поѣсть, выпить, какъ остроумничалъ, какъ хитро выходилъ изъ затруднительныхъ положеній, всегда помня свой покой, какъ умѣлъ понравиться сильнымъ міра, какъ былъ популяренъ на улицѣ, засыпалъ послѣ обѣда въ англійскомъ клубѣ и т. под. В. Ѳ. Кеневичъ розыскалъ единственный только эпизодъ о рѣдкой привязанности Крылова къ бѣдному офицеру брату, единственному его родственнику, а больше о Крыловѣ мы не знаемъ рѣшительно ничего. Ни разговоровъ его, ни литературныхъ мнѣній, ни того, что думалъ онъ о тѣхъ или другихъ событіяхъ и людяхъ—не сохранилось почти ничего.

Однако, нельзя ли хоть по догадкамъ воскресить до нѣкоторой степени его личность? Какъ намъ кажется, это былъ отмѣченный печатью генія русскій плебей, явившійся на свѣтъ и воспитавшійся въ полудикой странѣ. Злая судьба, преслѣдующая русскіе таланты, поставила его съ дѣтства въ невозможныя условія крайней бѣдности и необходимости пробивать себѣ дорогу самому, безъ всякой посторонней помощи. Долго и безуспѣшно бродилъ онъ по

свѣту, безъ образованія и нравственной поддержки, терпя безпрестанно крушенія въ своихъ начинаніяхъ въ жестокое время конца прошлаго столѣтія. Что онъ испыталъ—мы не знаемъ, но съ нѣкоторою достовѣрностью можно предположить, что къ 1812 г., когда онъ нашелъ свое призваніе и прежде всего скромный теплый уголъ, гдѣ могъ успокоиться уже 44 лѣтъ отъ роду отъ всего пережитаго, это уже былъ скептикъ философъ, иронически, недовѣрчиво и очень осторожно смотрящій на жизнь, дорожащій теплымъ угломъ и личною безопасностью. Непосредственный философъ, мало знакомый съ общественными и политическими горизонтами европеизма, онъ, одиноко старѣющій холостякъ, про себя понималъ смыслъ русской жизни, и, какъ Кантемиръ, на-строго наказалъ своему уму хранить про себя истину, которую только иногда, безъ ущерба себѣ, въ формѣ наивной басенки, высказывалъ современникамъ. Тѣ читали и между строкъ, прославляли Крылова, не мѣшая его благосостоянію, а онъ, замкнувшійся въ себѣ, спокойно, но не безъ хитрой ироніи, наблюдалъ теченіе времени. Крыловъ и по жизни, и по своимъ сочиненіямъ,—единственный, совсѣмъ своеобразный, русскій философъ, русскій Гораций золотой середины, но, какъ и Гораций, бессмертный по чудной литературной формѣ, языку и житейской мудрости, которая, въ нѣкоторыхъ его басняхъ, какъ и въ сочиненіяхъ Горация, не всегда оказывается состоятельной передъ лицомъ нелицепріятной исторіи и строгой науки.

Крыловъ, Аксаковъ, Гоголь, Кольцовъ—это, въ сущности одна фракція русскихъ талантовъ; Пушкинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ—представители интеллигентнаго движенія, европеизма по отношенію его къ русской, не культивированной жизни; Крыловъ и другіе—это непосредственные люди, говорившіе дивныя истины, но часто не ясно сознававшіе, что они говорятъ. Не будучи вождями умственнаго движенія, передоваго и общечеловѣческаго, они суть хранители непосредственнаго здраваго смысла и безидейнаго отношенія къ современности. Это простые русскіе люди, съ недовѣріемъ ко всему новому, созданному систематически критическимъ умомъ, даже къ самой наукѣ и ея дѣятелямъ. Отсюда эти странныя для насъ басни, какъ—Водолазы, Огородникъ и философъ, Червонецъ, Сочинитель и разбойникъ, Ларчикъ и др., появленіе которыхъ было всего неумѣстнѣе въ то время, когда и безъ того-то бѣдная русская наука, дѣлавшая только первые робкіе шаги въ невѣжественной странѣ, не находилась въ авантажѣ въ правящихъ сферахъ, и, какъ ни старались облечь эти наивныя басни покойные Кеневичъ и академикъ Гротъ,

все же нельзя не пожалѣть, что, среди чудеснѣйшихъ басенъ, которыхъ безспорно громадное большинство, есть и эти, гдѣ, за обычными красотами народнаго языка, милымъ юморомъ, отдѣльными сценами и типами, скрываются такія наивно-дѣтскія и неуѣстныя въ данное время мысли.

Заслуга Крылова не въ нихъ; немногіе художественные грѣхи предковъ прощаетъ благодарное потомство, исторически изучившее условія ихъ жизни и характеры. Объявленные исторической критикой, переходятъ они въ потомство, и оно все-таки не мало пользуется и черезъ много лѣтъ ихъ лучшими образами, мыслями и чувствами. Таковъ и Крыловъ въ настоящее время, такимъ и цѣлые вѣка будетъ жить онъ въ народѣ, въ школѣ и въ обществѣ. Оно будетъ пользоваться его баснями и отдѣльными выраженіями, какъ пословицами, аргументами простой житейской мудрости и человѣчности. Никто теперь не читаетъ его плохихъ пьесъ, даже и лучшихъ съ нападками на французоманію, рѣдкій раскроетъ его журналъ—«Почта духовъ» гдѣ, однако, не мало свѣтлыхъ мыслей и здороваго сатирическаго яда. Съ неудовольствіемъ встрѣчаемся во многихъ чудесныхъ басняхъ—напр. Осель и соловей, Парнасъ, Вельможа и др.—съ отжившими классическими «музами, аврорами, зевесами, зефирами, адскими богами—заками» и т. п. побрякушками отшедшаго въ вѣчность ложнаго классицизма. Но за всѣмъ этимъ, чего условность легко объясняется краткими примѣчаніями, передъ нами своеобразный русскій животный эпосъ, съ баснями, рисующими русскую жизнь или прямо, или ввидѣ граціозной прозрачной аллегоріи. Не говоримъ уже о громадномъ моральномъ значеніи длиннаго ряда басенъ о честномъ производительномъ трудѣ не изъ-за одного хлѣба, но для своей родины, человѣчества, потомства. И почти нигдѣ педантической морали; всюду шутка, добродушный юморъ, подчасъ грустная дума... Всюду сочувствіе къ слабому, несчастному, бѣдняку, простаку, попавшему въ бѣду; вездѣ Крыловъ на сторонѣ ума, здраваго смысла, правды жизни частной и общественной, нигдѣ пощады ни эгоисту, ни ловкачу, вродѣ лисы, ни безсердечному богачу, ни сухому скрягѣ, ни лицепріятному судѣ, ни глушому или надменному вельможѣ, ни самодовольному глупцу, ниже самому царю, дурно правящему народомъ. Всѣмъ воздано по заслугамъ, и всякій порокъ и глупость бичуется смѣхомъ въ простотѣ сердечнаго юмора непосредственнаго старца-мудреца. Говорить ли о дивномъ языкѣ, составляющемъ цѣлый лексиконъ и грамматику, остающемся вѣрнымъ народности, на что всегда и указывается въ Крыловѣ, какъ на величайшее, вѣчное и національное достоин-

ство его поэзии? Всѣ эти указаннныя достоинства, при немногихъ недостаткахъ Крылова, источникъ которыхъ надо искать въ условіяхъ времени и личности писателя, недостаточно серьезно образованнаго и наивнаго врага всего иностраннаго, наноснаго, и заставляютъ радоваться тому, что исполненіе пятидесятилѣтія со дня его смерти дастъ возможность по всей Руси свободно и дешево печатать его басни, и такимъ образомъ дать ихъ всѣмъ русскимъ дѣтямъ и народу. Пожелаемъ же, чтобы каждый изъ нашихъ читателей, по мѣрѣ силъ и возможности, поспособствовалъ съ своей стороны возможно болѣе широкому распространенію и въ городахъ, и въ деревняхъ, собраній басенъ этого популярнѣйшаго русскаго писателя самородка, широкое знакомство съ которыми будетъ способствовать повсюду какъ усвоенію чистаго русскаго языка, такъ и прекраснѣйшихъ образовъ животныхъ и людей, не говоря уже о разнообразіи добрыхъ мыслей и чувствъ

Викторъ Острогорскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Э. Сувестрь. *Философъ на чердакѣ*. Пер. О. Н. Хмѣлевой. Спб. 1894. Изд. М. М. Ледерле и К°. (Библиотека нашего юношества).

Среди обширной литературы «для юношества» извѣстная книга философствующаго бретонца Эмиля Сувестра, «Философъ на чердакѣ», занимаетъ почетное мѣсто. Она страдаетъ, конечно, общимъ недостаткомъ назидательныхъ книгъ, стремленіемъ вывести изъ каждаго явленія жизни соотвѣтствующую мораль и преподать ее читателю; но за этимъ внѣшнимъ дидактизмомъ чувствуется искреннее отношеніе къ страдающему человѣчеству и умѣніе уловить мимолетныя проблески лучшихъ чувствъ человѣка. Сувестрь не писалъ своей книги съ педагогическими цѣлями, а давалъ лишь результаты своихъ размышленій и наблюденій; его безхитростная философія и умиленные картины добродѣтели оказались сами собой подходящимъ чтеніемъ для юношества, нуждающагося въ поддержкѣ въ періодѣ развитія нравственныхъ и духовныхъ идеаловъ. Это самая лучшая рекомендація для книги подобнаго рода, и остается только желать, чтобы вообще выборъ чтенія для юношества дѣлался не изъ книгъ, написанныхъ педагогами съ спеціально воспитательной цѣлью, а изъ непосредственныхъ художественныхъ и иныхъ литературныхъ произведеній, доступныхъ пониманію юношескаго возраста.

Эмиль Сувестрь—писатель эпохи романтизма. Родившись въ Бретани въ 1806 г., онъ началъ свое литературное поприще съ драмы «Le Siège de Missolonghi», написанной подъ впечатлѣніемъ возстанія Греціи; съ тѣхъ поръ онъ раздѣлялъ свое время между учительской дѣятельностью въ разныхъ провинціальныхъ и парижскихъ гимназіяхъ и постояннымъ сотрудничествомъ во множествѣ газетъ и журналовъ, гдѣ печаталъ свои романы, описанія бретонской жизни, историческіе рассказы и т. д. Множество написанныхъ имъ комедій и водевилей имѣли очень мало успѣха на сценѣ,

за исключеніемъ «Mousse», бывшей въ свое время очень популярной пьесой. Неудачи на драматическомъ поприщѣ побуждали Сувестра сосредоточиться на писаніи романовъ, болѣе соответствующихъ его склонности къ дидактизму. Романы его («Riche et pauvre», «L'Échelle des femmes», «Les Reprouvés et les Elus» и мн. др.) имѣли большой успѣхъ, благодаря своей гуманитарной подкладкѣ, а картины нравовъ и жизни Бретани въ «Le toyer Breton», «Le Finistère» и т. д. сдѣлали автора популярнымъ писателемъ идиллическаго жанра. Дидактическая жилка сказывается сильнѣе всего у Сувестра въ его «Un Philosophe sous les toits», премированномъ академіей въ 1851 г., за три года до смерти автора.

Въ своихъ романахъ и полудидактическихъ, полуописательныхъ, книгахъ Э. Сувестръ примкнулъ къ группѣ романистовъ, создавшихъ политическій и социологическій романъ во Франціи. Во главѣ этихъ романистовъ, описывающихъ жизнь и страданія «униженныхъ и оскорбленныхъ», стоялъ Викторъ Гюго съ «Misérables», «L'homme qui rit», «Quatre-vingt treize» и другими романами, изобилующими мрачными картинами народныхъ бѣдствій и страстными діатрибами противъ равнодушія и жестокосердія высшихъ классовъ. Къ В. Гюго примыкаетъ Эжень Сю, знаменитый авторъ «Les Mystères de Paris», «Le Juif Errant» и т. д., пламенный защитникъ народныхъ правъ, обличитель католическаго духовенства, интригъ іезуитовъ и пороковъ аристократіи. Среди другихъ авторовъ обличительныхъ и бытописательныхъ романовъ того времени Эмиль Сувестръ занимаетъ видное мѣсто на ряду съ Эркманомъ и Шатрианомъ, съ Леономъ Кладелемъ, Луи Рейбо и др.

Принадлежность къ литературной группѣ, отличавшейся прежде всего своей рѣзкостью, доходящей до парадоксальности, и своей крайней партийностью, объясняетъ проповѣдническій характеръ книгъ Сувестра и въ особенности его «Философа на чердакѣ». Онъ всегда задается цѣлью обличенія пороковъ, противопоставленія наивной добродѣтели простолюдина высокоумію и безсердечію богатыхъ и т. д. Какъ у многихъ изъ современныхъ ему романистовъ «à thèse», философская подкладка его рѣзкихъ раздѣленій людей на добродѣтельныхъ и порочныхъ очень элементарна. Его интересуютъ только непосредственныя задачи окружающей жизни, и «философъ на чердакѣ» не старается проникнуть въ сложную тайну человеческой души съ ея безконечно запутанными мотивами дѣйствій и чувствъ. Обсервационнымъ пунктомъ, съ высоты котораго онъ разсматриваетъ человѣчество и судить его, служитъ Сувестру крыша его мансарды; тамъ весело и беззаботно живетъ семья

воробьевъ, питаюсь крошками отъ обѣда «философа», и эта простая растительная жизнь кажется Сувестру идеаломъ благополучія на землѣ. Постоянно сравнивая жизнь «на Альпахъ цивилизаціи», какъ онъ называетъ крыши столичныхъ мансардъ, съ безнадежными и жестокими контрастами жизни на землѣ, онъ отдаетъ преимущество первой—полнота ощущеній, которая для большинства людей составляетъ смыслъ жизни, не прижиряетъ философа съ страданіями и борьбой, наполняющими жизнь большинства людей. Ему хотѣлось бы свести жизнь людей къ самымъ примитивнымъ формамъ, чтобы тѣмъ самымъ удалить изъ нея всё дурныя страсти, отравляющія существованіе; съ этимъ упрощеніемъ задачи цивилизаціи, конечно, нельзя согласиться, тѣмъ болѣе, что намѣченный имъ идеаль добродѣтельной и счастливой жизни слишкомъ далекъ отъ болѣе сложной и разносторонней психологіи современнаго человѣка; онъ въ общемъ сводится къ нѣсколькимъ сентиментальнымъ мечтамъ о долѣ птичекъ небесныхъ, которымъ не приходится заботиться о хлѣбѣ насущномъ; онъ подмѣчаетъ у нихъ трогательныя черты альтруизма и мечтаетъ о томъ, чтобы и люди перестали враждовать и соперничать другъ съ другомъ въ борьбѣ за существованіе, а прониклись бы болѣе естественными чувствами любви и взаимопомощи. Но, обличая несправедливость общественнаго строя, создающаго вопіющіе контрасты въ судьбѣ людей, Сувестръ не является проповѣдникомъ разрушенія его и созданія новаго—онъ превозноситъ лишь пассивныя добродѣтели, временно облегчающія страданія обездоленныхъ, но не рѣшающія ни философскихъ, ни практическихъ вопросовъ. Милосердіе богатыхъ, смиреніе бѣдныхъ, довольство скромной долей, воздержаніе отъ погони за богатствомъ и положеніемъ въ обществѣ—таковы съ точки зрѣнія «философа на чердакѣ» средства прожить свой вѣкъ счастливо и безмятежно. Онъ самъ примѣняетъ свою теорію на дѣлѣ и рисуетъ въ своемъ дневникѣ годъ своей жизни со всеми переживаемыми имъ впечатлѣніями, волненіями и радостями. Жизнь эта чисто интеллектуальная, и какъ ни высоки его наслажденія при видѣ чьего-нибудь прекраснаго поступка или при созерпаніи красоты солнечнаго заката съ высоты чердака—это жизнь зрителя, испытывающаго лишь отраженныя чувства; если бы все человѣчество вело эту спокойную философскую жизнь, моралисты не имѣли бы матеріала для своихъ сѣтованій и умиленій, возбуждаемыхъ самой сущностью человѣческой жизни, т. е. вѣчными и непримиримыми контрастами идеаловъ и дѣйствительности.

Книга Сувестра, отмѣчающая день за днемъ впечатлѣнія и мысли автора, читается съ интересомъ вопреки своей философской

наивности и склонности къ дешевой морали. Она содержитъ въ себѣ художественныя по своей правдивости и простотѣ картины жизни и рядъ мастерски обрисованныхъ типовъ изъ разныхъ классовъ общества. Такова, напр., фигура сосѣда «философа» по чердаку; это старый чудакъ, «обѣдающій черствой коркой хлѣба, размоченнаго въ водѣ, и хладнокровно посылающій отказъ на умоляющее о небольшой помощи письмо вдовы-невѣстки. Зайдя къ нему въ комнату, «философъ» застаётъ его въ восторженномъ настроеніи духа и выслушиваетъ цѣлый диэриамбъ искусству и высотѣ эстетическихъ наслажденій—старикъ только-что купилъ несомнѣнный оригиналъ стариннаго мастера, заплативъ за него пустяшную сумму—нѣсколько десятковъ лундоровъ, и теперь погруженъ въ эстетическое созерцаніе, не думая ни о горѣ своей невѣстки, ни о своей собственной нищенской жизни. Въ другихъ мѣстахъ картина незатѣйливаго счастья рабочей семьи, на долю которой случайно выпалъ скромный ужинъ въ рождественскій вечеръ, прямо взята изъ жизни и естественно приводитъ автора къ разсужденію объ относительности понятія о радости и счастіи. Онъ убѣждается, что привыкшіе къ тяжелымъ лишеніямъ люди умѣютъ болѣе полно наслаждаться минутнымъ отдыхомъ и не думаютъ о завтрашней нуждѣ при видѣ сегодняшней случайной трапезы; это приводитъ его къ заключенію, что все дѣло въ элементарности требованій отъ жизни. Съ этимъ выводомъ трудно согласиться, но картина счастливой рабочей семьи не лишается отъ этого своей привлекательности. Отмѣтимъ также нѣсколько чисто описательныхъ картинъ, дышащихъ особой поэзіей, какъ, наприм., описаніе ранняго утра, пробужденія природы и постепеннаго оживленія домовъ, начинаая отъ верхнихъ этажей къ нижнимъ.

W.

Бесѣды врача Н. П. Черепнина о заразныхъ болѣзняхъ, законоположеніе о нихъ, мѣры къ ограженію, леченіе и прописи лекарствъ. С.-Петербургъ, 1894 г.

Въ борьбѣ съ заразными болѣзнями, особенно когда онѣ принимаютъ форму эпидемій, конечно, не послѣднюю роль играетъ распространеніе въ народѣ свѣдѣній изъ области медицины и гигиены. Расширеніе народныхъ познаній въ этой области должно, конечно, способствовать разсѣянію массы предразсудковъ и предубѣжденій, господствующихъ въ народѣ, и сдѣлать болѣе дѣйствительною борьбу со всякаго рода заболѣваніями, часто принимающими, благодаря народному невѣжеству, повальный характеръ. На послѣднемъ сѣздѣ врачей въ память Н. И. Пирогова былъ

поднять вопросъ о возможно большей популяризаціи медицинскихъ познаній въ народѣ, путемъ бесѣдъ и брошюръ, доступныхъ народному пониманію. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и выше-названная книга доктора Черепнина, посвященная заразнымъ болѣзнямъ, ихъ предупрежденію и борьбѣ съ ними. Уже одно то, что книжка доктора Черепнина выходитъ четвертымъ изданіемъ (первое вышло въ 1891 г.) доказываетъ, что она удовлетворяетъ своей цѣли. Г. Черепнинъ причисляетъ свои «бесѣды» къ простымъ рассказамъ по врачебному дѣлу; и дѣйствительно, это «простые» рассказы, и въ томъ-то и заключается ихъ главное достоинство. Авторъ прежде всего имѣетъ въ виду научить уходу за больнымъ въ отсутствіе врача; онъ учитъ, какъ распознать заразительную болѣзнь, какъ подать первую помощь и какія принять мѣры для ограниченія заразы. Кромѣ того, авторъ знакомитъ также и съ законоположеніями относительно заразныхъ болѣзней, что весьма полезно знать каждому обывателю. Описаніе болѣзней и способы ихъ распознаванія рассказаны простымъ и понятнымъ языкомъ и потому доступны пониманію каждого, не обладающаго даже элементарными свѣдѣніями въ области медицинскихъ наукъ. Авторъ описываетъ не только часто встрѣчающіяся заразныя болѣзни, но даже такія, появленіе которыхъ составляетъ въ настоящее время уже рѣдкое явленіе; напримѣръ: чума. Въ предпослѣдней главѣ авторъ знакомитъ читателей съ сущностью заразы, съ тѣми микроорганизмами, въ которыхъ видятъ въ настоящее время главные источники заразы. Указавъ на то, какъ вездѣсущи и опасны для жизни и здоровья челоука эти невидимые враги, именуемые микробами, авторъ говоритъ, что единственною защитою противъ нихъ можетъ служить только знаніе и чистота въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова.

Въ заключеніе авторъ прилагаетъ прописи лекарствъ, но эти лекарства, какъ онъ самъ заявляетъ, предлагаются имъ отнюдь не для леченія, въ смыслѣ такъ-называемыхъ лечебниковъ, а для облегченія больного. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ главное дѣло не въ лекарствахъ, а въ уходѣ за больнымъ, въ устраненіи вредныхъ причинъ и въ предохраненіи отъ зараженія. Въ своихъ «бесѣдахъ» авторъ именно и стремится къ тому, чтобы убѣдить своихъ читателей въ необходимости беречься заразы и научить ихъ, какъ избѣгать ея и бороться съ ней и какъ вообще оберегать свое здоровье.—драгоценное благо, о сохраненіи котораго обыкновенно такъ мало думаютъ и такъ рѣдко заботятся своевременно.

Сто великихъ людей: Книга II, Солонъ, Периклъ, Александръ Великій; книга III: Аннибалъ, Юлій Цезарь, Маркъ-Аврелій; книга IV: Карлъ Великій, Людовикъ IX святой, Вильгельмъ Орагскій; книга V: Ришелье, Фридрихъ Великій, Вашингтонъ. Спб. 1894 г.

Мы уже имѣли случай говорить на страницахъ этого журнала объ изданіи дешевой библіотеки «Сто великихъ людей», которое выходитъ маленькими отдѣльными выпусками, заключающими въ себѣ жизнеописанія разныхъ великихъ людей. Такихъ выпусковъ вышло пять въ настоящее время и относительно четырехъ послѣднихъ мы можемъ только повторить все то, что нами было сказано относительно перваго выпуска. Не смотря на весьма узкія рамки, поставленныя ему, авторъ вышеназванныхъ жизнеописаній сѣумѣлъ все-таки представить читателямъ болѣе или менѣе живой образъ героя, и не ограничился однимъ только сухимъ и сжатымъ пересказомъ книги, по которой онъ составилъ свой біографическій очеркъ, эти очерки читаются легко и все-таки оставляютъ довольно цѣльное представленіе, несмотря на свою чрезвычайную сжатость. Біографіи Солона и Александра Македонскаго составлены по Дюкюи («Histoire de la Grèce ancienne»), біографія же Перикла по Джорджу Гроту («History of Greece»). Для прочихъ біографій авторъ также пользовался такими авторитетными источниками, какъ Моммзенъ, Гизо, Фулдеръ, Ренанъ («Marc Aurele et la fin du monde enlique») и т. д. Имена этихъ писателей, конечно, говорятъ сами за себя, но въ данномъ случаѣ трудность именно и заключается въ томъ, чтобы умѣть вкратцѣ передать ихъ взглядъ на того или на другого героя и дать опредѣленное понятіе объ этомъ героѣ въ краткомъ изложеніи его жизни. Авторъ вышеназванныхъ біографій, повидимому, обладаетъ этимъ умѣньемъ, и намъ остается только пожалѣть, что ему приходится строго придерживаться слишкомъ узкихъ и рѣзко опредѣленныхъ границъ при составленіи своихъ біографическихъ очерковъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Этнологія и социологія.

«*Ideale Welten in Wort und Bild.* A. Bastian. Emil Felber. Berlin. (Идеальные миры в описаніяхъ и картинахъ). Авторъ этой книги—директоръ этнографическаго музея въ Берлинѣ, не только извѣстенъ какъ замѣчательный изслѣдователь и превосходный коллекторъ, но и какъ хорошій писатель. Онъ издалъ свою книгу «*Ideale Welten*» послѣ своего путешествія въ Индію. Свой трудъ онъ посвятилъ этнологическому бюро въ Вашингтонѣ и всѣмъ дѣятелямъ въ этой области науки. Книга состоитъ изъ трехъ частей: въ первой заключается описаніе путешествія, во второй—этнологія и исторія, въ третьей—космогонія и теогонія. Для всѣхъ, желающихъ путешествовать съ пользою для науки, такая книга чрезвычайно полезна, такъ какъ авторъ указываетъ, какъ слѣдуетъ доходить до самаго корня вещей. Авторъ чрезвычайно интересуется философіей и религіей восточныхъ народовъ и его изслѣдованія въ этой области составляютъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу знанія. Двадцать два рисунка, по большей части копія съ оригинальныхъ рисунковъ и живописи азіатскихъ народовъ, приложены къ книгѣ и даютъ представленіе о понятіяхъ браминовъ, буддистовъ и джайновъ (особенной секты, возникшей въ Индіи одновременно съ буддизмомъ) объ адѣ, землѣ и небесахъ. (Popular Science Monthly).

«*The See of human Habitations.* By Bay S. Sincham. London. Chapman and Hall. (Улица человѣческихъ жилищъ). Маленькій томикъ, въ которомъ, въ очень занимательной, повѣствовательной формѣ, описывается жизнь нашихъ доисторическихъ предковъ въ пещерахъ и въ свайныхъ жилищахъ; затѣмъ разсказывается, какъ постепенно палеолитическій человѣкъ уступилъ мѣсто неолитическо-

му, какъ желѣзный вѣкъ занялъ мѣсто каменнаго. Авторъ посвящаетъ насъ во всѣ тайны палеолитическаго образа жизни, оперативнаго и даже кулинарнаго искусства нашихъ доисторическихъ предковъ. Авторъ набрасываетъ передъ нами картину эволюціи архитектуры, отъ самыхъ грубыхъ первобытныхъ построекъ до колоссальныхъ пирамидъ и указываетъ, какъ возникло искусство писать изъ письменныхъ рисунковъ Аккада. Цѣль книги—заинтересовать читателей вопросами, касающимися эволюціи цивилизаціи. Книга снабжена большимъ количествомъ прекрасныхъ и вполне умѣстныхъ иллюстрацій.

(Westminster Review).

«*La poste et les moyens de communication des peuples à travers les siècles. Messageries, chemins de fer, télégraphes, téléphones, par Eugène Gallos. Paris. J. B. Baillière. 1894.* (Почта и способы сообщенія народовъ въ теченіе вѣковъ). Авторъ сумѣлъ представить въ сжатой формѣ, иллюстрируя массою анекдотовъ и характеристикъ, исторію развитія способовъ сообщенія въ человѣческомъ обществѣ. Авторъ говоритъ сначала о письменномъ способѣ, затѣмъ о печатномъ, о возникновеніи почты, дилижансовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и телефоновъ. Въ заключеніе авторъ высказываетъ нѣсколько пессимистическихъ замѣчаній по поводу того, что ожидаетъ наше бѣдное челоѣчество, осужденное думать и работать все съ большею и большею поспѣшностью, въ слѣдствіе ускоренія сообщеній на разстояніи, такъ какъ вопросы слѣдуютъ за отвѣтами настолько быстро, въ слѣдствіе, на примѣръ, введенія телефонной системы, что уже совершенно не оставляютъ времени на размысленіе. Въ какой адѣ долженъ будетъ превратиться нашъ зем-

ной шаръ, когда на всей его поверхности нельзя будетъ найти ни одного уголка, свободнаго отъ почты, телеграфа или телефона! Авторъ говоритъ, что первый телефонъ былъ показанъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ въ засѣданіи британской ассоціаціи въ Глазгоу, и теперь уже число телефоновъ въ цивилизованныхъ странахъ достигаетъ *двухъ миллионовъ*. Въ виду такого быстрого роста дѣйствительно могутъ возникнуть опасенія, чтобы цивилизація не потерпѣла ущерба отъ этого избытка прогресса. Велосипедъ и телефонъ представляютъ два опасныхъ элемента разложенія: велосипедъ заставляетъ человѣка двигаться, не размышляя, телефонъ—говорить, не размышляя. Въ новыхъ условіяхъ жизни современнаго цивилизованнаго человѣка, мало-по-малу исчезаетъ время, посвящаемое на обдумываніе и размышленіе; ему надо двигаться какъ можно скорѣе, говорить и писать—также. Весь вопросъ теперь заключается въ томъ, какъ далеко зайдетъ человѣкъ въ этомъ своемъ стремленіи къ ускоренію всѣхъ своихъ дѣйствій. На такого рода размышленія наводитъ автора весь ходъ современнаго прогресса.

(Revue Scientifique).

«*Problems of Poverty*». By J. A. Hobson, M. A. *University Extension Series (Methuen and Co.)*. (Проблемы бѣдности). Авторъ воспользовался огромнымъ статистическимъ матеріаломъ—представляемымъ парламентскими отчетами, а также данными, которые разсыяны повсюду въ статьяхъ и книгахъ, трактующихъ о положеніи рабочихъ классовъ населенія, и составилъ изъ этого чрезвычайно интересную, полезную и, главное, вполне безпристрастную книгу, касающуюся глужихъ сторонъ нашей социальной жизни. Въ первой главѣ о размѣрахъ бѣдности авторъ сообщаетъ массу свѣдѣній о положеніи бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Инте-

ресна глава о пѣнахъ для бѣдныхъ, въ которыхъ указывается разница между цѣнами, уплачиваемыми бѣдными за предметы необходимости и богатыми за оvoid удобства. Замѣчаніе, что въ Англіи «число случаевъ смерти отъ голода больше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ», производитъ нѣсколько ошеломляющее впечатлѣніе. Въ главахъ о вліяніи машинъ и наплывѣ населенія заключается много интересныхъ свѣдѣній. Длинная и очень интересная глава посвящена авторомъ положенію женщинъ-рабочихъ. Въ остальныхъ главахъ авторъ касается уже нравственной стороны бѣдности и горячо возражаетъ противъ убѣжденія, составленнаго многими извѣженными филантропами, что причину бѣдности и нищеты всегда слѣдуетъ искать въ порокахъ и т. д. Авторъ говоритъ, что матеріальныя реформы должны предшествовать нравственнымъ реформамъ, и распространяется о томъ благотѣльномъ вліяніи, которое можетъ оказать на рабочаго техническое воспитаніе, увеличеніе заработка и т. п. Цѣлая глава посвящена авторомъ социалистскому законодательству и вообще законодательству и законамъ, касающимся труда.

(University Extension Journal).

«*The State and its Children*». By Gertrude Tuckwell. (Государство и его дѣти). Авторъ находитъ, что вопросъ о дѣтяхъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ вопросовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло социальнымъ реформаторамъ, и потому посвящаетъ ему свой трудъ, представляющій обзоръ всѣхъ учреждений, устроенныхъ государствомъ для призрѣнія, обученія и леченія дѣтей и разныхъ обществъ воровительства дѣтей и т. п. Люди, интересующіеся социальными вопросами и занимающіеся ихъ изученіемъ, найдутъ въ книгѣ очень много полезныхъ для себя свѣдѣній. (Bookseller).

Естественныя науки, словесность и проч.

«*The Study of animal life*». By J. Arthur Thomson. M. A. *Lectures on Zoology, School of Medicine, Edinburgh (John Murray — University Extension Manuals)*. (Изученіе жизни животныхъ). Интересъ къ естественнымъ наукамъ настолько увеличился въ обществѣ, что книги, касающіяся области біологіи, всегда находятъ большой кругъ читателей. особенно, если онѣ написаны такъ просто и доставляютъ такъ много научнаго матеріала, какъ вышеназванное

сочиненіе Томсона. Въ первыхъ четырехъ частяхъ книги описывается ежедневная жизнь животныхъ. Описанія автора въ высшей степени художественны и обнаруживаютъ въ немъ не только свѣдущаго зоолога, но и артиста. Мы не знаемъ книги, которая могла бы удовлетворить въ такой степени желаніе всѣхъ тѣхъ, кто стремится включить біологію въ число наукъ, необходимыхъ для каждаго образованнаго человѣка. Авторъ этой книги обнаруживаетъ чрез-

вычайно основательное знакомство съ литературою своего предмета и является противникомъ исключительно только механическаго объясненія жизни и жизненныхъ процессовъ. Книга прекрасно иллюстрирована и снабжена полезнымъ приложеніемъ.

(University Extension Journal).

«The Dawn of Astronomy. A Study of the Temple-worship and Mythology of the ancient Egyptians». By J. Norman Lockyer. London, Paris and Melbourne. 1894. (Зара астрономіи). Авторъ этой интересной книги дѣлаетъ попытку вывести заключение о раннихъ астрономическихъ взглядахъ египтянъ изъ изученія ихъ храмовъ и міеологіи. Хотя всѣ свои заключенія авторъ высказываетъ лишь въ формѣ предположеній, но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что во всѣхъ этихъ предположеніяхъ заключается доля истины.

Еще равнѣе германскимъ профессоромъ Ниссеномъ высказано было предположеніе, что при постройкѣ египетскихъ храмовъ принималось во вниманіе положеніе небесныхъ свѣтилъ, къ которымъ обращены были главные оси храмовъ. На основаніи изслѣдованія древнѣйшихъ храмовъ, выстроенныхъ въ честь солнца, въ Египтѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что египтяне много тысячъ лѣтъ тому назадъ имѣли уже понятіе о солнцестояніяхъ и храмы свои строили такъ, чтобы имѣть возможность точно наблюдать время солнцестоянія. Авторъ полагаетъ, что въ этихъ храмахъ впервые египтяне положили начало нашему годовому счисленію. Положеніе храма Аментъ-Ра было таково, напримѣръ, что при восходѣ солнца, во время дѣтняго солнцестоянія, на алтарь долженъ былъ падать великолѣпный и ослѣпительный снопъ солнечныхъ лучей, изъ чего жрецы могли заключить о началѣ истиннаго солнечнаго года. Притомъ дѣтнее солнцестояніе совпадало съ разлитіемъ Нила, что давало возможность египетскимъ жрецамъ не только точно опредѣлить длину года, но и время его начала. Изъ того, что нѣкоторые древніе храмы въ Египтѣ были построены такъ, что прямой солнечный лучъ не проникалъ въ нихъ ни при какомъ стояніи солнца, авторъ выводитъ заключеніе, что они посвящены были другимъ небеснымъ свѣтиламъ—звѣздамъ. Такъ какъ положеніе звѣздъ измѣнилось сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было тысячи лѣтъ назадъ, то автору приходится довольствоваться лишь однѣми гипотезами. Во всякомъ случаѣ методъ изслѣдованія автора даетъ возможность въ значительной степени обогатить на-

ши свѣдѣнія о древнемъ Египтѣ. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что міеологія была астрономическаго происхожденія и очень рано способствовала зарожденію идей, вызванныхъ наблюденіями надъ небесными свѣтилами. (Westminster Review).

«Aspects of Modern Study: University Extension Addresses (Macmillan and Co)». (Положеніе современнаго ученія).

Въ книгѣ собраны девять публичныхъ лекцій, прочитанныхъ на ежегодныхъ миттингахъ членовъ университетскаго движенія. Миттинга эти существуютъ съ 1886 года и устраиваются съ цѣлью развитія корпоративнаго духа между дѣятелями различныхъ центровъ университетскаго движенія. Самыя замѣчательныя изъ публичныхъ лекцій, собранныхъ въ упомянутой книгѣ, были прочитаны лордомъ Плейфейромъ, Гошеномъ и Джономъ Морлеемъ. Лордъ Шейфейръ говорилъ объ эволюціи университетскаго движенія, какъ части народнаго воспитанія, и о томъ, что великіе изобрѣтатели и ученые, открытія которыхъ извѣстны всему міру, вышли изъ народа. Румфордъ, напримѣръ, былъ школьнымъ учителемъ, Гемфри Дэви былъ сыномъ рѣзчика по дереву, Фарадэй былъ разносчикомъ новостей, Тиадаль—сыномъ ирландскаго крестьянина и т. д. Пора перестать сморѣть на университетское образованіе, какъ на привилегію тогдѣшняго класса людей, которые имѣютъ монополію называться джентльменами, сказалъ лордъ Плейфейръ въ заключеніи. Гошень въ своей лекціи говорилъ объ искусствѣ слушать, читать и думать. Онъ указывалъ на то, что мы имѣемъ склонности читать слишкомъ много и думать слишкомъ мало. Гошень находить, что величайшій недостатокъ нашего времени заключается именно въ чрезмѣрной быстротѣ чтенія—мы торопимся прочитать какъ можно больше и не даемъ себѣ времени остановившись надъ прочитаннымъ и обдумать его. Джонъ Морлей избралъ темою своей лекціи изученіе литературы. Изъ другихъ лекцій заслуживаетъ вниманія лекція профессора Макса Мюллера, прославляющаго изученіе древности, древняго языка, литературы, философіи и т. п. Даргамскій епископъ распространяется въ своей лекціи о значеніи возвышенныхъ идеаловъ, а сэръ Джемсъ Пажетъ говоритъ о пользѣ и значеніи научныхъ занятій. Вообще, каждая изъ девяти лекцій, собранныхъ въ книгѣ, касается какого-нибудь важнаго вопроса въ области знанія, и потому сборникъ этихъ лекцій

представлять в высшей степени полезное издание.

(Westminster Review).

«*Studies in Mediaeval Life and Literature*». By Edward Tompkins, late Professor of Belles Lettres in Yale University. New-York. Putnam. (Очерки средневековой жизни и литературы). Молодой американский профессор, блестящая карьера которого была слишком рано подкошена смертью, выказал в этих очерках не только выдающийся талант и основательное знание предмета, но также и умъе интересно и просто излагать его, без всякаго лишняго педанства. Особенно интересны главы: «Ульрих фонъ-Лейхтенштейнъ» и «Средневековая женщина». Достоин-

ство книги именно заключается в томъ, что она можетъ быть интересна для самаго обыкновеннаго читателя, несмотря на свой серьезный научный характеръ. (Westminster Review).

«*From Earth's Center; A Polar Gateway Message*». (Из центра земли). Маленькая книжка, заключающая в себѣ фантастическій рассказъ о странѣ, существующей въ центрѣ земли, куда можно попасть посредствомъ полярнаго течения. В этой странѣ осуществлены социальные идеалы школы Беллами, и поэтому весь рассказъ представляетъ ничто иное, какъ замаскированную проповѣдь доктринъ этой школы.

(Popular Science Monthly).

Философія, физиологія, психологія.

«*A Review of the systems of ethics founded on the Theory of Evolution*». By C. M. Williams. New-York and London: Macmillan and Co. (Обзоръ различныхъ системъ этики, основанный на теоріи эволюціи). Книга состоитъ изъ двухъ частей: въ первой части изложены отдѣльные взгляды основателей главныхъ системъ эволюціонной этики; во второй же заключается общій обзоръ всей этой области. Авторъ выдвигаетъ на первый планъ взгляды Дарвина, Уоллеса, Геккеля, Спенсера, Фиске, Ральфа, Баррета, Стефена, Карнери, Геффдингга, Гизицаго, Александра и Ри. Чарльзъ Дарвинъ ставится авторомъ во главѣ этого списка ученыхъ, какъ первый, положившій начало теоріи эволюціи; поэтому авторъ цитируетъ цѣлыя страницы изъ его трудовъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о другихъ «великихъ авторитетахъ» въ этой области и, наконецъ, переходитъ къ такимъ писателямъ, которые, по его словамъ, «работали и развили теоріи вышеупомянутыхъ великихъ мыслителей». Во главѣ этого втораго списка авторъ ставитъ Герберта Спенсера и его социальную статику, въ которой изложены главные основы его теоріи этики. Во второй части книги собрана масса очень поучительныхъ данныхъ и сдѣланы весьма основательные выводы. Авторъ разсматриваетъ наследственность, различныя ея видоизмѣненія и эволюцію, взаимныя отношенія мысли и чувства, эволюцію воли, эгоизма, альтруизма и сознанія. Очень интересна глава о прогрессѣ нравственности въ исторіи человѣчества. Между прочимъ, авторъ указываетъ, что уровень нравственности

древнихъ грековъ и римлянъ и средневековой Англій былъ далеко ниже современнаго уровня. Въ заключительной главѣ авторъ говоритъ о стремленіи къ идеалу и о разнообразіи понятій объ идеалѣ. Книга очень интересна и заслуживаетъ полнаго вниманія.

(Popular Science Monthly).

«*A Theory of development and Heredity*». By Henri Orr, Professor of the university of Louisiana, New-York and London. (Теорія развитія и наследственности). Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ говоритъ, что путемъ критическаго обзора биологическихъ фактовъ, въ основу котораго должны быть положены результаты физическихъ и психологическихъ изслѣдованій, можно достигнуть правильнаго взгляда на великія явленія жизни и выяснитъ такія взаимныя отношенія явленій, которыя до сихъ поръ казались трудно объяснимыми. Исходя изъ этого взгляда, авторъ рисуетъ схему развитія первичной протоплазмы ея ростъ и образование все новыхъ и новыхъ комбинацій, причѣмъ говоритъ, что, такъ какъ однѣ и тѣ же силы дѣйствуютъ въ каждомъ поколѣніи и образуютъ серію стимуловъ, одинаковыхъ для каждаго поколѣнія, то каждое поколѣніе слѣдуетъ въ своей жизни по тому же самому пути развитія, по которому слѣдовали его предки. Различныя фазы одного и того же процесса заключаютъ въ себѣ объясненіе роста, развитія и наследственности, и въ своемъ собственномъ развитіи мы должны, по мнѣнію автора, видѣть проявленія извѣстной опредѣленной дѣятельности созидательной силы. Книга профессора Орра интересна какъ по-

пытка объясненія эволюціонной теоріи развитія и наследственности.

(Popular Science Monthly).

«*Man's Place in Nature and other anthropological Essays. By Thomas Huxley Collected Essays; London, Macmillan and Co. 1894. (Мѣсто человека въ природѣ).*»

Новое изданіе замѣчательнаго труда профессора Гексли, помимо своего историческаго значенія, представляет огромный интересъ для всѣхъ, кто стремится познакомиться съ тѣмъ, что говоритъ наука о человѣкѣ. Краткое предисловіе къ этому новому изданію, вѣроятно, особенно обратитъ на себя вниманіе, такъ какъ Гексли сообщаетъ въ немъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ вначалѣ была написана его книга, встрѣтившая при своемъ появленіи такой неприязненный приемъ. Времена измѣнились, и теперь его книга, какъ онъ самъ выражается, можетъ быть прочтена въ любой воскресной школѣ, не возбуждивъ ни малѣйшаго изумленія ни въ комъ. Гексли полагаетъ, что его собственный опытъ долженъ поощрить молодыхъ авторовъ быть смѣлыми и не бояться говорить прямо то, что они хотятъ сказать и считаютъ истинной, хотя бы это и могло оскорбить застарѣлые предрасудки. Конечно, они не могутъ думать, что имъ удастся побѣдить съ одного удара. «Истина велика,—говоритъ Гексли,—но именно, принимая во вниманіе это величіе истины, любопытно видѣть, какъ много надо времени для того, чтобы она восторжествовала».

(Westminster Review).

«*Status of the Mind Problem. By Lester F. Ward. Washington. 1894. (О положеніи ума).*» Авторъ дѣлаетъ смѣлую и въ то же время чрезвычайно логическую попытку доказать, что протоплазма, которую профессоръ Гексли называетъ «физическою основою жизни», является въ то же время и главною основою дѣятельности ума. Свои разсужденія и заключенія авторъ основываетъ на химическихъ и психологическихъ данныхъ и вообще въ основу своихъ взглядовъ кладетъ химическіе законы. Онъ говоритъ, что проявленія ума находятся въ такомъ же отношеніи къ мозгу и нервной системѣ, въ какомъ стоятъ всѣ другія явленія къ тѣмъ субстанціямъ, которыя ихъ производятъ; однимъ словомъ, умъ составляетъ неотъемлемую принадлежность организованнаго тѣла. Хотя, быть можетъ, многое можно возразить противъ аргументовъ американскаго писателя, но, тѣмъ не менѣе, попытка его разрѣшить логическимъ и

добросовѣстнымъ образомъ проблему ума заслуживаетъ полное сочувствіе.

(Westminster Review).

«*Essays by Thomas H. Huxley. Vol. I. Method and results; Vol. II. Darwiniana; Vol. III. Science and education. New-York. 1894. D. Appleton and Co (Опыты).*» Первый томъ серіи, которая будетъ заключать въ себѣ собраніе «статей» Гексли, изданныхъ имъ подъ общимъ заглавіемъ «Опытовъ», начинается весьма характеристичной автобіографіей и заключаетъ въ себѣ девять статей, написанныхъ Гексли между 1866 и 1890 г. Авторъ говоритъ, что хотя, быть можетъ, эти статьи не свободны отъ повтореній и недостатковъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ не находитъ нужнымъ измѣнить въ нихъ что-нибудь, что касается сущности статей. Въ первомъ томѣ слѣдующія статьи: о полезности усовершенствованія природныхъ знаній; о прогрессѣ науки; о Декартовскомъ «Discours de la methode»; объ административномъ нигилизмѣ; о природномъ неравенствѣ людей; о естественныхъ и политическихъ правахъ и о правительствѣ. Во второмъ томѣ помѣщены статьи, касающіяся древняго ученія объ эволюціи, возобновленнаго на прочномъ научномъ основаніи со времени изданія знаменитаго труда о происхожденіи видовъ. Всѣхъ этихъ статей три: о Чарльзѣ Дарвинѣ, о его знаменитомъ трудѣ и его некрологъ въ связи съ воспоминаніями самого автора о своемъ другѣ, знаменитомъ ученомъ. Третій томъ заключаетъ семнадцать статей, написанныхъ между 1854 и 1887 годами.

(Popular Science Monthly).

«*The Child Physically and Mentally, by Bertha Meyer. (Дитя въ физическомъ и умственномъ отношеніи).* Маленькая брошюрка, переведенная съ нѣмецкаго, служитъ какъ бы дополненіемъ къ первому труду автора, изданному тринадцать лѣтъ назадъ. Въ брошюрѣ собраны новѣйшія данныя гигиенической науки, съ которыми авторъ находитъ полезнымъ познакомиться современныхъ матерей, желающихъ сохранить здоровую душу и здоровое тѣло у своего ребенка. (Bookseller).

«*History of the Philology of Pedagogics, by Charles W. Bennett. (Исторія философіи педагогики).*» Авторъ дѣлаетъ историческій обзоръ попытокъ за послѣднія четыре-пять столѣтій, построить воспитательную систему на какомъ-нибудь принципѣ и подробно разсматриваетъ воспитательную дѣятельность различныхъ религиозныхъ реформаторовъ;

абстрактныя теологическія воспитательныя системы, вліяніе іезуитизма, яansenизма, pietизма, реализма и гуманизма на дѣло воспитанія и рисуеъть ходъ развитія педагогики и различныхъ педагогическихъ теорій. Къ книгѣ приложены портреты главныхъ основателей педагогическихъ системъ и людей, высказывавшихъ важныя мысли о воспитаніи, съ Эразма до Фребеля.

(Popular Science Monthly).

«*Des peurs maladises ou phobies*» par E. Géléan. Paris. 1894. *Société d'édicions scientifiques.* (О болѣзненныхъ страхахъ или «фобіяхъ»). Дѣтъ двадцать пять назадъ впервые была описана докторомъ Бенедиктомъ, изъ Вѣны, особенная форма нервнаго страха — боязнь пространства. Бенедиктъ, однако, этому явленію не придалъ особеннаго значенія, и только спустя два года оно было опять описано, и уже болѣе подробно докторомъ Вестфалемъ, который называлъ его «агорафобіей» — боязнью площадей. Такая боязнь, при болѣе подробномъ изслѣдованіи, оказалась настоящимъ болѣзненнымъ явленіемъ, причеиъ замѣчено было большое разнообразіе формъ этого явленія. Патологическій страхъ выражался очень различно: одни боялись открытыхъ пространствъ — другіе — закрытыхъ мѣстъ (claustrophobia); затѣиъ эту рубрику пришлось еще увеличить по послѣднимъ наблюденіямъ, и авторъ упомянутой книги цитируетъ уже около тридцати видовъ патологическаго страха, куда включаетъ, между прочимъ, и «бациллофобію». Конечно, эти виды патологическаго страха можно разнообразить до безконечности, но суть не въ томъ, какъ проявляется патологическій страхъ, а въ томъ, что онъ существуетъ въ той или другой формѣ, такъ какъ присутствіе его указываетъ на нарушеніе цѣлости психической системы. Чаще всего явленіе патологическаго страха приходится на-

блюдать у истеричныхъ субъектовъ неврастениковъ и вообще у такихъ, у которыхъ можно замѣтить явные признаки вырожденія. Книга г. Желано представляетъ интересъ уже потому, что она касается области мало извѣданныхъ психическихъ явленій и указываетъ, что между состояніемъ полнаго здоровья и вполнѣ опредѣленною болѣзнию заключается еще цѣлая область такихъ явленій, которыя служатъ выраженіемъ самыхъ разнообразныхъ психическихъ уклоненій, но не могутъ быть прямо причислены ни къ которой изъ рубрикъ психическихъ болѣзней опредѣленнаго типа. (Revue Scientifique).

«*Short studies in Character.*» By Sophie Bryant. London Sonnenschein et Co. 1894. (Краткіе очерки характеровъ). Въ книгѣ затронутъ вопросъ чрезвычайной важности о дѣйстви различныхъ вліяній на нравственную природу человека. Авторъ выдвигаетъ на первый планъ вліяніе интеллекта и вліянію эмоцій придаетъ гораздо меньшее значеніе. Масса зла въ нравственномъ отношеніи проистекаетъ изъ глупости, невѣжества и отсутствія систематическаго воспитанія, и авторъ указываетъ на способы борьбы съ этимъ зломъ. Въ книгѣ двѣ части: этическая и педагогическая, которыя, впрочемъ, въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Въ этической части книги, между прочимъ, слѣдующія главы: кардинальныя добродѣтели: справедливость; мои обязанности къ моему сосѣду; дружба; вліяніе идеаловъ; типы нравственнаго развитія и т. п. Въ книгѣ г-жи Бриантъ такъ много тонкаго пониманія природы дѣтей и юношей, что ее можно смѣло рекомендовать, какъ руководство для всѣхъ тѣхъ, кто принимаетъ близко къ сердцу правильное нравственное развитіе молодого поколѣнія.

(Westminster Review).

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Вопросы русской общественной жизни. Въ нашей печати часто раздаются голоса, доказывающіе, что народъ не чувствуетъ никакой потребности въ образованіи, и что всѣя читальни, бібліотеки, воскресныя школы и пр. чуть ли не насильно навязываются ему интеллигенціей. Опроверженію подобнаго взгляда посвящается, помѣщенная въ № 39 «Недѣли», статья Пругавина «Крестьянскія бібліотеки», въ которой Пругавинъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ, что въ народѣ уже пробудилась жажда знанія, и что онъ сознательно стремится къ расширенію и пополненію своего элементарнаго образованія посредствомъ чтенія. Въ настоящее время во многихъ уголкахъ Россіи, по почину самихъ крестьянъ, устраиваются бібліотеки и читальни. Еще года три назадъ «Сельскій Вѣстникъ» передавалъ, что въ земскія собранія все чаще и чаще поступаютъ просьбы крестьянъ объ устройствѣ бібліотекъ при школахъ. Движеніе это развивается очень быстро.

Пругавинъ приводитъ слѣдующіе примѣры открытія народныхъ бібліотекъ, по ходатайству самихъ крестьянъ:

«Когда при школѣ въ селѣ Липцахъ, Харьковскаго уѣзда, сгорѣла бібліотека, то крестьяне упросили одного

изъ гласныхъ-крестьянъ ходатайствовать передъ земствомъ о пособіи на возстановленіе бібліотеки. При этомъ одинъ крестьянинъ пожертвовалъ на нее 80 рублей. Крестьяне трехъ волостей Лужскаго уѣзда составили въ 1884 году особыя приговоры, которыми установленъ трехкопѣечный сборъ съ души на устройство школьныхъ бібліотекъ и бібліотекъ для чтенія. Въ одной волости собрано было съ этой цѣлью 15 р., въ другой—25 р. и въ третьей—50 р. На петербургскихъ фабрикахъ, за Невскою заставой, рабочіе содержатъ фабричныя читальни, изъ которыхъ они пользуются избранными сочиненіями русскихъ писателей, разными популярными изданіями, а также журналами и газетами. Въ селѣ Истобенскомъ, Орловскаго уѣзда, два зажиточныхъ крестьянина, Нелюбинъ и Ожигановъ, пожертвовали 300 руб. на устройство народной бібліотеки при Истобенскомъ двухклассномъ училищѣ. Бібліотека въ этомъ селѣ особенно нужна, такъ какъ число грамотныхъ и учащихся составляетъ въ немъ половину всего населенія. Крестьянское общество села Странунино, Оханскаго уѣзда, въ 1888 г. добровольно собрало и пожертвовало 150 руб. на устройство бібліотеки при земскомъ училищѣ въ ихъ селѣ, и теперь эта бібліотека уже открыта.

Крестьяне Турниговской волости, Тверского уезда, на волостномъ сходѣ учредили при волостномъ правленіи, въ память 17 октября, народную библиотеку, на что предположили собрать до 500 рублей, изъ которыхъ 75 уже собраны.

«Часто сельскія библиотеки открываются по почину образованныхъ лицъ, живущихъ въ деревнѣ: учителей, священниковъ, помѣщиковъ и т. д. Крестьяне весьма охотно отзываются на такой починъ и даютъ посильныя средства на устройство читальни, очень скоро привязываются къ библиотекѣ, и уже самостоятельно заботятся объ ея развитіи».

Далѣе Пругавинъ рассказываетъ еще слѣдующіе случаи:

Въ Пружанскомъ уездѣ, Гродненской губерніи, въ 1892 году, согласно приговорамъ волостныхъ сходовъ, открыты библиотеки при 27 народныхъ училищахъ. На устройство этихъ библиотекъ сходами ассигновано 555 р.

На Лоховскомъ волостномъ сходѣ, Саратовскаго уезда, разсматривался вопросъ объ устройствѣ библиотеки при волостномъ правленіи. Сходъ нашелъ, однако, что библиотекой при волостномъ правленіи затруднительно будетъ пользоваться жителямъ другихъ селъ и деревень, кромѣ с. Лоха, и потому призналъ за лучшее устроить библиотеку въ каждомъ обществѣ отдѣльно.

Недавно общественная библиотека открылась въ с. Кривинѣ, Новгородскаго уезда, по почину самихъ крестьянъ. На помощь крестьянамъ пришелъ ихъ однообщественникъ Я. Е. Егоровъ, который, происходя изъ крестьянъ с. Кривина, уже много лѣтъ состоитъ учителемъ въ селѣ Рыбацкомъ, близъ Петербурга. Егоровъ обратился однажды на сходѣ къ кривинскому сельскому обществу съ предложеніемъ устроить бесплатную библиотеку, взявъ на себя трудъ хлопотать передъ начальствомъ, собирать, покупать и хранить книги, вести

отчетность и каталоги и проч. Помѣщеніе для библиотеки Егоровъ отвелъ въ собственной избѣ. Мѣстный священникъ, о. Судаковъ, изъявилъ согласіе взять бесплатно на свое попеченіе наблюденіе за чтеніемъ и выдачу книгъ изъ библиотеки во все то время, пока Егорову приходится жить въ Петербургѣ. Подъ приговоромъ подписались 31 домохозяинъ. За устройство библиотеки подавали свой голосъ не только грамотные, но и неграмотные, которые, хотя и не умѣютъ читать, но жадно стремятся слушать чтеніе. Дѣло пошло въ ходъ, и ходатайство объ открытіи библиотеки было уважено губернаторомъ.

«Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ, продолжаетъ Пругавинъ, сообщаетъ мнѣ о движеніи, возникшемъ прошлою осенью среди крестьянъ нѣкоторыхъ волостей Лебедянскаго уезда, Тамбовской губерніи, съ цѣлью открытія сельскихъ общественныхъ библиотекъ. Состоялось нѣсколько приговоровъ какъ сельскихъ, такъ и волостныхъ сходовъ. Такъ, крестьяне села Пороя, Куйманской волости, единогласно постановили: пропустить приходскаго священника исхода-тайствовать разрѣшеніе на открытіе при женской церковно-приходской школѣ библиотеки, съ тѣмъ, чтобы самое зданіе школы въ праздничное время служило и читальней. Ассигновавъ на первый разъ двадцать пять рублей, крестьяне попечителемъ библиотеки выбрали мѣстнаго помѣщика, врача К. И. Аменицкаго».

Но не вездѣ ходатайства объ открытіи читальней и библиотекъ увѣнчиваются такимъ успѣхомъ, какъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, о которыхъ сообщаетъ Пругавинъ. Вотъ напр., что пишетъ корреспондентъ «Саратовскаго Дневника» изъ слободы Орловъ-Гай, Новоузенскаго уезда.

Недавно у насъ собирался сельскій сходъ. На немъ было, между прочимъ, предложено возбудить ходатайство

объ открытіи въ слободѣ народной читальни; при этомъ было поставлено непремѣннымъ условіемъ, чтобы общество, возбуждая ходатайство, обязалось отдавать на содержаніе читальни *ежегодный посявъ хлѣба въ тридцать десятинъ*. Если въ средѣ крестьянъ, къ сожалѣнію, и существуетъ еще сомнѣніе въ пользѣ грамоты, то у самого незначительнаго меньшинства; многіе же хорошо понимаютъ, что она не только не бесполезна, но и необходима. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о читальнѣ прошелъ въ отрицательномъ смыслѣ. Причиной этому, какъ и слѣдовало ожидать, послужили 30 десятинъ. Если принять во вниманіе, что производство этого посява будетъ стоить, по меньшей мѣрѣ, 1.000 руб., то станетъ ясно, что при настоящемъ экономическомъ состояніи общества, иного рѣшенія и не могло быть. Выполненіе обязательства о производствѣ посява было бы трудно для общества уже по одному тому, что оно, при 2.131 ревиз. душахъ, имѣетъ за собой до 200.000 р. разныхъ недоимокъ и долговъ, а затѣмъ и потому еще, что и безъ того засѣваетъ ежегодно десятинъ по 600 на уплату долговъ. Возникаетъ вопросъ, зачѣмъ же обставлять это доброе дѣло такими условіями, какъ посявъ 30 десятинъ! Обществу несравненно легче удѣлить часть мірскаго дохода (хотя бы, на примѣръ, изъ дохода отъ ярмарки), чѣмъ дѣлать посявъ».

Нечего и говорить о томъ, какое огромное значеніе имѣютъ въ деревнѣ бібліотеки и читальни, которыя, наряду со школами, являются единственными проводниками свѣта въ темной деревенской массѣ, до сихъ поръ еще находящейся во власти всевозможныхъ предрасудковъ и суевѣрій. До какихъ предѣловъ доходить въ иныхъ мѣстахъ невѣжество народа, можно судить, между прочимъ, и по слѣдующему факту: въ одномъ изъ уѣздовъ

Виленской губерніи крестьяне приняли профессора, явившагося къ нимъ дѣлать этнографическія измѣренія, ни болѣе, ни менѣе, какъ за антихриста. Вотъ что разсказывается объ этомъ удивительномъ фактѣ въ мѣстной газетѣ. «Одинъ злополучный уѣздъ, — разсказываетъ «Вил. Вѣстн.», — былъ до основанія потрясенъ довольно страннымъ событіемъ: — въ уѣздѣ появился антихристъ и привелъ бѣлорусовъ въ неописанный ужасъ. Дѣло въ томъ, что, имѣя постоянныя сношенія съ евреями, бѣлоруссы знаютъ отъ нихъ, что каждый еврей съ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего «мессіаша». По прелестивенію крестьянъ, «мессіашъ» — антихристъ и будетъ обращать народъ въ еврейство, сдирая съ упрямыхъ кожу и забивая имъ подъ ногти щепки. И достаточно бываетъ малѣйшаго повода, чтобы горячее воображеніе суевѣрнаго бѣлорусса на этой почвѣ создало самую чудотворную и нелѣпую исторію. Въ уѣздѣ пріѣхалъ профессоръ В. для этнографическаго измѣренія череповъ мѣстныхъ бѣлоруссовъ. Мудрѣйшіе изъ крестьянъ поняли это по своему и признали почтеннаго этнографа самымъ подлиннымъ антихристомъ, или «мессіашемъ», который разтѣзжаетъ по убаду и налагаетъ на христіанъ свою нечестивую печать, «записываетъ пановъ, выбираетъ мальцевъ, не гребуецъ и дзивчатами». Страшная вѣсть съ быстротою молніи облетѣла уѣздъ и повергла въ неописанный ужасъ и уныніе суевѣрныхъ крестьянъ. Особенно же они смутились тогда, когда узнали, что многія интеллигентныя лица, въ томъ числѣ и священники, приняли безбожную печать, позволивъ измѣрить свои головы. Старики ходили, опустивъ головы, и тяжело вздыхали, бабы рыдали, заламывъ руки, и только молодые вольнодумцы не отчаявались при этомъ и пропивали излишнее добро, въ виду скорой кончины міра. И когда г. В. приближалъ

ся къ городу, то наиболѣе храбрые подгородные крестьяне собрались толпой и порѣшили или принять мученической вѣнецъ отъ антихриста, или же убить его, поднявъ, по древнему обычаю, на колья. Ученому мужу угрожала безславная смерть отъ колевъ суевѣрныхъ бѣлоруссовъ, но исправникъ предупредилъ несчастье, посоветовавъ профессору поворотить обратно, не смущая крестьянъ вѣтреннаго ему уѣзда.

«Такимъ образомъ, г. В. избѣжалъ мученичества за науку, но за то не избѣрилъ Н-скихъ череповъ, — вѣроятно, къ великой потерѣ для отечественной этнографіи. Но слухи объ антихристѣ и его безбожныхъ похвощеніяхъ еще долго волновали умы. Говорили, что одинъ храбрый паренъ выстрѣлилъ въ антихриста изъ ружья, причемъ послѣдній покивалъ на храбрца пальцемъ, пригрозилъ напомнить ему о себѣ черезъ три года и разлился водой. Потомъ утверждали, что антихристъ пойманъ однимъ урядникомъ и содержится въ сараѣ подъ замкомъ. Народная фантазія представляетъ противника Христа въ видѣ какого-то чудовищнаго звѣря.

«Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, наконецъ явился ловкій проходимецъ и началъ, подъ именемъ антихриста, эксплуатировать запуганныхъ суевѣрныхъ крестьянъ. Но преступная дѣятельность его была своевременно прекращена, и пойманный шантажистъ былъ представленъ въ полицію, гдѣ съ нимъ и поступили по закону».

Можно представить себѣ уровень культурнаго развитія людей, принимающихъ мирнаго профессора этнографіи за антихриста. Но, оказывается, въ нашемъ отечествѣ есть и такіе уголки, которые, по своей дикости и варварству, далеко оставляютъ за собою вышеупомянутый уѣздъ Виленской губ. По словамъ «Волжскаго Вѣстника», «въ городѣ

Малмыжѣ, Вятской губ., въ предстоящую сессію будетъ разбираться сарапульскимъ окружнымъ судомъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, очень интересное дѣло крестьянъ села Старого-Мутана, Старотрыкской волости, обвиняемыхъ въ лишеніи жизни крестьянина, Конона Дмитріева Матюшина, *для принесенія человѣческой кровной жертвы* вятскимъ язическимъ богамъ. Для принесенія человѣческой жертвы крестьянину Матюшину была отрѣзана голова и выпоротъ животъ, откуда и были извлечены внутренности, а затѣмъ, послѣ жертвоприношенія, обезглавленный трупъ Матюшина былъ выброшенъ на пѣшеходную—не проѣзжую въ лѣтнее время дорогу, въ лѣсу, между деревней Чулги и селомъ Аныка. Трупъ Матюшина былъ усмотрѣнъ крестьянскою дѣвочкою Марею Головизиной, которая, вернувшись домой, рассказала своимъ одножителямъ о страшномъ находкѣ».

Разумѣется, подобные факты—случаи исключительные и нельзя по нимъ составлять сужденія объ ответственномъ и нравственномъ развитіи русскаго крестьянства вообще. «Земля наша велика и обильна» и на ряду съ такими остатками варварства, какъ человѣческія жертвоприношенія, мы видимъ въ народѣ все усиливающееся стремленіе къ знанію и свѣту, выражающееся, между прочимъ, и въ приводимыхъ Пругавинымъ ходатайствахъ крестьянъ объ устройствѣ сельскихъ бібліотекъ. Но самая возможность возникновенія такихъ единичныхъ случаевъ доказываетъ, какъ много еще предстоитъ работы въ области народнаго образованія.

Годовщина смерти П. И. Чайковскаго. Въ ночь съ 24 на 25 октября 1893 г. въ Петербургѣ скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ композиторовъ XIX-го столѣтія, вообще,

богатаго крупными музыкальными дарованіями, — Петръ Ильичъ Чайковскій. Смерть его, поразившая всѣхъ своей неожиданностью и вызвавшая искреннее сожалѣніе во всѣхъ странахъ, была особенно чувствительнымъ ударомъ для молодого русскаго музыкальнаго искусства. Псалъ Глинки, который, силою своего генія, создалъ правильные пути для развитія русскаго музыкальнаго творчества и завоевалъ для русскихъ музыкантовъ почетное мѣсто во всемірной художественной семьѣ, Чайковскій занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ, если не первое. Онъ въ значительной степени способствовалъ ознакомленію Западной Европы и Америки съ русскою музыкой и доставилъ ей громкую извѣстность. Въ послѣдніе годы съ программъ лучшихъ концертныхъ учрежденій всего міра не сходить имя Чайковскаго, нѣкоторыя оперы его мало-по-малу приобрѣли повсюду право гражданства, а Кембриджскій университетъ и Парижскій Institut de France почтили въ лицѣ его русскую музыку высокими отличіями (званіями доктора музыки и члена академіи изящныхъ искусствъ). Нечего и говорить, что въ Россіи Чайковскій пользовался огромной популярностью.

Чайковскій достигъ славы сравнительно скоро. Этимъ онъ обязанъ двумъ качествамъ своего таланта, дѣйствующимъ неотразимо всегда и на всѣхъ: яркому мелодическому дару и искреннему увлеченію, сказывающемуся во всѣхъ его сочиненіяхъ. Какъ немислимо истинно великое литературное произведеніе безъ ясно опредѣленныхъ и положенныхъ въ его основу глубокихъ идей, какъ безцѣльны живопись и скульптура, если онѣ не являются воплощеніемъ жизненныхъ идей, прошедшихъ сквозь призму міросозерцанія художника и отиѣченныхъ индивидуальными особенностями его мышленія, такъ не можетъ быть настоящаго музыкальнаго

творчества безъ мелодій—свѣжихъ, оригинальныхъ, вышуклыхъ. Музыкальное мышленіе и заключается въ созданіи мелодій, говорящихъ сердцу человѣка не языкомъ отвлеченныхъ понятій, а непосредственно, необъяснимо-сильно, и, тѣмъ не менѣе, понятно. «Фаустъ» Гете, Сибстінская мадонна Рафаэля и симфонія Бетгоvena—проявленія одной и той же великой духовной силы, выразившейся при помощи различныхъ средствъ. Чайковскій обладалъ мощнымъ даромъ создавать мелодіи, трогаящія и увлекающія человѣческое сердце, и люди не могли не подпасть подъ обаяніе звуковъ его музыки. Съ другой стороны, Чайковскій, какъ истинный художникъ, всецѣло проникался содержаніемъ своихъ произведеній, онъ жилъ ими, горячо и любовно относился къ нимъ, и искренность его настроенія и вдохновенія передавалась его сочиненіямъ. Даже въ менѣе удачныхъ вещахъ его всегда чувствуется сильный порывъ, художественный, искренній темпераментъ, отношеніе человѣка, для котораго его искусство не забава, а глубоко серьезное дѣло. Человѣчество же всегда вѣрится охотнѣе искреннимъ, согрѣтымъ теплымъ чувствомъ рѣчамъ,—быть можетъ, и не вполне достаточно обоснованнымъ,—чѣмъ холоднымъ, хоть и строго-логически и правильно построеннымъ, рассужденіямъ, не пронизаннымъ духомъ живою, всеобъемлющею любовью. Чайковскій былъ всегда искрененъ въ музыкѣ, и на людей эта искренность не могла не дѣйствовать сильно, не могла не производить глубокаго впечатлѣнія.

Какъ у всѣхъ великихъ мастеровъ, у Чайковскаго выработался свой особенный стиль, сразу отличающій его отъ другихъ авторовъ. Стиль появляется у композитора тогда, когда, облекая въ звуки овладѣвшую имъ и ясно сознаванную музыкальную идею, онъ послѣдовательно развиваетъ ее, отбрасываетъ въ сторону все посторон-

нее, ненужное, и сохраняет художественное единство цѣлаго даже въ мельчайшихъ подробностяхъ. Умѣнѣ отличать главное отъ второстепеннаго, важное отъ безразличнаго, способствующее уясненію идеи отъ уклоняющаго въ сторону, хотя, быть можетъ, по существу и прекраснаго, — вотъ что образуетъ музыкальный стиль, вотъ чѣмъ обладалъ, вмѣстѣ съ немногими гениальными композиторами, Чайковскій. Сообразно съ личными особенностями каждаго человѣка, съ его общимъ развитіемъ, взглядами и вкусомъ, приемы при разработкѣ сочиненій въ такомъ выдержанномъ, цѣлостномъ направленіи могутъ быть, конечно, самые разнообразныя; такимъ образомъ, стиль композитора будетъ всегда носить отпечатокъ его индивидуальности. По способу письма узнаются картины великихъ художниковъ; такіе же своеобразныя слѣды духовной работы выдающихся композиторовъ носятъ и ихъ сочиненія. Чайковскаго легко можетъ узнать всякое лицо, мало-мальски свѣдущее въ музыкѣ: его произведенія имѣютъ свою, оригинальную физиономію. Но какъ бы велико ни было дарованіе художника, оно скажется въ полномъ блескѣ только тогда, когда художникъ въ совершенствѣ владѣетъ матеріаломъ, изъ котораго создаетъ свои творенія. Это — техническая сторона искусства, весьма трудная и требующая громаднаго, усиленнаго труда. Чайковскій владѣлъ ею вполне: матеріалъ принималъ въ его рукахъ тѣ формы, которыя были наиболѣе пригодны для его художественной цѣли. Разные эффекты, сочетанія, гармоническіе приемы, контрапунктическія тонкости, инструментальное остроуміе, являющіеся для многихъ цѣлью, служили для него средствомъ къ достиженію главнаго — яснаго, художественнаго развитія прекрасной музыкальной идеи.

Этими свойствами дарованія Чайковскаго объясняется всемірный успѣхъ

его сочиненій. Какъ русскій композиторъ, онъ иногда пользовался богатствами русской народной пѣсни, что придавало его произведеніямъ національный характеръ. Но, при этомъ, музыка его всегда говорила языкомъ понятнымъ и близкимъ всему человечеству. Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ мнѣ ни войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе композиторской дѣятельности Чайковскаго, ни коснуться его личности, какъ человѣка, вообще, и русскаго музыкальнаго дѣятеля, въ частности. Последнее удобнѣ всего будетъ сдѣлать, когда появится въ печати его подробная біографія, въ которую, по плану издателей (гг. М. И. Чайковскаго и Г. А. Лароша), войдетъ его обширная частная переписка. Достаточно, однако, сказать, что и въ частной жизни Чайковскій снискалъ себѣ массу горячихъ друзей и поклонниковъ, благодаря своей безграничной добротѣ, благожелательности и деликатности. Онъ умеръ въ цвѣтѣ силъ и таланта, вызвавъ во всѣхъ глубокую, неподдѣльную скорбь.

Лѣсныя женщины въ Самарской губ. Корреспондентъ «Самарской Газеты» изъ села Ширяевки, Сызранскаго уѣзда, рассказываетъ слѣдующій случай религіознаго самоистязанія. Полѣсовщикъ, обходя дачи своего владѣльца, зашелъ въ лѣсную дачу, принадлежащую Самарскому мужскому монастырю. Здѣсь онъ обратилъ вниманіе на какой-то шалашъ. Изъ шалаша раздавались человѣческіе стоны. Войдя въ шалашъ, онъ увидѣлъ тамъ трехъ почти совершенно нагихъ женщинъ. Женщины эти были взяты, послѣ заявленія полѣсовщика, въ село Ширяевку. Всѣ онѣ страшно исхудали отъ долгаго голоданія, а въ ушахъ, подъ глазами и въ другихъ мѣстахъ у одной изъ нихъ оказались раны, въ которыхъ завелись уже черви. Женщина эта черезъ три

часа послѣ доставленія въ Ширяевку умерла. Передъ смертью она не приняла къ себѣ православнаго священника и не захотѣла даже надѣть на себя крестъ, который ей предлагали. Вскорѣ полицейскій урядникъ сдѣлалъ по всему лѣсу облаву и нанюгъ еще трехъ женщинъ. Всѣ онѣ довольно пожилыхъ лѣтъ. Послѣ долгихъ увѣщаній одна изъ нихъ объяснила, что всѣ онѣ изъ Вятской губерніи, Великорѣцкой волости, разныхъ селъ и деревень. Пришли онѣ въ Жигулевскія горы молиться Богу, пострадать за Христа и умереть голодною смертью и ничего, кромѣ травы и ягодъ, не ѣли. Пришли же онѣ сюда потому, что слышали, будто въ Жигулевскихъ горахъ есть затворники. Къ какой сектѣ онѣ принадлежатъ, онѣ не объясняютъ. Богу онѣ молятся, но иконамъ не поклоняются, креста не носятъ и священства не признаютъ. Всѣхъ ихъ, по рассказамъ этой женщины, вышло съ родины до 30 человекъ—все женщины. Немного спустя около села Шелехметъ, Рождественской волости, найдена еще одна женщина, и многихъ, похожихъ по описаніямъ, видѣли ходящими по окрестнымъ селамъ и собирающими милостыню.

Интеллигентные пахари. Киевская газета «Жизнь и Искусство» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія объ «интеллигентныхъ пахаряхъ» на Кавказѣ: Въ печати до послѣдняго времени встрѣчались извѣстія только о неудачахъ и о полномъ фіаско интеллигентныхъ земледѣльческихъ поселеній. Бываютъ, однако, исключенія, и однимъ изъ такихъ исключеній является хозяйство, заведенное цѣлой группой интеллигентныхъ людей близъ Нальчика, въ Терской области. Въ началѣ интеллигентные пахари не умѣли ни пахать, ни косить, ни жать! Казалось бы, при этихъ условіяхъ, хозяйство едва ли могло пойти на ладъ, и,

однако, черезъ три-четыре года усиленнаго труда оно не только наладилось, но и стало уже приносить изрядный чистый доходъ. Только въ первый годъ своего хозяйничанья компанія, для уборки травъ и хлѣба, нанимала рабочихъ, а затѣмъ уже обходилась и обходится безъ нихъ. Участокъ, на которомъ «сѣла на землю» интеллигентная братія, прежде считался бесплоднымъ, а теперь на немъ прекрасно родится пшеница, рожь, картофель, огородныя овощи, дыни, арбузы, да, кромѣ того, разведенъ прекрасный молодой садъ.

Переселенцы въ пути. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» печатались интересные письма одной фельдшерицы, г-жи Л. Кр., приглашенной сопроводить партію переселенцевъ, ѣдущихъ на Амуръ, и оказывать имъ медицинскую помощь во время пути. Фельдшерица описываетъ, какъ трудно было отдѣлывать больныхъ отъ здоровыхъ на баржѣ и предохранить послѣднихъ отъ зараженія: «На палубѣ для отдѣленія заразныхъ больныхъ была устроена больничка въ три койки; во второй рейсъ ихъ было у меня двѣ. Кромѣ того, внутри баржи отгорожено было изъ досокъ помѣщеніе въ одну койку для родильницъ. Такъ какъ родовъ у меня не случилось ни въ первый, ни во второй рейсъ, то я приспособила родильню для больницъ. На самомъ дѣлѣ больнички вовсе не достигали своихъ цѣлей, потому что отдѣлить всѣхъ заразныхъ больныхъ не было никакой возможности: больныхъ было слишкомъ много, и инфекция была самая разнообразная. Во второй рейсъ у меня были всѣ заразныя болѣзни, исключая холеры и сыпного тифа: оспа (1), дифтеритъ (10), корь (50), скарлатина (6); брюшной тифъ (8) и дизентерія (почти всѣ). Волей-неволей приходилось оставлять больныхъ вмѣстѣ съ здоровыми, отчего 0/о за-

болѣваемости и смертности все возрастало. Кромѣ того больницы были устроены крайне небрежно: между поломъ и стѣнами, а также въ самыхъ стѣнахъ были большія щели, изъ которыхъ страшно дуло, печей не было, такъ что въ холодные дни, а ихъ было не мало, больные просто коченѣли отъ стужи. Благодаря этому обстоятельству, постоянно приходилось вести войну съ родными больного, котораго нужно было туда помѣстить. Война эта или оканчивалась полнымъ моимъ поражениемъ, или, если я и достигала своего, случалось, что на другой же день больной исчезалъ изъ больницы и приходилось снова водворять его туда. Правда, у насъ былъ другой исходъ, при помощи котораго можно было отдѣлать больныхъ: это — ссадка ихъ на пунктахъ, гдѣ были студенты-медики и имѣлись бараки. Но средство это носило довольно обоюдострый характеръ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда партія шла далеко, напр. на Амуръ, какъ это было у меня. Ссадивъ при такихъ условіяхъ больного съ его семьей, я могла быть вполне увѣрена, что она уже навсегда отрѣзана отъ своей партіи, со многими членами которой они шли отъ самаго дома, и только чистая случайность могла какъ-нибудь впоследствии свести ихъ вмѣстѣ. Никто изъ моей партіи, идя на Амуръ, не имѣлъ въ виду какого-нибудь опредѣленнаго мѣста — деревни, волости. Съ другой стороны высаженные несчастливцы, сидя здѣсь, должны будутъ прохарчить свои послѣднія денжки, потому что суммъ для продовольствія родственниковъ больныхъ у медиковъ не имѣлось, не имѣлось также отдѣльнаго помѣщенія для здоровыхъ. Изъ всего этого видно, что прежде, чѣмъ рѣшиться на высадку больного, слѣдовало очень и очень подумать.

Помню, какую ужасную нравственную пытку пришлось мнѣ испытать,

когда я хотѣла высадить въ Демьянскѣ одного дифтеритнаго. Родные больного плакали и валялись у меня въ ногахъ, а всѣ остальные прямо-таки ополчились на меня. Даже староста, съ которымъ мы вообще были пріятелями, воспротивился и категорически заявилъ, что не позволить раздѣлять партію. Когда я чуть не со слезами стала имъ доказывать, что если не ссадить этого больного, то дифтеритъ распространится и пойдетъ косить дѣтей, а можетъ быть, и взрослыхъ, всѣ хоромъ заговорили: «Хай собі такъ, чй мало вже въ насъ і безъ того вмѣрло. Хотъ би тимъ, хто живимъ останеса, до Амуру разомъ доіхати, а не зоставитися по дорозі». Дѣло кончилось тѣмъ, что, измучившись и не находя ни въ комъ поддержки, я оставила больного, помѣстивъ его въ больницу».

Работы на баржѣ было очень много. «Заболѣваемость въ послѣдній рейсъ была такъ велика и больныхъ, рассказываетъ г-жа Л. Кр., обращавшихся ко мнѣ за помощью, такъ много, что о болѣе или менѣе тщательномъ осмотрѣ каждаго больного не могло быть и рѣчи. Ежедневное количество амбулаторныхъ больныхъ у меня было такое, какое въ средней земской лечебницѣ бываетъ развѣ по праздничнымъ днямъ, — человекъ 60, а то и больше. Кромѣ этихъ больныхъ, были и такіе, которые не могли сами придти ко мнѣ, но тоже нуждались въ моей помощи. Записывать всѣхъ, за недостаткомъ времени, я, конечно, не могла, поэтому не могу представить болѣе точной цифры. Прибавьте къ этому, что мнѣ приходилось заниматься торговлей, выдавать провизію, дѣлать хоть разъ въ день обходъ баржи, закупать на пристаняхъ все необходимое, сдавать покойниковъ, входить во всѣ мелочи, съ которыми переселенцы обыкновенно шли ко мнѣ, и въ довершеніе всего заниматься канцелярской работой, т. е. вести 4 от-

четныя книги, и вы увидите, къ чему въ концѣ-концовъ могла свестись моя медицинская дѣятельность на ряду со всѣми антисанитарными условіями, сопровождающими путешествіе переселенцевъ на баржѣ, о которыхъ я упоминала выше. Чувство постоянной неудовлетворенности угнетало меня.

На каждой пристани, начиная отъ Тобольска, я сдавала не меньше трехъ, а какъ-то разъ даже 6 гробовъ. Мертвецкой у меня не было и гробы стояли прямо на палубѣ, между двумя больничками, на виду у всѣхъ. За погребеніе переселенцы обыкновенно должны были платить по 1 р., 1 р. 50 к. и въ Томской губ. даже по 2 р. съ гроба. Сюда входила плата священнику и за вѣнчики. Только въ Демьянскомъ, Сургутѣ и Самаровѣ, гдѣ были медицинскіе пункты, плата была отъ 35 к. до 60.

О времяпрепровожденіи переселенцевъ на баржѣ г-жа Л. Кр. сообщаетъ слѣдующее: «Вставали они обыкновенно очень рано, хотя многіе ложились довольно поздно, особенно молодежь. Бабы сейчасъ же принимались за какую-нибудь работу, — праздно сидящими я ихъ мало видала; кто стиралъ бѣлье, большею частью безъ мыла, прямо на полу палубы (у борта) холодной водой, кто мылъ посуду; кое-какія бабы шили, очень многія вышивали сорочки и очинки, причѣмъ работа отличалась чистотой отдѣлки и быстротой, узоръ же заимствовался изъ собственной фантазіи. Кромѣ этихъ занятій на рукахъ женщинъ всецѣло лежала забота и уходъ за дѣтьми, между которыми были почти всѣ больны; здоровыя дѣти составляли исключеніе. Мужья рѣдко помогали въ этомъ своимъ женамъ, не смотря на то, что бѣдныя бабы изъ силъ выбивались, проводя иногда цѣ-

лыя ночи безъ сна. Мужики большею частью бездѣлничали, если не считать того, что нѣкоторые изъ нихъ занимались на кухнѣ стряпней, да изрѣдка кто-нибудь читалъ книжку (грамотныхъ между малороссами гораздо меньше, чѣмъ между великороссами). Здѣсь, глубокомысленно посасывая свои люльки, сидитъ кучка хохловъ и лѣниво ведетъ бесѣду о неурожаяхъ и недоимкахъ (разговоры о планахъ на будущее я почти не слыхала). Тамъ собралась небольшая группа и играетъ въ карты, немилосердно колотя другъ друга по носамъ; слышится смѣхъ и остроты, а рядомъ съ ними скрипитъ пила и стучитъ молотокъ, сколачивающій гробикъ для только-что умершаго ребенка. Надъ нимъ не слышится завыванія родныхъ, — причитаютъ только надъ взрослыми; а гдѣ-то снизу раздается монотонное чтеніе псалтыря, да черезъ люкъ виднѣтся горящая звѣздочкой свѣчка у изголовья покойнива. Нѣсколько человекъ спятъ внутри баржи, а кто просто слоняется по палубѣ безъ всякаго дѣла. Изъ кухни раздается брань и усовѣщиваніе старосты. Въ теплые дни наверху обыкновенно устраивается охота на насекомыхъ. Тутъ ужъ нѣтъ раздѣленія труда по поламъ; занимаются ею всѣ — мужики, бабы и даже ребятишки, съ ожесточеніемъ возставъ на общаго врага, отъ котораго просто житья нѣтъ, потому что негдѣ ни помыться, ни бѣлья какъ слѣдуетъ вымыть.

По вечерамъ на палубѣ чувствуется нѣкоторое оживленіе; оно сосредоточивается главнымъ образомъ на носу, гдѣ собирается молодежь. Оттуда слышатся звуки пѣсенъ и гармоники, визгъ, хохотъ, — это гуляютъ хлопцы съ дівчатами».

Изъ русскихъ журналовъ.

«Вѣстникъ Европы», «Русская Школа», «Этнографическое Обзорѣніе».

Пребываніе Гоголя за границей. Въ № 10 «Вѣстника Европы» напечатана интересная статья В. Шенрока подъ заглавіемъ «Н. В. Гоголь. Пять лѣтъ жизни за границей». Въ этой статьѣ сообщаются любопытныя подробности о пребываніи Гоголя въ Швейцаріи и Италіи, гдѣ онъ работалъ надъ первою частью «Мертвыхъ душъ». Извѣстно, что сюжетъ «Мертвыхъ душъ» былъ переданъ Гоголю Пушкинымъ. Рассказывая объ этомъ въ своей «Авторской Исповѣди», Гоголь говоритъ: «Пушкинъ первый заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и, наконецъ, одинъ разъ, послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, на которое, однакоже, поразило его больше всего, прежде мною читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: «Какъ, съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого»,—съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это просто грѣхъ».

Вскорѣ послѣ этого разговора были начаты «Мертвыя души», и Гоголь читалъ Пушкину нѣкоторыя отрывки изъ нихъ. Отрывки эти дошли до публики уже въ переработанномъ и значительно смягченномъ видѣ. Гоголь боялся произвести на читателей слишкомъ удручающее впечатлѣніе и поэтому старался придать своимъ изображеніямъ болѣе примиряющій характеръ. Онъ самъ говорилъ про свои сочиненія: «Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ пера моего въ началѣ для меня самого—онъ бы точно содрогнулся».

Уѣзжая за границу, Гоголь увозилъ съ собою отдѣльные отрывки изъ своей поэмы, но у него не только не

было еще выработаннаго плана работы, но даже самая фигура героя была для него еще не ясна. Типъ Чичикова сложился позднѣе. Заграницей онъ воскрешалъ въ памяти знакомые образы. Изъ Швейцаріи онъ пишетъ: «передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словомъ, вся православная Русь». Любовь къ Россіи съ особенной силой охватила его вдали отъ нея. «Теперь передо мною чужбина, вокругъ меня чужбина,—писалъ онъ Погодину,—но въ сердцѣ моемъ Русь, одна только Русь». Даже въ Италіи, при всемъ своемъ обожаніи этой страны, Гоголь не могъ освободиться отъ тоски по родинѣ и старыя воспоминанія преслѣдовали его всюду. Такъ, онъ съ радостью подмѣчалъ сходство между Италіей, этой страной искусства и высшей культуры, и родной захолустной Малороссіей. «Что сказать тебѣ вообще объ Италіи?»—пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей. — «Мнѣ кажется, какъ будто я заѣхалъ къ стариннымъ малороссійскимъ помѣщикамъ. Такія дряхлыя двери у домовъ, со множествомъ бесполезныхъ дыръ, марающія платья мѣломъ; старинныя подсвѣчники и лампы въ родѣ церковныхъ, все на старинный манеръ». Со страстной тоской вспоминалъ Гоголь на чужбинѣ и о лихой русской ѣздѣ на тройкахъ, и о любимомъ имъ хорѣ малороссійскихъ пѣсень.

Но, несмотря на овладѣвавшую имъ по временамъ тоску по родинѣ, Гоголь живо чувствовалъ и наслаждался красотой окружающей его природы и искусства. Особенно любилъ онъ Римъ и вообще Италію. Онъ говорилъ даже, что нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ, и что въ этомъ городѣ «человѣкъ цѣлой верстой бли-

же къ Богу». Анненковъ разсказы-
ваетъ слѣдующее о «длинныхъ ча-
сахъ нѣмого созерцанія, которому пре-
довался Гоголь въ Римѣ».

«На дачѣ княгини З. Волконской,
управившейся въ старый римскій водо-
проводъ, который служилъ ей тер-
расой, онъ ложился спиной на ар-
каду... и по полусуткамъ смотрѣлъ
въ голубое небо, на мертвую и вели-
колѣпную римскую Кампанью. Такъ
точно было и въ Тиволи, въ густой
растительности, окружавшей его ка-
скатели: онъ садился гдѣ нибудь въ
чащѣ, упиралъ зоркіе, неподвижные
глаза въ темную зелень, купама сбѣ-
гавшую по скаламъ, и оставался не-
движимъ цѣлыя часы, съ воспали-
ненными щеками». Онъ постоянно хо-
дилъ въ картинныя галлерей и звалъ
пріятелей пріѣхать къ нему въ Римъ,
чтобы вмѣстѣ наслаждаться Рафаэ-
лемъ и слушать пѣніе итальянскихъ
артистовъ. Онъ жилъ въ мірѣ поэзій
и красоты, окруженный чарующей
природой Итали, ея классическими
картинами и музыкой, и въ то же
время создавалъ бозсмертныя, но уже
вовсе не поэтичныя фигуры Мани-
лова, Ноздрева, Коробочки, Петра Пе-
тровича Пѣтуха и др.

Многіе изъ этихъ типовъ, по соб-
ственному признанію автора, были
навѣяны на него различными знако-
мыми. Но, кромѣ того, Гоголь утверж-
далъ, что нѣкоторыя мелкія черты
его героевъ были списаны съ него
самого. И дѣйствительно, подобно Пѣ-
туху, Гоголь любилъ по цѣлымъ ча-
самъ толковать съ поваромъ о куле-
бьяхъ; подобно Чичикову, онъ имѣлъ
страстишку къ пріобрѣтенію черниль-
ницъ, вазочекъ, прессъ-папье, любилъ
разговаривать съ половыми. описы-
ныя имъ въ «Шинели» страданія отъ
холода были извѣданы на опытѣ, и
изображены по воспоминаніямъ того
времени, когда онъ «цѣлую зиму от-
хваталъ въ лѣтней шинели». Л. И.
Арнольди замѣчаетъ, что въ лицѣ

пріѣхавшаго изъ Рязани поручика,
большаго охотника до сапогъ, Гоголь
смибется надъ собственной слабостью.
«Кто говоритъ—говоритъ Арнольди,—
«что этотъ страстный охотникъ до
сапогъ—никто иное, какъ самъ Го-
голь?» Оказывается, что у Гоголя
было какое-то неестественное при-
страстіе къ хорошимъ сапогамъ, отъ
котораго онъ не могъ отдѣлаться даже
въ то время, когда, сдѣлавшись аске-
томъ, онъ отказался отъ всего, кромѣ
безусловно необходимаго. Наконецъ,
Гоголь самъ признавалъ, что въ его
характерѣ было «нѣчто хлестаков-
ское».

Изъ дневника учительницы вос-
кресной школы. Въ № 8 «Русской
Школы», въ статьѣ съ вышеприве-
деннымъ заголовкомъ разсказывается
много интересныхъ фактовъ о чтеніи
учениковъ. Большинство учениковъ
воскресной школы, о которой идетъ
рѣчь, были дѣти школьнаго возраста
и подростки, но попадались и совер-
шенно-взрослые, и даже престарѣлые
ученики. Дѣтямъ и подросткамъ школь-
ная бібліотека, состоящая, главнымъ
образомъ, изъ небольшихъ брошюръ и
спеціальныхъ изданій для народа, да-
вала обильный матеріалъ для чтенія.
Но взрослые и болѣе развитые уче-
ники уже не довольствовались этимъ
чтеніемъ. Прочитавъ маленькіе сбор-
ники стиховъ Пушкина и Лермонтова
или отдѣльно изданные разсказы Тур-
генева и Гоголя, они просили пол-
наго собранія ихъ сочиненій, и очень
жалѣли, что ихъ нельзя было достать
въ бібліотекѣ. «Лучше бы ужъ ма-
ленькихъ книгъ поменьше», говорили
нѣкоторые. Когда кому-нибудь изъ уче-
никовъ удавалось цѣликомъ прочесть
сочиненіе, вродѣ «Хижины дяди Тома»
или «Оливера Твиста», то они чрез-
вычайно неодобрительно относились
къ передѣлкамъ этихъ сочиненій.
«Чтожъ это такое? — съ негодова-
ніемъ говорилъ—одинъ 14-лѣтній маль-

чикъ, возвращая передѣлку «Хижинны дяди Тома». — Все пропущено. Чуть дойдешь до нѣжнаго мѣста — ровно ножомъ отрѣзано».

Ученики-подростки очень увлекались Майнъ-Ридомъ и Жюль Верномъ. Авторъ статьи совершенно основательно указываетъ на занимательность и воспитательное значеніе этихъ книгъ для дѣтей. «Я не могу забыть, — говоритъ онъ, — какъ оживленно блестяли глаза учениковъ-подростковъ, когда къ нимъ въ руки попадали «Дѣти капитана Гранта», «Докторъ Оксъ», «Путешествіе къ полярному полюсу» и др.; какъ умоляли они учительницу достать имъ еще «такую книжку». — «Ужъ разстарайтесь пожалуйста, достать къ воскресенію» — много разъ повторяли они, боясь, что учительница забудетъ обѣщаніе. Не могу забыть и того, что инныя изъ этихъ книгъ (напр., «Путешествіе къ центру земли», «Докторъ Оксъ») пробуждали въ ученикахъ интересъ къ научнымъ свѣдѣніямъ, вызывали вопросы, и иногда такіе вопросы становились темой для бесѣды научнаго характера. Точно также и при чтеніи Майнъ-Рида картины американской природы, жизнь индійцевъ могутъ послужить темой живой исторической бесѣды.

Болѣе всего интересовали учениковъ книги беллетристическаго содержанія; затѣмъ, или книги духовно-нравственныя, а на научныя книги спросъ былъ очень невеликъ. Чтобы заставить учениковъ читать такія книги, учительницы прибѣгали даже къ хитрости: онѣ переплетали эти книги вмѣстѣ съ какими-нибудь интересными рассказами, надѣясь, что, заинтересовавшись рассказомъ, ученикъ прочтетъ и то, что за нимъ слѣдуетъ. Но эти надежды не сбывались. Конечно, бывали случаи, когда ученики сами спрашивали книжесъ по тому или другому вопросу, но такіе случаи оставались исключительными. Ав-

торъ статьи объясняетъ это явленіе непривычкой къ серьезной умственной работѣ, неумѣніемъ сосредоточиться надъ матеріаломъ. Къ тому же и научныя книги для народа составляются по большей части такъ сухо и безжизненно, что не могутъ внушить особеннаго интереса къ себѣ.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ у учениковъ были свои излюбленныя книги: «Дѣтство и юность Пушкина» Авенаріуса, «Жизнь Джемса Гарфильда» и «Актеа» Сысоевой, «Катакомбы» Евг. Туръ, «Рыжій графъ» Засодимскаго, и затѣмъ, конечно, «Робинзонъ» и «Хижина дяди Тома». Взрослые ученики охотно читали стихотворенія, и, прочтя ихъ, спрашивали и біографіи авторовъ. Біографіи эти, въ большинствѣ случаевъ, не удовлетворяли читателей, которые наивно удивлялись, что въ жизни этихъ писателей нѣтъ ничего необыкновеннаго. Очень нравился «Князь Серебряный» и еще одна книжка, тяжеловѣсная и неталантливая по формѣ, но интересная по содержанію — «Дѣлатель золота» Пшоке. Личность героя произвела сильное впечатлѣніе на учениковъ и они даже выражали желаніе походить на него.

Давая ученикамъ изъ частныхъ бібліотекъ Тургенева, Гончарова, Достоевскаго и другихъ классиковъ, учительницы предлагали имъ затѣмъ письменно изложить прочитанное. Авторъ разсматриваемой статьи приводитъ нѣсколько такихъ ученическихъ работъ (между прочимъ, о Лизѣ въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ», о Раскольниковѣ, объ Обломовѣ), которыя показываютъ, что ученики вполне усвоили прочитанное и относятся къ нему сознательно. Вотъ, напр., какъ вѣрно охарактеризовалъ одинъ изъ учениковъ отношеніе Лизы къ Панинну (въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»): «...Лизѣ маншинъ нравился, какъ умный и недурной собой мужчина, любить же его она не могла, потому что онъ къ рели-

гін былъ почти не склоненъ, а вторыхъ, она искала жизнь тихую, скромную и безкорыстную, а не ту, какую ей сулилъ Паншинъ... Да и во всѣхъ поступкахъ онъ не нравился Лизѣ, но она этого не высказывала, потому что не хотѣла огорчать и разстраивать матери. Лиза боролась съ тѣми чувствами, которыя бывають иногда невыносимы. Лиза была не такого рода дѣвушка: она все это выносила съ терпѣніемъ и покорностью и, какъ религіозная, всегда находила утѣшеніе въ молитвѣ. А Паншинъ, конечно, этого не замѣчалъ. И какъ онъ могъ подумать, чтобы такой человѣкъ, какъ онъ, Лизѣ могъ бы не понравиться! Онъ былъ увѣренъ въ себѣ, что если ему захочется, то она его обязательно полюбитъ. Но Лиза его не любила и была съ нимъ всегда одинакова, безъ всякаго кокетства».

Въ отзывѣхъ ученикавъ о книгахъ часто сказывался ихъ характеръ и міросозерцаніе. Такъ, авторъ статьи рассказываетъ объ одномъ ученикѣ 21 г., который выучился грамотѣ самоучкой и до поступления въ школу читалъ много, но исключительно духовно-нравственныя книги. Среди товарищей по мастерской онъ пользовался славой начетчика и поэта, потому что писалъ стихи на религіозныя темы. Но несмотря на занятія поэзіей, въ немъ было мало поэтической чуткости, художественная сторона произведеній мало вліяла на него, и онъ строго критиковалъ ихъ содержаніе. Напр., прочтя «Дѣтство и Отрочество» Толстого онъ заявилъ категорически; «Совсѣмъ не понравились. И не стоило такую пустую жизнь описывать». Пушкина онъ очень порицалъ за его любовныя стихотворенія и серьезно говорилъ: «я бы такіе стихи запретилъ печатать». Прочтя первый томъ Обломова, онъ остался очень доволенъ, что герой «полюбилъ одну дѣвушку, и она его исправила». Но второй томъ совсѣмъ

разочаровалъ его; возвращая книгу, онъ сказалъ учительницѣ: «досадно было читать; совсѣмъ я другого ждалъ». Относительно Штольца онъ заявилъ, что онъ ему очень нравится и что это настоящій человѣкъ. Когда же учительница спросила его, отчего Ольга, хоть и любила Штольца, а все-таки не была съ нимъ вполне счастлива, онъ отвѣтилъ такъ: «она была счастлива, да не совсѣмъ; она видѣла, что они хорошо живутъ, да только для себя, а ей хотѣлось поскорѣе начать жить для другихъ». «А Штолецъ хочетъ того же, что и она?» спросила учительница. «Да—отвѣчалъ онъ увѣренно.—Штолецъ такъ и будетъ жить. Въдѣ Гончаровъ про его жизнь еще не кончилъ описывать, а кабы кончилъ—вы бы увидѣли».

Приведемъ еще интересный отзывъ одной ученицы женской воскресной школы о Демонѣ, который ей очень понравился: «Мнѣ вотъ какъ это представляется, — говорила она — «Демонъ—это злой духъ; Тамара—это весь міръ. Злой духъ старается соблазнить людей на дурное. Каждому человѣку встрѣчается на свѣтѣ много искушеній. Мнѣ кажется, подъ ангеломъ здѣсь подразумѣвается самъ Христосъ. Какъ Христосъ спасъ все человѣчество и побѣдилъ зло, такъ и здѣсь: ангелъ побѣдилъ демона и спасъ душу Тамары».

Иные отзывы о книгахъ, по словамъ учительницы, были интересны въ смыслѣ выраженія тѣхъ или другихъ теоретическихъ взглядовъ учениковъ. Взгляды эти поражали своимъ единодушіемъ. Для примѣра она приводитъ отзывы учениковъ о народной книгѣ Орлова «Власть Паскаль», написанной въ узко-тепенціозномъ духѣ, и доказывающей, что «наука есть похоть ума и занятіе ею несомнѣнимо съ служеніемъ Богу». Замѣчательно, что всѣ ученики были согласны съ авторомъ и сочувствовали

Паскалю, бросившему науку ради религии; всё повторяли слова о наукѣ, какъ о похоти ума. Убѣжденіе это вкоренилось въ нихъ, благодаря всему, что они слышатъ въ своей средѣ о томъ, что наука и знаніе ведутъ къ невѣрью.

Такъ, одинъ изъ учениковъ просилъ учительницу достать ему Дарвина и мотивировалъ свое желаніе тѣмъ, что онъ слышалъ, будто Дарвинъ отрицаетъ Бога, и ему любопытно прочесть это. Учительница объяснила ему, что такой книги, отрицающей Бога, нѣтъ, но онъ ей не повѣрилъ и сказалъ уклончиво: «не знаю, мнѣ такъ сказали». Потомъ онъ прибавилъ: «можетъ быть, вы не хотите сказать, или боитесь, что я въ вѣрѣ пошатнусь? Я вѣдь только изъ любопытства». На предлагаемые вопросы о пользѣ науки ученики съ убѣжденіемъ отвѣчали, что «отъ книгъ грѣхъ въ міръ пошелъ.» И что «всѣ ученые—безбожники. Иные вспоминали какихъ-то своихъ знакомыхъ, зачитавшихся книгъ и отрицающихъ Бога, другіе находили, что «святые спасались же, а грамотѣ не знали». Но рядомъ съ этимъ, замѣчаетъ авторъ статьи «шла энергичная работа въ школѣ надъ тѣми же отвергаемыми свѣтскими книгами, рядомъ съ этимъ мы видѣли и чтеніе этихъ книгъ запоемъ, и интересъ къ знанію, къ тѣмъ уголкамъ науки, которые могла открыть воскресная школа».

Толки народа о скорой кончинѣ міра. Въ № 2 «Этнографическаго Обзорія» за текущей годъ помѣщена любопытная замѣтка М. Дикарева, озаглавленная «Толки народа о скорой кончинѣ міра». Г. Дикаревъ рассказываетъ, какіе странные толки вызвалъ въ народѣ неурожайный 1892 г. съ его страшными послѣдствіями, въ видѣ голода и всевозможныхъ эпидемій. Между

прочимъ, авторъ приводитъ слѣдующій разговоръ между крестьянами-малороссами, записанный тоже однимъ изъ крестьянъ, который самъ вполне вѣритъ этимъ толкамъ *).

«Собрались на той недѣлѣ нѣскольکو человекъ и стали говорить про голодный годъ. Вотъ одинъ и спрашиваетъ: «Отчего это у насъ теперь хлѣба не стало родиться? Вотъ ужъ годовъ десять подрядъ все нѣтъ и нѣтъ хорошаго урожая. Можетъ, въ тѣ годы люди лучше были и не такъ гнѣвили Бога, какъ теперь?»

А другой ему отвѣчаетъ:

«Нѣтъ, кумъ, не въ томъ дѣло. Тогда, люди сказываютъ, еще хуже было, чѣмъ теперь; люди умнѣе стали, а тогда, сказываютъ, много было еретиковъ и разныхъ колдуній—и то Богъ хлѣбъ родилъ».

Тогда третій, сосѣдъ перваго, и говорить: «Вотъ что, люди добрые, послушайте, что я скажу вамъ: Люди, я думаю, одинаковы были, что тогда, то теперь, а только я слышалъ вотъ что. Теперь годъ Касьяна, такъ вотъ онъ и голодный годъ; потому что этотъ годъ вредный для всего... На высокосный годъ, говорятъ, ничего благополучно не обходится: если люди не мрутъ, то скотина, или птица, или бываетъ страшный голодъ».

«А то еще вотъ что: можетъ быть, справедливо въ Евангеліи сказано, что передъ страшнымъ судомъ будутъ часто голодные года, и люди будутъ умирать, и цари часто будутъ воевать. Вотъ, можетъ, это оно и есть. Посмотрите, добрые люди: уже въ мірѣ все дѣлается такъ, какъ сказано въ Евангеліи, что будетъ передъ свѣтопредставленіемъ».

— Другой отвѣчалъ:

«Нѣтъ, добрые люди, нечего намъ разсуждать, что скоро будетъ конецъ свѣта; про то никто не можетъ ска-

* Г. Дикаревъ передаетъ эти разговоры по малороссійски.

затѣ, кромѣ Бога. А теперь надо полагать, что Богъ насъ накажетъ, что мы его чѣмъ-нибудь прогнѣвали. Теперь намъ больше ничего не остается, какъ просить Бога, чтобы Онъ насъ помиловалъ и уродилъ намъ хлѣба. А то, я думаю, все враки, что на высокосный годъ ничего не обходится благополучно, а всегда оно такъ бываетъ...»

Г. Дикаревъ замѣчаетъ, что въ этихъ толкахъ ясно обнаруживается исходный пунктъ, откуда отправляется народная мысль: «они представляютъ собою правильные выводы изъ евангельскихъ посылокъ».

Подобные же толки происходили и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ Екатеринодарѣ, напр., назначался день и часъ, въ который должно было начаться землетрясеніе—первый предвѣстникъ кончины міра. Въ Полтавской губ. свѣтопреставленіе связывали съ появленіемъ любимаго народнаго героя—царя Китою. «Какъ пройдетъ Китою черезъ весь свѣтъ, такъ и будетъ конецъ свѣту», говорятъ малороссы.

Великороссы Нижнедѣвицкаго уѣзда, Воронежской губ., рассказываютъ, что передъ страшнымъ судомъ Китою (онъ же Бѣлая Арапія) покорить весь свѣтъ, въ томъ числѣ и Бѣлаго царя, котораго будетъ держать въ плѣну три года. Какъ только Бѣлая Арапія выпуститъ изъ плѣна Бѣлаго царя,—немедленно же наступитъ конецъ свѣта.

О концѣ міра въ Воронежской губ. циркулируетъ въ народѣ еще слѣдующій рассказъ:

«Передъ концомъ свѣта по землѣ будутъ бѣгать огневныя колесницы, земля будетъ обвита проволокой: отъ пановъ будетъ отнята земля и отдается мужикамъ. И вотъ оно уже сбывается», сообщаетъ рассказчикъ.

— Какъ такъ сбывается?—спрашиваетъ слушатель.

— А такъ сбывается. Чугунка бѣгаетъ—вотъ вамъ огненные колесницы, телеграммы пускаютъ по проволокамъ—вотъ вамъ и опоясана проволокой земля.

Изъ иностранной жизни.

Лѣтнія занятія въ университетѣ въ Чикаго. Лѣтніе курсы и все увеличивающееся число лѣтнихъ школъ въ Соединенныхъ Штатахъ уже успѣли освоить американскую публику съ мыслью, что лѣтнія вакаціи должны быть посвящены просмотру и подготовкѣ къ дальнѣйшимъ работамъ, но тѣмъ не менѣе, когда Чикагскій университетъ составилъ схему своихъ занятій, основываясь на непрерывности университетскаго учебнаго года, то это явилось настоящимъ нововведеніемъ въ системѣ университетскаго образования. Эта новая система, т.-е. непрерывность университетскихъ за-

нятий была впервые примѣнена въ истекающемъ 1894 году. Университетъ разослалъ извѣщеніе о первомъ лѣтнемъ семестрѣ и составилъ схему лѣтнихъ занятій такъ, что она должна была привлечь вниманіе студентовъ. Устроено было 150 курсовъ, которыми должны были руководить лучшие профессора университета и расчетъ оказался вѣрнымъ, такъ какъ къ открытію курсовъ собралась масса слушателей. Въ числѣ записавшихся на лѣтніе курсы было особенно много учителей; изъ общаго числа 540 слушателей—340 были новичками въ университетѣ, остальные же были

прежніе студенты, пожелавшіе продолжать свои занятія и во время лѣтнихъ вакацій.

Лѣтнія занятія въ университетѣ открылись въ началѣ іюля. Перваго іюля, вечеромъ, всѣ слушатели и профессора собрались въ амфитеатръ лабораторіи для совершенія торжественнаго вечерняго богослуженія передъ началомъ занятій. Были исполнены лучшіе номера классической священной музыки и затѣмъ президентъ университета обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой указалъ на интеллектуальныя затрудненія, возникающія для каждаго мыслящаго человѣка, когда онъ приступаетъ къ изученію христіанской религіи. Побѣдить эти затрудненія и побороть сомнѣнія, возникающія въ душѣ, человѣкъ можетъ лишь тогда, когда проникается духомъ ученія Христа и сдѣлаетъ это ученіе руководящимъ началомъ всей своей жизни.

На другой день послѣдовало торжественное собраніе—митингъ, на открытомъ воздухѣ. Дворъ университета, представляющій огромную четырехъ-угольную площадь, окруженную университетскими зданіями, у стѣнъ которыхъ были выстроены платформы для приглашенныхъ гостей, служилъ мѣстомъ для этого митинга, который прошелъ чрезвычайно оживленно, вслѣдствіе массы интересныхъ рѣчей и докладовъ, сдѣланныхъ на этомъ митингѣ, и воодушевленнаго настроенія слушателей. Въ числѣ гостей было много профессоровъ изъ разныхъ американскихъ коллегій. Собраніе было открыто рѣчью профессора физики Чикагскаго университета А. Михельсона, о методѣ физическихъ наукъ. Затѣмъ президентъ университета приступилъ къ раздачѣ ученыхъ степеней окончившимъ курсъ въ университетѣ—нѣсколькимъ лицамъ были вручены дипломы на степень доктора философіи—и прочелъ отчетъ о дѣятельности университета, въ которомъ

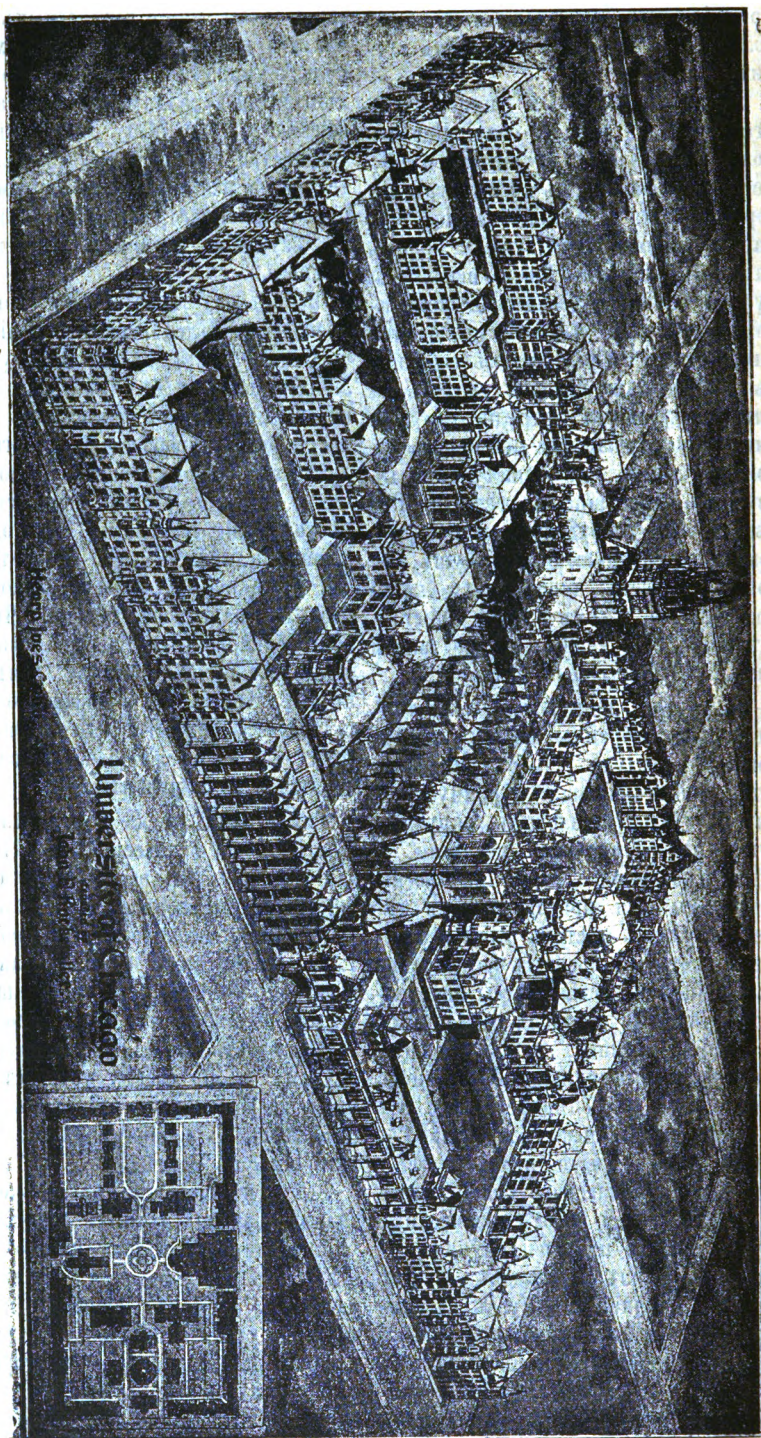
заключалось много интересныхъ свѣдѣній о новыхъ пожертвованіяхъ въ пользу университета. Между прочимъ, мистриссъ Гаскелль пожертвовала университету 120.000 долларовъ на устройство въ немъ кафедры сравнительныхъ религій и восточнаго музея, приспособленнаго, главнымъ образомъ, къ изученію древнихъ восточныхъ языковъ.

Вслѣдъ за прочтеніемъ доклада президента, послѣдовала церемонія открытія портрета, въ натуральную величину, основателя Чикагскаго университета, Джона Рокфеллера. Портретъ этотъ, произведеніе одного изъ лучшихъ американскихъ художниковъ, былъ поднесенъ университету нѣсколькими жителями Чикаго, собравшимися между собою необходимую для этого сумму. Замѣчательно, что великій филантропъ, которому Чикагскій университетъ обязанъ своимъ существованіемъ, никогда самъ не видалъ учрежденія, основаннаго благодаря его щедрости. Это обстоятельство объясняется необыкновенною скромностью жертвователя.

Слѣдующимъ торжествомъ было открытіе новой физической лабораторіи, для которой выстроено новое большое и очень красивое зданіе въ архитектурномъ отношеніи. Эта лабораторія, также какъ и химическая лабораторія университета, снабжена рѣшительно всѣмъ, что только можетъ содѣйствовать занятіямъ физическими науками и, по своему устройству и массѣ всевозможныхъ приборовъ, принадлежитъ къ наибогатѣйшимъ лабораторіямъ въ свѣтѣ.

Всѣ эти торжества нѣсколько отдалили начало лѣтнихъ занятій въ университетѣ, и только пятаго іюля открылось правильное чтеніе лекцій на всѣхъ курсахъ. Лекціи происходили по утрамъ, остальное же время уходило на занятія въ лабораторіяхъ и кабинетахъ и рекреационныя развлеченія, къ числу которыхъ разумѣется,

Чикагскій университетъ.

принадлежали: игра въ мячъ, крокетъ, лаунъ-теннисъ и самый разнообразный спортъ, которому предавались слушатели университета въ свободное время.

Главную особенность лѣтнаго семестра, организованнаго Чикагскимъ университетомъ, составляло то, что на этотъ семестръ записалось множество преподавателей изъ различныхъ коллегій и университетовъ и учителей высшихъ школъ. Большинство этихъ лицъ обладаетъ уже достаточнымъ опытомъ въ дѣлѣ преподаванія и основательными знаніями и, записавшись на лѣтніе университетскіе курсы, они, конечно, руководствовались желаніемъ не только пополнить свои знанія, но и познакомиться съ новыми методами преподаванія для дальнѣйшаго преуспѣянія своей собственной дѣятельности.

Много способствовали успѣху лѣтнихъ занятій различныя экскурсіи съ научною цѣлью, геологическія и др., возможныя только лѣтомъ. По окончаніи лѣтнаго семестра, который былъ признанъ всѣми чрезвычайно удачнымъ, случайные студенты, преподаватели, учителя и др. выразили свою признательность университетскому начальству по поводу того, что имъ была доставлена возможность пополнить лѣтомъ свои знанія и посвятить свое время исключительно занятію тою или другою отраслью науки, такъ какъ зимою они бывають слишкомъ заняты преподаваніемъ и не имѣють времени учиться для себя. Общее мнѣніе таково, что успѣхъ лѣтнаго университетскаго семестра вполне обезпеченъ въ настоящее время.

Въ прощальной рѣчи, сказанной президентомъ университета при закрытіи лѣтнаго семестра, онъ, между прочимъ, представилъ очеркъ финансовой исторіи Чикагскаго университета. Она любопытна въ томъ отношеніи, что указываетъ, какъ щедры

американцы, когда дѣло идетъ объ учрежденіяхъ, въ которыхъ они видятъ пользу и славу своего отечества. Въ 1889 году Джонъ Рокфеллеръ пожертвовалъ 600.000 долларовъ для основанія университетскаго фонда. Вслѣдъ затѣмъ Маршалъ Фильдъ подарилъ землю для постройки университета и Джонъ Рокфеллеръ тотчасъ же далъ еще миллионъ для организаціи университетскихъ курсовъ. Въ іюль 1891 года Отденъ поднесъ въ даръ новому университету три четверти миллиона. Въ октябрѣ того же года университетъ получалъ изъ Берлинской библіотеки 40.000 долларовъ, а въ февралѣ 1892 года Джонъ Рокфеллеръ пожертвовалъ университету еще миллионъ. Въ маѣ произошло присоединеніе къ университету теологической семинаріи со всѣмъ ея имуществомъ и фондомъ, а въ іюль подписка на постройку зданій и снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ дала также миллионъ. Въ октябрѣ 1892 года, передъ самымъ открытіемъ университета, полученъ былъ еще даръ отъ мистера Лоркса — четверть миллиона на устройство лабораторіи, а въ декабрѣ университетъ получалъ въ видѣ рождественскаго подарка еще два миллиона долларовъ отъ Джона Рокфеллера. Обладая такимъ богатствомъ Чикагскій университетъ дѣйствительно могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ современной науки и теперь, по своему устройству, занимаетъ первое мѣсто въ свѣтѣ.

Вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ въ Англіи и Америкѣ. Не только въ Америкѣ, но и въ нѣкоторыхъ странахъ Европы и особенно въ Англіи выдвигается на сцену вопросъ объ участіи женщинъ въ голосованіи и вызываетъ подчасъ оживленные дебаты въ обществѣ и печати. Въ Америкѣ женщины, достигшія полнаго уравниенія своихъ правъ, только еще на этой почвѣ

не могутъ добиться удовлетворенія. Во Франціи также интересуются этимъ вопросомъ, хотя далеко не такъ страстно, какъ въ Америкѣ или Англии, но все же настолько, что вопросъ этотъ послужилъ предметомъ публичной лекціи, читанной Муаро въ историческомъ обществѣ въ Парижѣ, по случаю его шестидесятилѣтняго юбилея. Лекція эта обрисовываетъ положеніе вопроса объ избирательныхъ правахъ женщинъ въ разныхъ странахъ и сообщаетъ по этому поводу много любопытныхъ свѣдѣній.

По словамъ Муаро, въ Англии женщины съ самыхъ древнихъ временъ уже пользовались правомъ принимать участіе въ муниципальных выборахъ, но право это они потеряли въ 1835 году. Правительство Гладстона вернуло въ 1869 году эти права женщинамъ и съ тѣхъ поръ уже въ принципѣ эти права никогда не оспаривались. Такимъ образомъ уже болѣе четверти столѣтія женщины въ Англии, оставшіяся главами семьи и платящія налоги, не только имѣютъ право голоса на выборахъ, но сами, кромѣ того, могутъ быть избираемы на муниципальные должности. По послѣдней переписи, сдѣланной по избирательнымъ спискамъ въ одной только Англии и княжествѣ Уэльскомъ, 685.000 женщинъ оказались въ положеніи главы дома. Надо прибавить, что это званіе примѣняется лишь къ женщинамъ одинокимъ или вдовамъ; замужнія же женщины исключаются, ибо онѣ уже не признаются самостоятельными, а считаются подчиненными мужу, и это подчиненіе лишаетъ ихъ политическихъ правъ, предоставляемыхъ, какъ будто-бы, въ видѣ утѣшенія женщинамъ, не вышедшимъ замужъ или же овдовѣвшимъ.

Женщины въ Англии могутъ быть выбранными въ приходскіе и школьныя совѣты. Въ 1889 году имъ даже дано было право вотировать на выборахъ въ совѣтъ графствъ,

однако, онѣ сами не могутъ быть выбраны въ такой совѣтъ.

Таково было положеніе вещей къ концу прошлаго года, когда, наконецъ, палата общинъ приняла новый законъ, присуждающій замужнимъ женщинамъ всѣ тѣ же права, какія имѣютъ незамужнія женщины. Законъ этотъ прошелъ и въ палатѣ лордовъ и вступилъ въ силу въ мартѣ этого года. Но, разумѣется, нельзя ожидать, что женщины удовлетворятся этою побѣдою и не стануть добиваться дальнѣйшихъ правъ. Цѣль ихъ все-таки остается: полное уравненіе правъ мужчинъ и женщинъ на выборахъ и право женщинъ быть избранными. Первая попытка пріобрѣтенія новыхъ правъ была сдѣлана въ 1892 году. Надо прибавить, что вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ въ Англии не составляетъ вопроса партій. Ревностные сторонники этого вопроса находятся одинаково какъ въ либеральномъ, такъ и въ консервативномъ лагерѣ. Среди либераловъ, пожалуй, даже скорѣе можно встрѣтить не совсѣмъ дружелюбное отношеніе къ этому вопросу; консерваторы же поддерживаютъ притязанія женщинъ на право голосованія, такъ какъ считаютъ найти въ нихъ своихъ сторонницъ. Женщины скорѣе готовы поддерживать консервативный строй общества и не обнаруживаютъ особенной склонности къ радикализму. Торійскіе политики давно уже пользуются женщинами для оказанія давленія на избирателей. Они основали знаменитую «Primrose League», которая ежегодно чествуетъ память великаго Дизраэли и расплодила по всей Англии массу женскихъ ассоціацій. Замѣчательно, что Бальфуръ, преемникъ лорда Салисбюри, является въ парламентѣ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ защитниковъ правъ женщинъ. Одинъ только Гладстонъ, изъ числа выдающихся государственныхъ людей Англии, не сдается и по преж-

нему остается противникомъ женщинъ въ этомъ вопросѣ. Когда одинъ изъ членовъ палаты общинъ представилъ, года два тому назадъ, очень скромный билль о расширеніи избирательныхъ правъ женщинъ, то Гладстонъ написалъ по этому поводу знаменитое письмо. Въ этомъ письмѣ онъ приводитъ аргументы противъ расширенія этихъ правъ и доказываетъ, что сама природа поставила непреодолимыя препятствія политическому уравненію половъ. «Дать женщинамъ право участвовать въ выборахъ въ парламентъ, — говоритъ Гладстонъ, — это значить идти наперекоръ всѣмъ законамъ природы».

Разумѣется, Гладстонъ навлекъ на себя яростный гнѣвъ всѣхъ сторонниковъ уравненія политическихъ правъ женщинъ. На митингахъ произносились противъ Гладстона очень сердитыя рѣчи, и его называли не иначе, какъ «врагомъ женщинъ». Что же касается самаго билля, то онъ вызвалъ горячія пренія въ парламентѣ и хотя былъ отвергнутъ, но весьма слабымъ большинствомъ. Не хватало лишь какихъ-нибудь 25 голосовъ для того, чтобы въ принципѣ были признаны англійскимъ парламентомъ политическія права женщинъ.

Во всякомъ случаѣ, женское движеніе дѣлаетъ успѣхи въ Англіи, особенно замѣтные въ другихъ областяхъ общественной жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ Лондонскому университету дано право присуждать ученые степени и награды какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, болѣе 4.000 студентокъ записались въ этомъ университетѣ и изъ этого числа 550 достигли различныхъ университетскихъ степеней. Конечно, это можетъ служить доказательствомъ, что женщины умѣютъ достигать своихъ цѣлей.

Страннымъ образомъ Америка, такъ ушедшая впередъ во всемъ, что касается уравненія правъ женщины, какъ-то застряла на этомъ пунктѣ.

Женщины допускаются къ участию въ политическихъ выборахъ только лишь въ двухъ или трехъ штатахъ изъ 44, входящихъ въ составъ Американскаго Союза.

Первымъ, открывшимъ доступъ женщинамъ къ политическимъ выборамъ былъ штатъ Юингъ, затерянный въ Скалистыхъ горахъ. Женщины уже болѣе 25 лѣтъ пользуются тамъ всѣми политическими правами и не только участвуютъ въ голосованіи, но и сами могутъ выступать кандидатами на всѣхъ выборахъ. Въ другихъ штатахъ, какъ, напримѣръ, въ Канзасѣ, онѣ пользуются этими правами лишь въ области муниципальных школьныхъ совѣтовъ. Въ своихъ общинахъ онѣ могутъ занимать мѣста жерновъ. Одинъ изъ такихъ жерновъ въ женскомъ платьѣ сказалъ одному журналисту: «Въ нашемъ городѣ мужа никогда не знаютъ, за кого подають голоса ихъ жены на муниципальных выборахъ, и это только служить на пользу нашей администраціи. Мой мужъ совершенно расходится со мною въ политическихъ взглядахъ и даже вотировалъ противъ меня, но это не мѣшаетъ намъ жить очень мирно; мы никогда не вѣдываемъ политическихъ вопросовъ въ наши домашнія дѣла».

Впрочемъ, женщины въ Соединенныхъ Штатахъ не особенно энергично добиваются расширенія своихъ политическихъ правъ и только на Западѣ онѣ особенно настойчиво добиваются этого. Въ другихъ мѣстахъ онѣ довольствуются участіемъ въ муниципальных совѣтахъ и ведутъ ожесточенную борьбу съ пьянствомъ, игорными притонами и табачными фабрикантами.

Разумѣется, въ Америкѣ существуетъ въ настоящее время дѣлая партія въ пользу дарованія политическихъ правъ женщинамъ. На предпоследнихъ президентскихъ выборахъ даже была выставлена кандидаткой

на президентское кресло женщина. Но; конечно, это было преждевременно, и въ пользу этой кандидатуры высказалось не болѣе нѣсколькихъ тысячъ голосовъ.

Такимъ образомъ до прошлаго года одинъ только штатъ Юинія держалъ знамя политическихъ правъ женщинъ. И вотъ примѣру его послѣдовалъ Колорадо и теперь въ этомъ штатѣ, населенномъ золотопромышленниками и рудокопами, женщины пользуются правами на выборахъ и сами могутъ быть избираемы на всѣ должности.

Рядомъ съ этими двумя американскими штатами слѣдуетъ поставить англійскую колонію, Новую Зеландію, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ полное политическое равенство мужчинъ и женщинъ стало свершившимся фактомъ. Въ этихъ британскихъ владѣніяхъ, насчитывающихъ около миліона жителей, нѣсколько разъ вносился въ парламентъ законопроектъ объ уравненіи политическихъ правъ женщины, но этотъ законопроектъ неизмѣнно отклонялся всякій разъ. Но въ декабрѣ 1893 года онъ, наконецъ, прошелъ, большинствомъ двухъ голосовъ! Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ состоялись выборы въ парламентъ, состоящій изъ 74 членовъ. Надо было возобновить его составъ, и женщины принимали участіе въ выборахъ совершенно такъ же, какъ мужчины. Выборы прошли совершенно такъ же, какъ и прежде, никакихъ инцидентовъ не произошло и ожиданія многихъ въ этомъ отношеніи были обмануты.

Этотъ опытъ, произведенный у нашихъ антиподовъ, привелъ въ восторгъ англичанъ, сторонниковъ политическихъ правъ женщинъ. Надо замѣтить, что вообще австралійскія владѣнія англичанъ служатъ для нихъ мѣстомъ производства различныхъ политическихъ экспериментовъ. Испробовавъ тамъ какое-нибудь политическое нововведеніе и убѣдившись въ

его пригодности, англичане уже съ чистою совѣстью будутъ пропагандировать его у себя дома. Такъ и относительно правъ женщинъ. Намъ остается только подождать результатовъ этого опыта, и если онъ оправдаетъ ожиданія, то мы можемъ быть увѣрены, что дѣло англійскихъ женщинъ будетъ выиграно.

Докторъ Бернардо и его филантропическая дѣятельность въ Англии. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ одному лондонскому доктору, по имени Бернардо, практиковавшему въ бѣднѣйшихъ кварталахъ города, пришла благая мысль употребить маленькій капиталъ, имѣвшійся у него въ распоряженіи, на устройство убѣжища для безпріютныхъ дѣтей. Доброму доктору приходилось ежедневно видѣть самыя ужасныя картины лондонской нищеты, наблюдать, какъ гибнутъ дѣти въ пучинѣ человѣческихъ бѣдствій, и у него сердце сжималось при видѣ несчастныхъ созданій, какъ бы съ самаго рожденія обреченныхъ на гибель. Онъ рѣшилъ по мѣрѣ своихъ силъ придти на помощь безпріютнымъ дѣтямъ и прежде всего дать имъ убѣжище. Съ этою цѣлью онъ арендовалъ въ самомъ бѣднѣйшемъ кварталѣ Восточнаго Лондона маленькій домикъ и ежедневно, днемъ и ночью, разыскивалъ по улицамъ Лондона безпріютныхъ ребятишекъ и уводилъ ихъ къ себѣ. Онъ находилъ ихъ ночью подъ лѣстницами, подъ мостами и подъ воротами большихъ домовъ, дрожащихъ отъ холода и голода, и отводилъ ихъ въ свой пріютъ. Но этимъ докторъ Бернардо не ограничивался, онъ посѣщалъ и ночлежные пріюты и оттуда уводилъ дѣтей, спасая ихъ, такимъ образомъ, отъ вреднаго для нихъ вліянія того общества, какое они могли встрѣтить въ этихъ пріютахъ, гдѣ зачастую бываютъ въ концѣ испорченные негодяи и пропойцы. Начавъ съ маленькаго дѣла, докторъ

Бернардо постепенно расширил его и въ настоящее время на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ одинъ убогій домикъ, служавшій пріютомъ для дѣтей. разросся цѣлый городокъ, состоящій изъ хорошихъ домиковъ, окруженныхъ палисадниками, которые могутъ уже пріютить до 4.000 дѣтей. Безпріютные мальчики и дѣвочки, которые на лондонскомъ улицномъ жаргонѣ называются «арабами», получаютъ здѣсь не только кровъ, пищу и одежду, но, кромѣ того, обучаются еще разнымъ ремесламъ и грамотѣ, что даетъ имъ возможность впоследствии зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ.

Примѣръ доктора Бернардо въ Лондонѣ нашелъ вскорѣ подражателей и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, въ графствѣ Суссексъ основано очень хорошее, цѣлесообразное заведеніе для безпріютныхъ дѣтей. Заведеніе это состоитъ изъ тридцати маленькихъ домиковъ; каждый изъ этихъ домиковъ имѣетъ свой отдѣльный дворъ и садъ, гдѣ дѣти пріучаются къ садовымъ работамъ и могутъ играть и бѣгать вволю. Въ каждомъ домикѣ помѣщается до двѣнадцати дѣтей, мальчиковъ или дѣвочекъ, и хозяйка-мать, которая смотритъ за ними и руководитъ ихъ занятіями и играми и завѣдуетъ хозяйствомъ. Посреди небольшой площади, которую окружаютъ эти тридцать домиковъ, возвышается зданіе школы, гдѣ помѣщается также церковь и квартира директора учрежденія. Такое же точно заведеніе для мальчиковъ открыто въ настоящее время на островѣ Джерсей и въ графствѣ Кентъ, для совсемъ маленькихъ дѣтей, которыхъ не принимаютъ въ другіе пріюты по малолѣтству.

Филантропическая дѣятельность доктора Бернардо не ограничилась только устройствомъ убѣжища для безпріютныхъ дѣтей въ Лондонѣ; онъ еще устроилъ специальную больницу для

бѣдныхъ дѣтей, постоянный дворъ для рабочихъ, рабочій домъ для юношей, возрастъ которыхъ уже не дозволяетъ принимать ихъ въ пріюты, и, наконецъ, пріютъ для служанокъ. Всѣ эти заведенія, устроенныя докторомъ Бернардо, поддерживаются добродетельными приношеніями, идущими чуть ли не изъ всѣхъ странъ свѣта. Никакого фонда и капиталовъ у этихъ заведеній не имѣется. Около 18.000 мальчиковъ и дѣвочекъ уже своевременно спасены этими учрежденіями отъ угрожавшей имъ нравственной и физической гибели. Многимъ изъ нихъ дана полная возможность зарабатывать себѣ средства къ жизни честнымъ трудомъ. Въ Шотландіи, Америкѣ и Австраліи можно уже встрѣтить не мало бывшихъ воспитанниковъ этихъ заведеній, добившихся даже извѣстнаго матеріальнаго благосостоянія. Кромѣ того докторъ Бернардо устроилъ съ помощью своихъ друзей и единомышленниковъ эмиграціонный комитетъ, цѣль котораго—помочь молодежи, эмигрирующей изъ Англіи въ другія части свѣта. Комитетъ беретъ на себя заботу объ устройствѣ молодыхъ эмигрантовъ и о нахожденіи имъ занятій. Такимъ образомъ, филантропическая дѣятельность доктора Бернардо разрослась очень широко, хотя и началъ онъ дѣло съ очень маленькаго учрежденія, основаннаго на очень скромныя средства.

Бельгійскій свободный университетъ. Въ Брюсселѣ въ этомъ году открывается новый университетъ или высшая образовательная школа—«Institut des hautes études», основанная съ цѣлью дать возможность молодежи обою пола получить самое широкое и наиболѣе удовлетворяющее потребностямъ современной жизни, образованіе. Идея основанія этой школы возникла вслѣдствіе недовольства брюссельскимъ университетомъ и существующими въ немъ порядками. Ста-

рый университетъ выказалъ слишкомъ большую косность и партійность въ послѣднее время и вообще предрасудки въ немъ укрѣпились такъ сильно, что у людей, признающихъ необходимость широкаго образованія, свободнаго отъ всякаго сектантскаго, партійнаго духа, непременно должна была родиться мысль о необходимости такого учрежденія, которое создавало бы свободную, здоровую и укрѣпляющую атмосферу для молодежи и подготавлило бы ее къ выполнению предстоящихъ ей социальныхъ обязанностей. Мысль эта приведена въ исполненіе. Комитетъ, въ составъ котораго вошли: Эдмондъ Пикарь, Поль Жаксонъ и др., уже въ мартъ мѣсяцъ этого года опубликовалъ воззваніе къ обществу, въ которомъ излагалъ свои взгляды на старый университетъ, представляющійся отжившимъ учрежденіемъ, и знакомилъ общество съ тѣми воспитательными цѣлями, которыя преслѣдуются основателями новаго университета.

Являясь вполне свободнымъ отъ всякихъ предрасудковъ и предубѣждений учрежденіемъ, новый университетъ широко открываетъ свои двери женщинамъ. Одинъ изъ основателей этого университета, Эдмондъ Пикарь, говоритъ по этому поводу: «Если даже допустить, что женская половина рода человеческого отличается отъ мужской способомъ мышленія, иначе мыслить, вѣрить и дѣйствовать, то все же нельзя отнимать у нея право на образованіе, на то, чтобы и для нея была открыта сокровищница знаній, безъ всякихъ ограниченій». Эдмондъ Пикарь общается братское гостепріимство женщинамъ въ новомъ храмѣ науки, гдѣ въ лицѣ женщинъ будутъ видѣть не однѣхъ только хозяекъ и т. д., а настоящихъ сотрудницъ мужчины во всѣхъ дѣлахъ, волнующихъ современное общество».

Всѣ, желающіе учиться, могутъ по-

лучить доступъ въ университетъ; путемъ же частныхъ лекцій университетъ стремится сдѣлать науку доступной и для рабочихъ массъ Бельгіи. Программа преподаванія въ новомъ университетѣ значительно шире программы стараго университета. Въ октябрѣ должны открыться только два факультета, юридическій и литературно-философскій. Нововведеніемъ на юридическомъ факультетѣ явится преподаваніе психіатріи, анатоміи и физиологіи, а на литературно-философскомъ—исторіи, энциклопедіи и философіи искусства. Любопытнѣе всего, что основатели этого университета замышляютъ устроить нѣкоторые факультеты университета не въ Брюсселѣ, а въ другихъ городахъ. Между прочимъ, техническій факультетъ предполагается основать въ Шарлеруа, главнымъ промышленномъ центрѣ Бельгіи, а медицинскій и естественный—въ Антверпенѣ. Университетъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: первый—свободная школа высшаго образованія, второй—институтъ высшихъ наукъ. Второй отдѣлъ и устроенъ именно съ цѣлью дополненія къ официальнымъ программамъ и предметы лекцій въ этомъ отдѣлѣ будутъ распадаться на три разряда: науки описательныя, науки отвлеченныя и изящныя, свободныя и техническія искусства. Вообще инициаторы этого дѣла стремятся къ тому, чтобы образованіе, получаемое въ этомъ университетѣ, носило самый энциклопедическій, философскій характеръ, причемъ дается возможность получать также и специальное образованіе.

Бельгійское общество сочувственно относится къ идеѣ этого университета, такъ что основатели его смѣло могутъ рассчитывать на поддержку общества. Жажда знанія растетъ все сильнѣе и проникаетъ всѣ слои общества и призывъ великодушныхъ дѣятелей народнаго образованія, ко-

нечно, не останется въ Бельгiи «глазомъ вопiющаго въ пустынь».

Японскiе журналисты и печать.
Со времени корейской войны общественное мнѣнiе Европы, заинтересованное событiями на дальнемъ востокѣ, обнаружило также живой интересъ и къ людямъ и учреждениямъ этихъ далекихъ окраинъ. Японiя привлекаетъ къ себѣ особенное вниманiе европейцевъ, что вполне естественно, такъ какъ эта страна въ теченiе послѣднихъ двадцати лѣтъ сдѣлала большiе успѣхи въ дѣлѣ усвоенiя европейской цивилизаци и прогресса. Японiя ввела у себя европейскiй образъ правленiя, европейскую административную и судебную систему и т. п. Къ числу нововведенiй въ Японiю принадлежатъ также и печать, представляющая совершенно молодое учрежденiе. Надо, впрочемъ, сознаться, что въ этомъ отношенiи Японiя не достигла такихъ огромныхъ успѣховъ, какихъ она достигла въ другихъ отрасляхъ, и это понятно—нельзя вѣдь создать внезапно по желанiю журналистовъ и общественное мнѣнiе въ странѣ, въ которой не было на того, ни другого въ теченiе столь долгаго времени. Изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, выводить заключенiе, что газетъ мало въ Японiи. Напротивъ, онѣ тамъ изобилуютъ. Недостатокъ, пожалуй, ощущается только въ читателяхъ. Въ 1891 году число политическихъ газетъ, ежедневныхъ, еженедѣльныхъ и т. п., достигало 180, но включая сюда 167 газетъ, спеціально трактующихъ о коммерческихъ и сельскохозяйственныхъ вопросахъ, 172 литературныхъ органовъ, 68—религиозныхъ (преимущественно буддистскихъ), 45—гигиеническихъ и медицинскихъ, 13—юридическихъ, 79—педагогическихъ, 11—политико-экономическихъ и одинъ военный журналъ. Съ каждымъ годомъ число этихъ газетъ, журналовъ

и т. п. возрастало и въ настоящее время достигаетъ уже 900.

Въ противоположность Китаю, гдѣ, кромѣ пекинской газеты и нѣкоторыхъ другихъ такихъ же официальныхъ газетъ, почти всѣ органы печати основаны иностранцами и даже по сейчасъ редактируются и издаются ими, въ Японiи всѣ газеты и журналы находятся въ рукахъ японцевъ, конечно, исключая четырехъ или пяти англійскихъ газетъ, издающихся въ резиденціяхъ англичанъ.

Недостатокъ въ читателяхъ, однако, дѣлаетъ существованiе японской печати крайне непрочнымъ, поэтому-то и профессiя журналиста въ Японiи плохо оплачивается. Рѣдко, когда редакторъ какого-нибудь органа получаетъ около ста иенъ въ мѣсяцъ (около двухсотъ рублей); это самый высшій заработокъ, котораго можетъ достигнуть журналистъ въ Японiи, и то лишь въ такомъ случаѣ если органъ, въ которомъ онъ работаетъ, очень распространенъ. Въ большинствѣ случаевъ заработокъ японскаго журналиста колеблется между 30—60 иенъ въ мѣсяцъ, многiе же журналисты работаютъ даромъ, только изъ любви къ искусству. Почти всѣ журналы въ Японiи составляютъ собственность типографчиковъ. Редакторы пяти главныхъ газетъ въ Токио получаютъ одинъ—шестьдесятъ иенъ въ мѣсяцъ, два другихъ по тридцати, а двое работаютъ даромъ. Главою всѣхъ японскихъ журналистовъ съ точки зрѣнiя заработка слѣдуетъ считать нѣкоего Такагаша Бенцо, редактора «Osaka Asahi»—«Восходящее солнце Асахи», получающаго до двухсотъ иенъ въ мѣсяцъ.

Въ Японiи рѣдко журналисты достигаютъ какого-нибудь высокаго общественнаго положенiя и могутъ путемъ журналистики устроить себѣ карьеру. Впрочемъ, четверо бывшихъ журналистовъ занимаютъ въ настоящее время важныя должности—одинъ изъ нихъ ди-

ректоръ банка «*Mitsui*», главнѣйшаго финансоваго учрежденія страны—но достигли они этого положенія, конечно, не вслѣдствіе своего занятія журналистикой.

Изъ числа всѣхъ газетъ и журналовъ не болѣе двѣнадцати, выходящихъ въ Токио, имѣютъ вліяніе на общественное мнѣніе. Названная газета «*Osaka Asahi*» выходитъ въ количествѣ 30.000 экземпляровъ—это самое большое число, въ среднемъ же японскія газеты выходятъ не больше, какъ въ количествѣ 3.000 экземпляровъ.

Официознымъ органомъ японскаго правительства считается «*Niti-Niti*», другія же газеты въ большинствѣ случаевъ, служатъ выразительницами не общественнаго мнѣнія, а лишь мнѣнія какой-нибудь отдѣльной группы депутатовъ, а иногда просто какого-нибудь одного депутата, на средства котораго издается газета. Вслѣдствіе такого положенія вещей вліяніе журналистики на общественное мнѣніе весьма ограничено. Но, какъ мы уже сказали раньше, сразу не создаются журналисты и общественное мнѣніе, быстрый же ходъ японскаго прогресса позволяетъ надѣяться, что въ скоромъ времени журналистика займетъ подобающее ей положеніе въ странѣ и явится дѣйствительно выразительницею и руководительницею общественнаго мнѣнія.

Американскій способъ раздѣленія океанскихъ судовъ на двѣ части для пропуска ихъ черезъ шлюзы. Судходство по внутреннимъ водамъ Сѣверной Америки достигло такого развитія въ послѣднее время, что явилась потребность въ постройкѣ цѣлой сѣти соединительныхъ кана-

ловъ, по которымъ суда могли бы попадать внутрь страны. Несмотря, однако, на глубину каналовъ и величину шлюзовъ, по нимъ все-таки могли проходить лишь легко нагруженные и притомъ небольшія суда. Вслѣдствіе этого строительныя верфи на большихъ озерахъ не могли строить большихъ океанскихъ судовъ, такъ какъ доставка ихъ къ морю была невозможна. Но кораблестроительные инженеры въ Мичиганѣ придумали какъ обойти это препятствіе; они изобрѣли способъ раздѣленія большихъ судовъ. У входа въ каналъ Юлондъ, соединяющій озера Эри и Онтарио большіе суда раздѣляются на двѣ части и затѣмъ снова соединяются въ одно цѣлое при выходѣ въ море, въ докахъ Монреаля. Первое построенное и доставленное этимъ способомъ въ Монреаль судно, вѣсомъ въ 200.000 пудовъ, длиною въ 43 сажени и шириною въ восемь сажень было опущено въ озеро Мичиганъ въ 1890 году. Выйдя изъ строительной верфи, пароходъ шелъ со скоростью 12 узловъ въ часъ и прибылъ въ Буффало. Здѣсь онъ былъ разъединенъ на двѣ части, для чего его вытащили на берегъ по наклонной плоскости. И затѣмъ раздѣлили, причемъ въ каждой изъ частей устроили въ плоскости раздѣла непроницаемыя переборки. Листы боковой обшивки защищены были толстыми досками, и затѣмъ обѣ части судна спущены въ воду. Задняя часть судна шла самостоятельно, при помощи собственныхъ машинъ, передняя же двигалась на буксирѣ особаго парохода. Пройдя черезъ 43 шлюза, обѣ части судна прибыли на одиннадцатый день плаванія въ Монреаль.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

(«Century Magazine», «Revue de Paris», «Review of Reviews», «Revue des Revues»).

«Century Magazine» — «Revue de Paris». Искусство разговаривать всегда считалось неотъемлемою принадлежностью французовъ и только въ послѣднее время возникло предположеніе, что это искусство стало падать и что въ Парижѣ уже не существуетъ болѣе такихъ салоновъ, гдѣ бы процвѣталъ настоящій французскій разговоръ, блестящій, остроумный, касающійся всего, но ни на чемъ не останавливающійся долго. Нѣкогда такіе салоны царили въ Парижѣ и не смотря на то, что разговоръ въ этихъ салонахъ всегда только скользилъ, не проникая въ сущность предмета, многіе серьезные перевороты, какъ въ общественной жизни, такъ и въ области литературы и искусства подготовлены были въ такихъ салонахъ. Въ модахъ законодательницами также являлись изящныя посѣтительницы салоновъ. Г-жа Бентсонъ, авторъ статьи, посвященной этому предмету въ «Century Magazine», находитъ несправедливымъ обвиненіе современныхъ французовъ въ томъ, что они разучились разговаривать. Она говоритъ, что «разговорные» салоны существуютъ еще и теперь въ Парижѣ, только, быть можетъ, вліяніе ихъ уже не такъ сильно отражается на общественной жизни Франціи и ея литературѣ, какъ прежде. Г-жа Бентсонъ описываетъ нѣсколько такихъ современныхъ французскихъ салоновъ, напимѣръ, салонъ принцессы Матильды. Во времена второй имперіи этотъ салонъ пользовался самою блестящею репутаціею. Доступъ въ него всегда былъ труденъ, такъ какъ принцесса очень ограничиваетъ кругъ своихъ приглашенныхъ, но тѣмъ не менѣе, салонъ ея открытъ для всѣхъ истинныхъ любителей и представителей искусства и литературы. Принцесса сама художница и поэтому вызываетъ

особенное расположеніе къ поэтамъ и художникамъ и многимъ изъ нынѣшнихъ знаменитостей она облегчила первые шаги на избранномъ ими поприщѣ и помогла скорѣе достигнуть славы. Хотя блестящее время ея салона миновало вмѣстѣ съ имперіей, тѣмъ не менѣе и теперь вокругъ нея собираются люди, оставшіеся ей вѣрными, несмотря на политическіе перевороты, послѣдніе сторонники павшей имперіи или же знаменитости дня, поэты — какъ Жозе-Марія Гередиа, романисты — какъ Поль Бурже, артисты — какъ Дусе и Бенаръ, критики и писатели разныхъ отдѣлковъ. Хозяйка, одинаково любезна со всѣми и, не смотря на свои годы, сохранила еще ту обворожительную грацію, которая такъ привлекала къ ней сердца посѣтителей ея салона въ былыя времена. Разговоръ ведется непринужденно, но, тѣмъ не менѣе, гости все-таки помнятъ, что они въ гостяхъ у принцессы императорской фамилии, да и сама принцесса при случаѣ не прочь объ этомъ напомнить. Когда Тэнъ напечаталъ извѣстную характеристику личности Наполеона I, дяди принцессы, то принцесса немедленно отказала ему отъ дома, пославъ ему свою визитную карточку съ тремя многозначительными буквами: P. p. C. (pour rendre songé). Тэнъ, который былъ завсегдаемъ салона принцессы, долго не могъ утѣшиться послѣ этого. — «Ну что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?» спрашивалъ онъ Ренана, который также былъ своимъ человѣкомъ у принцессы Матильды. — «Мой милый Тэнъ, — отвѣчалъ ему Ренанъ, — изъ любви къ тому, что я считаю истиной, я поссорился съ дамой, которая знатнѣе всѣхъ принцессъ на свѣтѣ — съ церковью!»

Другой салонъ, описываемый г-жею Бентсонъ, это салонъ г-жи Обернонъ-

де-Нервилль, въ которомъ сохранились лучшія традиціи XVIII вѣка. Г-жу Обернонь и ея мать въ парижскомъ обществѣ называютъ «Précieuses ridicales», такъ какъ онѣ обѣ убѣжденныя республиканки. Г-жа Обернонь даетъ обѣдъ каждую субботу въ своемъ прекрасномъ отелѣ въ улицѣ Асторгъ, но на этомъ обѣдѣ никогда не присутствуетъ болѣе десяти чловѣкъ. Выборъ приглашенныхъ на обѣдъ всегда очень обдуманнй; хозяйка имѣетъ въ виду, чтобы на ея обѣдѣ присутствовало всегда только одно лицо, умѣющее вести разговоръ—«grand sauteur»: ему-то и предназначается первая роль за обѣдомъ. Двое такихъ лицъ, одинаковой силы въ искусствѣ вести разговоръ, по мнѣнію хозяйки, только будутъ мѣшать другъ другу. Но, разумѣется, нуженъ еще и такой собесѣдникъ, который бы съумѣлъ поддержать разговоръ, подхватить брошенную ему на лету остроуту, отвѣтить тѣмъ же, однимъ словомъ, который «не полѣзъ бы за словомъ въ карманъ». Для этой второстепенной роли предназначается какой-нибудь молодой поэтъ или романистъ, не слишкомъ влюбленный въ себя. Остальные гости—свѣтскіе люди, умѣющие слушать и во время вмѣшиваться въ разговоръ и двѣ-три дамы, не болѣе, которыя должны оживить своимъ присутствіемъ общество, но отнюдь не должны монополизировать вниманіе гостей. При такомъ искусномъ подборѣ гостей въ салонѣ г-жи Обернонь, дѣйствительно, можно услышать настоящій парижскій разговоръ, остроумный, блестящій, бѣгло скользящій даже по серьезнымъ вопросамъ, но все-таки затрогивающій всѣ тѣмы, сколько-нибудь интересующія парижское общество. Звѣздой первой величины въ этомъ салонѣ былъ нѣкогда Ренанъ, который всегда отличался особеннымъ искусствомъ вести разговоръ. Дюма-сынъ, разговоръ, котораго представляетъ настоящій фейерверкъ

остроумія, драматическій писатель Анри Беккъ, Жюль Симонъ, Брюнетьеръ, Шербюлье—все это завсегда-тай салона г-жи Обернонь. Эмиль Дешанель характеризовалъ слѣдующимъ образомъ парижскій разговоръ: «Въ десятиминутномъ парижскомъ разговорѣ, — сказалъ онъ — заключается болѣе идей, образовъ и чувствъ всякаго рода, нежели въ трехдневномъ разговорѣ провинціальномъ».

Салонъ г-жи Обернонь не служитъ предверіемъ академіи, но тѣмъ не менѣе многіе избранные уже академики и лица, пользующіяся ихъ расположеніемъ, встрѣчаются въ этомъ салонѣ и обсуждаютъ между собою предстоящіе выборы и кандидатуры на вакантное кресло. Когда Пальеронъ написалъ свою извѣстную комедію «Le monde ou l'on s'ennuie», то злые языки стали утверждать, что онъ изобразилъ салонъ г-жи Обернонь въ этой пьесѣ, но г-жа Обернонь, до которой дошли эти слухи, увидавъ пьесу на сценѣ, сказала автору: «Говорятъ, что вы хотѣли насъ изобразить въ своей пьесѣ. Но это вздоръ; вы вѣдь сами знаете, что мы представляемъ не «міръ скуки» а «міръ веселья», не правда ли?»

Молодежь имѣетъ доступъ въ салонъ, но многимъ изъ нихъ г-жа Обернонь не можетъ простить безцеремоннаго обращенія съ французскимъ языкомъ; она не любитъ декадентства и осуждаетъ мистицизмъ и метафизическую темноту. «Я люблю имѣть твердую почву подъ ногами», говоритъ она.

Г-жа Бентсонъ описываетъ еще нѣсколько парижскихъ салоновъ, столь же посѣщаемыхъ, какъ и салонъ г-жи Обернонь. Между прочимъ, у Альфонса Додэ существуетъ нѣчто вродѣ такого же собранія по четвергамъ, но салонъ замѣняется бібліотекой, куда собираются литераторы и художники. Между литераторами встрѣчаются и

представители декадентской *) школы, напимѣръ, Маларме.

Любопытно, что женщины, которымъ удавалось создать салонъ, пользовавшійся болѣе или менѣе репутаціею «bureau d'esprit» (бюро ума), были большею частью одинокія женщины, вдовы, незамужнія. Всѣ блестящіе салоны XVII и XVIII вѣка, безъ исключенія, были устроены именно такими женщинами. Впрочемъ, у г-жи Жоффренъ былъ мужъ, но онъ былъ настолько незамѣтенъ, что никто изъ философовъ, посѣщавшихъ ея салонъ, почти не зналъ его въ лицо и не замѣтилъ его отсутствія, когда онъ умеръ.

Въ заключеніе своей интересной статьи г-жа Бентсонъ говоритъ, что совершенно напрасно предполагаютъ, что демократическое теченіе жизни дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на искусство разговаривать и мѣшаетъ существованію салоновъ. Въ республиканской Франціи, какъ и въ монархической, продолжаетъ процѣтать разговорный талантъ; кромѣ того, по словамъ г-жи Бентсонъ, нигдѣ не умѣютъ такъ хорошо разговаривать, какъ въ республиканской Америкѣ. Но въ Америкѣ разговорный талантъ представляетъ, главнымъ образомъ, достояніе женщинъ—мужчины тамъ не отличаются этимъ искусствомъ, за небольшими лишь исключеніями. Быть можетъ, это объясняется исключительною дѣловою жизнью, поглощаю-

щую все ихъ вниманіе; американки же изощряются въ искусствѣ говорить въ своихъ клубахъ и на митингахъ, гдѣ рѣчь заходитъ о всевозможныхъ предметахъ, литературныхъ, соціальныхъ и т. п. Женщины пріучаются на этихъ митингахъ говорить въ публикѣ, выражаться ясно и просто и оспаривать возраженія логично и безъ лишняго жара.

Къ числу людей, обладающихъ въ высокой степени разговорнымъ талантомъ, принадлежалъ Викторъ Гюго. Въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, напечатанныхъ въ «Revue de Paris», Жюль Клареси говоритъ, что Викторъ Гюго очаровывалъ своимъ разговоромъ всѣхъ своихъ собесѣдниковъ. Онъ владѣлъ въ совершенствѣ этимъ, чисто-французскимъ даромъ и каждый, кому приходилось слушать его, уходилъ отъ него восхищенный. «Это были чудныя бесѣды», говоритъ Клареси. Викторъ Гюго съ легкостью переходилъ отъ одной тѣмы къ другой, отъ Шарля Нодье къ Данте, отъ воспоминаваній объ Испаніи или Вандеи къ мечтамъ о будущемъ, и въ каждомъ его словѣ просвѣчивалъ геній и громадный, изумительно острый умъ. У него былъ очень оригинальный способъ выраженія. «Перелистывайте меня!» (feuilletez moi)—говорилъ онъ Клареси.—Когда меня не будетъ, вы расскажете, что говорилъ вамъ старикъ «послѣ выпивки» (après boire). Это слово «après boire» онъ всегда произносилъ нѣсколько насмѣшливымъ тономъ, ибо всегда хвастался тѣмъ, что во всю свою жизнь не выпилъ даже одного литра какого-нибудь спиртнаго напитка.

*) «Декадентской» называется новая литературная школа во Франціи, выработавшая совершенно особые приемы литературнаго творчества и заимствовавшая свое названіе отъ слова «décadence»—упадокъ. Представители этой школы пишутъ необыкновенно вычурнымъ языкомъ, возводятъ символъ на первое мѣсто и въ стихахъ ищутъ не мысли, а такой комбинаціи гласныхъ и согласныхъ буквъ, которая производила бы извѣстное впечатлѣніе на слуховые органы. Въ рецензіи о книгѣ Бинэ «Цвѣтной слухъ» мы уже имѣли случай говорить о декадентахъ.

Извѣстно, что Викторъ Гюго отказался вернуться во Францію, пока тамъ существовала имперія. Но Седанская катастрофа, несчастія, обрушившіяся на страну, вернули его на родину. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ какъ разъ наканунѣ осады. Увидѣвъ въ первый разъ послѣ двѣнадцати-

лѣтнаго изгнанія французскихъ солдатъ, поэтъ не могъ сдержать слезъ. «Увидѣть снова Францію,—воскликнулъ онъ,—но увидѣть ее въ рукахъ непріятеля!.. Увидѣть ее низведенной, быть можетъ, на стѣню, на которой она находилась во времена Людовика XIII!»

Громадная толпа народа дожидала поэта у вокзала желѣзной дороги, но, какъ только раздался привѣтствія, онъ крикнулъ: «Тише!» и указалъ на вагоны, въ которыхъ вели раненыхъ и изъ которыхъ сочилась на дорогу кровь! «Поклонитесь раненымъ!» сказалъ онъ, обращаясь къ толпѣ и быстро вышелъ изъ вокзала!

Поселившись въ Парижѣ, въ маленькомъ отелѣ, Викторъ Гюго бодро пережилъ тяжелыя времена осады и коммуны. Ничто, повидимому, не могло повліять на его склонность къ оптимизму и хорошее настроеніе. Его друзья часто посѣщали его, наслаждаясь его удивительно остроумной и занимательной бесѣдой. Въ искусствѣ вести бесѣду Викторъ Гюго рѣшительно не имѣлъ себѣ равнаго, и даже такіе увлекательные собесѣдники какъ Сентъ-Бёвъ и Ренанъ, должны были уступить ему пальму первенства. Все обращеніе Виктора Гюго и его разговоръ дышали глубокою добротою; форма рѣчи всегда была безукоризненна и изысканно вѣжлива, но временами въ его словахъ сквозила какая-то чисто патриархальная иронія. Онъ очень любилъ огоршить своего собесѣдника какимъ-нибудь неожиданнымъ замѣчаніемъ. Такъ, однажды, онъ сказалъ Виктору Шельхеру: «Знаете ли, Шельхеръ, никакой политической вражды, въ сущности, не бываетъ, бываетъ только литературная вражда!» Ренанъ вернувшійся съ острова Капри, посѣтилъ Виктора Гюго и тотъ его встрѣтилъ слѣдующими словами: «Вы, вотъ, Ренанъ, слѣдали какія-то необыкновенныя открытія въ богословіи, а между тѣмъ, вамъ на-

вѣрное неизвѣстно, что Дюфоръ уже болѣе не первый министр. Не правда ли, вы этого не знали?» Ренанъ, дѣйствительно, ничего объ этомъ не зналъ.

Викторъ Гюго пользовался желѣзнымъ здоровьемъ, хотя ростъ очень хилымъ и слабымъ ребенкомъ. Онъ самъ описалъ это въ своихъ стихотвореніяхъ «Feuilles d'Automne». Но въ семьдесятъ лѣтъ онъ очень любилъ говорить слѣдующее: «Въ естественной исторіи извѣстны только три замѣчательныхъ желудка: желудокъ акулы, желудокъ утки и желудокъ Виктора Гюго!» Ему было 76 лѣтъ, когда его подробно осмотрѣлъ знаменитый врачъ Жерменъ Сее, сказавшій послѣ этого:

— Еслибъ я не зналъ, кто мой пациентъ и мнѣ предложили бы его изслѣдовать въ темной комнатѣ, то я непременно вывелъ бы заключеніе, что имѣю дѣло съ человѣкомъ, которому не болѣе сорока лѣтъ.

Любовь Виктора Гюго къ дѣтямъ хорошо извѣстна. Сколько разъ его видали въ скверѣ, окруженнымъ дѣтьми, которымъ онъ рассказывалъ сказки. Маленькія дѣти знали его и всегда ожидали его появленія съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Тогда шли нескончаемые рассказы и Виктору Гюго зачастую приходилось просить пощады у своихъ слушателей, которые требовали отъ него все новыхъ и новыхъ сказокъ.

Со времени своего изгнанія Викторъ Гюго ни разу не являлся въ академію и однажды, когда онъ захотѣлъ отправиться туда для участія въ выборахъ въ пользу Дюма-сына, то привратникъ въ входа въ залу засѣданія остановилъ его:

— Куда вы идете?—спросилъ привратникъ Виктора Гюго.

— Въ залу засѣданій,—отвѣчалъ тотъ.

— Но, милостивый государь, сюда впускаютъ только членовъ академіи.

— Я знаю.

— Но, такъ какъ вы не академикъ...

— Прошу прощенія, почтеннѣйшій, но я академикъ...

Привратникъ пожалъ плечами и съ ироническою улыбкою замѣтилъ:

— Милостивый государь, я уже двадцать лѣтъ служу здѣсь привратникомъ и всѣхъ членовъ академіи знаю въ лицо. Безполезно...

— Прошу прощенія, — возразилъ поэтъ, но я 24 года не ступалъ сюда ногой. Меня зовутъ Викторъ Гюго.

— Викторъ Гюго? Позвольте! Да, да, кажется, у насъ есть такой... Превосходно!.. Проходите, милостивый государь.

Изъ цѣлаго ряда всевозможныхъ воспоминаній и разсказовъ о Викторѣ Гюго, которые появились во французской литературѣ послѣ смерти поэта, упомянутыя воспоминанія Жюльа Блареси выдаются именно потому, что авторъ рисуетъ намъ интимную жизнь человѣка, котораго онъ хорошо зналъ и котораго очень любилъ.

«Review of Reviews». Въ Антверпенѣ существуетъ очень интересный музей, устроенный въ честь Плантена, знаменитаго типографщика XVI вѣка. «Review of Reviews» заимствуетъ описаніе этого музея изъ голландскаго журнала «Velhagen» и сообщаетъ нѣкоторыя подробности о жизни и дѣятельности учредителя перваго и самаго обширнаго типографскаго заведенія въ Антверпенѣ. Христофоръ Плантенъ родился близъ Тура въ 1514 году и только въ 1549 году переселился въ Антверпенъ, гдѣ сперва занимался переплетнымъ мастерствомъ. Въ этомъ мастерствѣ онъ достигъ большого совершенства и его кожаные переплеты славятся во всей странѣ. Но однажды поздно вечеромъ, когда онъ возвращался домой, на него напали какіе-то люди, которые, очевидно, приняли его за кого-то другаго, и тяжело его ранили въ руку.

«миръ вождй», № 11, ноябрь.

Результатомъ этой раны явилась такая слабость руки, что онъ уже не могъ болѣе работать такъ, какъ прежде, и рѣшилъ открыть типографское заведеніе, которое очень быстро разрослось и въ 1562 году уже приобрѣлъ громкую извѣстность. Но тутъ опять Плантена постигла неудача; его обвинила инквизиція въ печатаніи еретическихъ книгъ. Въ домѣ его произведенъ былъ обыскъ, конфискованы книги, но ему самому удалось бѣжать въ Парижъ, гдѣ, на деньги, вырученныя его друзьями отъ продажи его имущества въ Антверпенѣ, онъ открылъ книжную лавку. Когда опасность миновала, онъ снова вернулся въ Антверпенъ. У Плантена было пять дочерей, но ни одного сына, и поэтому, помощниками его въ типографскомъ дѣлѣ сдѣлались мужья его дочерей. Одинъ изъ нихъ, Жанъ Моретусъ, былъ представителемъ антверпенской типографской фирмы Плантена за границей. Величайшимъ дѣломъ Плантена, стяжавшимъ ему громкую извѣстность, было напечатаніе и изданіе Библии на нѣсколькихъ языкахъ—«Biblia Polyglotta». Мысль издать такую библію явилась у Плантена въ 1566 году и время благопріятствовало этому предпріятію, ибо реформація возбудила интересъ къ священному писанію. Испанскій король Филиппъ, по совѣту кардинала Гранвеллы, рѣшилъ оказать поддержку антверпенскому типографщику и послалъ ему крупную сумму денегъ вмѣстѣ со своимъ придворнымъ капелланомъ, которому поручено было руководить этимъ предпріятіемъ. Восемь томовъ библии, превосходно изданныхъ, вышли въ свѣтъ между 1569—1573 гг. Довольный этимъ, король далъ Плантену монополию на печатаніе священныхъ книгъ во всѣхъ земляхъ испанской короны.

Однако, такой успѣхъ все-таки не далъ возможности Плантену составить себѣ состояніе и въ 1573 г. онъ обанкротился и уѣхалъ изъ Антверпена

въ Лейденъ, гдѣ снова попробовалъ основать типографію. Поручивъ эту типографію своему зятю, Плантенъ опять вернулся въ Антверпенъ, гдѣ и умеръ въ 1589 году.

Въ 1876 году Антверпенъ приобрѣлъ домъ, гдѣ было нѣкогда типографское заведеніе Плантена, и устроилъ въ немъ музей. Въ этомъ музеѣ все такъ устроено, какъ было во времена Плантена, и сохранена прежняя обстановка типографіи въ полной неприкосновенности. Посѣтители музея, конечно, съ интересомъ осматриваютъ эту обстановку, прежніе типографскіе станки, шрифты и т. д. Въ комнатахъ для чтенія корректуръ и въ лавочкѣ при типографіи собраны, по возможности, всѣ предметы, составлявшіе принадлежность прежней обстановки этихъ комнатъ. Между прочимъ, тамъ можно найти старинные портреты, рисованные Рубенсомъ. Слѣдующій фактъ указываетъ, какъ быстро разрослось типографское дѣло въ Антверпенѣ: когда Плантенъ открылъ свое заведеніе, то у него было всего лишь семь станковъ, но черезъ десять лѣтъ въ его типографіи уже дѣйствовало 15 станковъ, а въ 1572 году—22. Плантенъ отличался безкорыстною преданностью своему дѣлу, любилъ его и вслѣдствіе заботился о его усовершенствованіи. Онъ предсказывалъ великую будущность печатному дѣлу. Авторъ замѣтки о Плантенѣ въ голландской газетѣ говоритъ, что ко всей его жизни можно смѣло примѣнить слѣдующій девизъ: «*Labore et constantia*».

«*Review of Reviews*» помѣщаетъ извлеченіе изъ статьи г-жи Фрэнсисъ Лоу, напечатанной въ журналѣ «*Strand*», гдѣ затрагивается крайне интересный вопросъ о разницѣ литературныхъ вкусовъ прошлаго и нынѣшняго молодого поколѣнія Англии. Г-жа Фрэнсисъ Лоу сообщаетъ свѣдѣнія, полученные ею отъ 300 маль-

чиковъ и 150 дѣвочекъ, посѣщающихъ школы и принадлежащихъ къ среднему и высшему классу населенія. Свѣдѣнія эти получены черезъ учителей и учительницъ, которые раздавали своимъ воспитанникамъ листки и просили ихъ отмѣтить на этихъ листкахъ своихъ любимыхъ авторовъ. Сравнивая полученные данныя съ тѣми, которыя извѣстны относительно любимаго чтенія прошлаго поколѣнія, г-жа Фрэнсисъ Лоу приходитъ къ заключенію, что вкусы сильно измѣнились. «Робинзонъ Крузо», «Арабскія сказки» далеко уже не занимаютъ прежняго мѣста, а между тѣмъ, именно эти книги были любимымъ чтеніемъ въ дѣтствѣ Джона Бернса, Габриеля Россетти, профессора Гексли, путешественника Стэнли и многихъ другихъ лицъ, ставшихъ теперь знаменитыми. Гладстонъ въ дѣтствѣ также любилъ арабскія сказки «Тысяча и одна ночь», но рассказамъ Вальтеръ-Скотта онъ отдавалъ предпочтеніе передъ «Робинзономъ Крузо». Измѣненіе литературныхъ вкусовъ молодого поколѣнія совершилось далеко не къ лучшему, по мнѣнію г-жи Фрэнсисъ Лоу, и она сожалеетъ о томъ, что литературный вкусъ молодого поколѣнія Англии воспитывается теперь на такихъ произведеніяхъ, которыя отличаются вульгарностью стила и полнымъ отсутствіемъ героическаго и возвышеннаго элемента. Популярность такихъ произведеній указываетъ на деморализацію литературнаго чувства въ англійскомъ обществѣ. Вѣрны ли выводы г-жи Фрэнсисъ Лоу, можетъ рѣшить только всестороннее изслѣдованіе этого вопроса, такъ какъ показаній 450 учениковъ, конечно, недостаточно для того, чтобы произнести приговоръ всему молодому поколѣнію, но во всякомъ случаѣ попытка прослѣдить эволюцію литературныхъ вкусовъ въ современномъ поколѣніи заслуживаетъ вниманія, и было бы интересно, если бы она была

произведена въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ.

«Revue des Revues». Молодой итальянскій ученый Сципио Сигеле, авторъ извѣстнаго сочиненія «Преступная толпа», напечаталъ небольшую, но интересную статью въ «Revue des Revues» о физиологій успѣха. Авторъ не считаетъ искреннимъ презрѣнне, высказываемое многими къ суду публики, за исключеніемъ развѣ только патологическихъ случаевъ мизантропій. Человѣкъ всего болѣе добивается успѣха и доставитъ успѣхъ ему можетъ только собраніе людей. Заставитъ говорить о себѣ составляетъ идеалъ не только мелкихъ натуръ, тщеславныхъ посредственностей, но это великій и полный законный идеалъ самыхъ скромныхъ и сильныхъ мыслителей. Разница заключается лишь въ средствахъ къ достиженію этого идеала. Каждый авторъ хочетъ, чтобы читали его статью, чтобы апплодировали его пьесѣ, художникъ мечтаетъ о томъ, чтобы восхищались его картиной, статуей. И это вполне естественно! Лишь въ исключительныхъ случаяхъ, подъ влияніемъ всепоглощающей страсти, человѣкъ можетъ помышлять, какъ герой одного произведенія итальянскаго писателя Аннунціо, о томъ, чтобы напечатать книгу въ «единственномъ экземплярѣ» и посвятить ее «единственной женщинѣ», такъ чтобы никто болѣе въ мірѣ не зналъ и не видѣлъ его произведенія. Сигеле считаетъ такой фактъ если и возможнымъ, то, во всякомъ случаѣ, патологическимъ явленіемъ.

Какъ бы то ни было, но ни одно произведеніе человѣка не можетъ избѣжать суда публики. Сигеле говорить, что способъ сужденія бываетъ различнымъ, а вслѣдствіе этого и приговоръ можетъ быть вѣрнымъ или невѣрнымъ, смотря по тому, произносится ли онъ коллективно и одно-

временно, или же изолированно и въ теченіе большого промежутка времени. Публика, которой приходится высказать свое мнѣніе о какомъ-нибудь гонимомъ произведеніи, представляетъ или компактный организмъ, то, что называется «толпой» или же, составляемый отдѣльными единицами и именуемый «общественнымъ мнѣніемъ». О книгѣ, напримѣръ, судятъ совершенно иначе, нежели объ ораторѣ или какомъ-нибудь драматическомъ произведеніи. Книга прочитывается въ тиши уединенія и читатели могутъ составить себѣ о ней искреннее сужденіе, свободное отъ всякихъ стороннихъ влияній. Между тѣмъ зрители, слушающіе какую-нибудь пьесу, бессознательно дѣйствуютъ другъ на друга и представляютъ вмѣстѣ то тысячеголовое чудовище, которое, какъ будто, говоритъ автору: «Ты долженъ мнѣ понравиться или ты погибнешь». Условія сужденія, слѣдовательно, совершенно различны въ томъ и другомъ случаѣ и должны отражаться на правильности самого приговора. Вопросъ заключается въ томъ, которыя изъ этихъ условій болѣе благоприятствуютъ вѣрности сужденія. Всякому извѣстенъ физиологическій законъ, по которому интенсивность эмоціональнаго ощущенія находится въ прямомъ отношеніи къ числу лицъ, испытывающихъ это же самое ощущеніе въ одно и то же время. Число лицъ, слѣдовательно, является главнымъ и важнѣйшимъ факторомъ «успѣха», и хотя успѣхъ создается не этимъ числомъ, но онъ достигается, благодаря этому числу, часто такихъ размѣровъ, которые заходятъ за предѣлы вѣроятнаго. Итакъ, сужденіе толпы всегда страдаетъ преувеличеніемъ, исключительно подъ влияніемъ численности, повышающей фатальнымъ образомъ диапазонъ индивидуальныхъ мнѣній, взятыхъ въ отдѣльности. Поэтому сужденіе толпы

часто бываетъ ошибочнымъ, такъ какъ коллективная психологія весьма рѣдко руководствуется логикою и здравымъ смысломъ. Проявленія ея зачастую вызываются какими-нибудь случайностями, бессознательными влияніями. Крикъ, жестъ, съдѣланный однимъ, повторяется неволью всеми остальными. Заразительность аплодисментовъ или выраженій неодобрения паразитерна; энтузіазмъ одного передается немедленно другимъ и возрастаетъ въ соответствующей пропорціи. Итакъ, слѣдовательно, сужденіе толпы, въ сущности, является лишь сужденіемъ одного изъ ея членовъ, который случайно и внезапно овладѣлъ толпой, дѣйствуя на нее бессознательно, силою внушенія.

«Я боюсь толпы, — писалъ Мопассанъ, — я не могу войти ни въ театръ, ни присутствовать на какомъ-нибудь публичномъ празднествѣ. Я испытываю всегда странное, невыносимое чувство неловкости, когда нахожусь въ толпѣ, раздраженіе нервовъ и такое ощущеніе, какъ будто я всеми силами стараюсь противиться какому-то таинственному и непреодолимому влиянію. И я действительно веду борьбу съ душою толпы, которая стремится въ меня проникнуть».

Самое замѣчательное явленіе, которое приходится наблюдать въ толпѣ, именно и заключается въ исчезаніи отдѣльных личностей и превращеніи ихъ въ одну неизмѣримую личность, имеющую толпой. Каждый отдѣльный индивидуумъ въ толпѣ какъ будто теряетъ способность чувствовать и мыслить самостоятельно и становится слѣпымъ орудіемъ какой-то незвѣстной силы. Въ толпѣ человекъ аплодируетъ, шикаетъ, кричить: «ура» или «на смерть!» часто совершенно не сознавая этого. Удалите человека изъ толпы, изъ этого пучка, въ составъ котораго

онъ входитъ, и онъ первый будетъ удивляться тому, что онъ дѣлалъ. Психологія толпы вся создана изъ жестокости и противорѣчій и склонна къ необыкновеннымъ скачкамъ отъ одного чувства къ совершенно противоположному. Довольно иногда одного возгласа, жеста, слова, чтобы сразу измѣнить настроеніе толпы.

Въ сужденіи о книгѣ влияние толпы исчезаетъ, коллективный приговоръ составляется постепенно путемъ обмѣна мнѣній и впечатлѣній между отдѣльными читателями. Въ такихъ случаяхъ личные мнѣнія сливаются вмѣстѣ въ одинъ общій аккордъ, но этотъ аккордъ образуется не сразу и уже поэтому онъ слагается преимущественно изъ такихъ отдѣльных мнѣній, которыя болѣе обдуманы, взвѣшены, и на этомъ основаніи мнѣе подвержены измѣненіемъ, чѣмъ мнѣніе толпы, являющееся продуктомъ бессознательной, коллективной психологіи. Во всякомъ собраніи людей, въ театрѣ и т. п. сужденіе возникаетъ внезапно и одновременно. Въ толпѣ невозможны свободныя движенія мускуловъ и также невозможно свободное движеніе и проявленія мысли. Толпа не судитъ, а подчиняется извѣстному внушенію. Въ другомъ же случаѣ, когда сужденія составляются отдѣльно, то хотя она и претерпѣваетъ нѣкоторыя измѣненія, входя въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, но тѣмъ не менѣе составляютъ продуктъ самостоятельнаго мышленія и поэтому болѣе цѣнны и болѣе правильны. Вотъ отчего сужденіе «людей», т.-е. приговоръ, составленный путемъ соединенія отдѣльных мнѣній въ одно цѣлое, всегда слѣдуетъ предпочитать суку толпы, хотя бы въ ея восторженныхъ крикахъ и заключалось много привлекательности.

RETURN TO **CIRCULATION DEPARTMENT**
202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
 1-month loans may be renewed by calling 642-3405
 6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
 Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

JUN 12 1981 **DUE AS STAMPED BELOW**

~~INTERLIBRARY LOAN~~		
REC. CIR. JUL 17 '81		
INTERLIBRARY LOAN		
JUL 6 1987		
UNIV. OF CALIF., BERK.		

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
 FORM NO. DD6, 60m, 3/80 BERKELEY, CA 94720

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C042636507

